DK
508
B91 0
5539 XVII

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ

ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ.

А. Ефименко.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1895.

Библиотека ОО
Академии Наук СССР
173
37

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 Мая 1895 года.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ.

По J. Ролле.

Въ январѣ текущаго года умеръ І. І. Ролле, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины. Въ „Кіевской Старинѣ“ былъ помѣщенъ некрологъ съ краткой характеристикой его литературно-научной дѣятельности. Но это, конечно, далеко не все, чѣмъ мы обязаны его памяти: необходимо познакомить читающую публику съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для нашей исторіи. Казалось-бы, какія особенныя трудности можетъ это представлять, разъ дѣло идетъ о такомъ легкомъ и интересномъ писателѣ, какъ Dr. Antoni I.? А между тѣмъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ, въ особенностяхъ его литературной манеры, его синтетическаго способа трактовать историческія темы, являющіяся у него воплощенными въ лица и картины, его живаго, всегда легкаго, часто художественнаго стиля, и заключаются препятствія. Прямой и простой путь къ ознакомленію съ писателемъ такого типа—это переводы. Но едва-ли можетъ быть серьезный разговоръ о переводѣ 19 томовъ—правда небольшихъ, но все-таки 19—его разсказовъ, въ которыхъ масса повтореній, масса отступленій, масса имѣющаго интересъ лишь мѣстный, случайный, временный, личный. Лучше выбрать для перевода отдѣльные разсказы,—но это и дѣлалось: „Кіевская Старина“ не разъ давала на своихъ страницахъ мѣсто такимъ

переводамъ, однако цѣнный историческій матеріалъ, заимствованный въ значительной степени изъ фамильныхъ архивовъ, разбросанъ у него повсюду.

Намъ пришла въ голову мысль выбрать изъ сочиненій Ролле то болѣе цѣнное, что имѣетъ отношеніе къ исторіи Украины, и представить выбранное въ цѣльномъ и связномъ изложеніи. Такимъ образомъ, получился очеркъ исторіи правобережной Украины, правда, страдающій нѣкоторыми пробѣлами, но тѣмъ не менѣе пополняющій въ извѣстномъ смыслѣ тотъ существенный недостатокъ, какой чувствуется въ нашей литературѣ по отношенію къ цѣльнымъ работамъ по исторіи юга, доступнымъ для публики.

Разумѣется, при такой постановкѣ намъ невозможно было устранить свою личность съ ея собственными взглядами на предметъ и съ ея критическимъ отношеніемъ къ положеніямъ и утвержденіямъ своего источника. Но мы все-таки льстимъ себя надеждой, что намъ удастся избѣжать опасности быть обвиненными въ неуваженіи къ взглядамъ Ролле.

I. До Люблинской уніи.

На рубежѣ 15-го и 16-го вѣковъ слово „Украина“, „кресы“ (пограничье) имѣло для обывателя внутреннихъ областей Литовско-Польскаго государства особый, таинственно-привлекательный смыслъ. На плоскихъ равнинáхъ Великой Польши, надъ Нѣманомъ, въ непроходимыхъ литовскихъ пущахъ, одѣтыхъ вѣчнымъ туманомъ, кружились фантастическіе разсказы о залитомъ солнцемъ краѣ, гостепріимно открытомъ для каждаго пришельца, гдѣ травы въ ростъ человѣка, укрываютъ дикихъ коней и безъ труда выкармливаютъ стада превосходныхъ воловъ и овецъ, гдѣ стоитъ бросить въ землю горсть зерна, чтобъ народилось столько хлѣба, что не знаешь, куда съ нимъ дѣваться... И понурый бѣлоруссъ, бредя за своей деревянной сохой по истощенному полю, мечталъ о золотыхъ нивахъ Поросья и Побужья; и мазовшанинъ зналъ, что на прекрасномъ Подольѣ ждетъ его не только сытый хлѣбъ, но и воля. Тѣмъ не менѣе однако, далеко не каждый изъ тѣхъ, кому нехорошо жилось дома и кто могъ уйти, уходилъ въ эти сказочныя страны: на рубежахъ ихъ залегалъ змѣй Горынычъ, та чудовищная гидра, которая постоянно впускала въ предѣлы Украины свои безчисленныя щупальцы, выбирала ad libitum жертвы и втягивали ихъ въ свою бездонную утробу. Но не будь татаръ, и кресы не были бы кресами, тѣмъ плѣнительнымъ краемъ, который неотразимо привлекалъ и привязывалъ къ себѣ всѣ истинно „рицерскія“ души.

Украина примыкала къ остальному міру красивой гористой южной Волынью и плоской равниной Кіевскаго Полѣсья, гдѣ на ряду съ болотомъ и пескомъ встрѣчается и настоящая

украинская пшеничная земля. Все это были земли исконнаго старо-русскаго заселенія, которыя хранили—какъ и до сихъ поръ хранятъ—въ своихъ нѣдрахъ, подъ своими курганами и валами, поросшими исполинскимъ лѣсомъ, много историческихъ тайнъ, ждущихъ раскрытія. Не смотря на пронесшіяся надъ краемъ крупныя политическія бури—монгольское нашествіе, литовское завоеваніе—населеніе въ массѣ осталось, повидимому, на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, перенеся такимъ образомъ живую нить исторической традиціи изъ удѣльной эпохи въ Литовско-Русское государство. Къ югу отъ этой полосы прочнаго заселенія тянулись уже „кресы“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: прекрасная пустыня, куда населеніе, свое—пограничное и пришлое, безудержно тянулось, привлекаемое изобиліемъ разсыпанныхъ вокругъ богатствъ природы, но гдѣ оно могло прочно держаться лишь подъ охраною замковъ или какихъ-нибудь естественныхъ прикрытій. Странно одиноко торчатъ эти замки, какъ напр. Каневъ, Черкассы, на территоріи южной части бывшаго кіевскаго княжества, но, очевидно, что не просто же они забыты здѣсь исторіей, что прикрываютъ же они кого-нибудь. А естественными прикрытіями для населенія служили лѣса, куда оно убѣгало при татарскихъ нападеніяхъ, если успѣвало, а на берегахъ Днѣстра и Смотрича, сверхъ того, и пещеры въ скалистыхъ берегахъ. Въ двухъ полосахъ этой пустыни населеніе успѣло болѣе или менѣе сплотиться: это по верхнему теченію Буга до Брацлавля (Побужье) и по Днѣстру отъ Смотрича приблизительно до Могилева (Поднѣстровье, Подолье). И та и другая территорія, и Поднѣстровье и Побужье, не сейчасъ только начинали свою историческую жизнь.—Несомнѣнно, на Побужьѣ въ концѣ удѣльной эпохи сидѣли, а, слѣдовательно, и имѣли свои княжества эти загадочные Болоховскіе князья, за которыми такъ тщетно гоняются историки; а русское заселеніе Поднѣстровья имѣетъ еще болѣе раннюю исторію: остатки скитовъ, выдолбленныхъ въ мягкомъ прибрежномъ камнѣ, православныхъ церквей и монастырей надъ богатыми залежами кремневыхъ орудій и друг. памятниковъ каменнаго вѣка, намекаютъ какъ-бы на древнюю культурную роль этой

территоріи. Но и тутъ и тамъ, на Днѣстрѣ, какъ и на Бугѣ, нить исторической преемственности, видимо, чѣмъ-то порвана, и жизнь какъ-бы начинаетъ складываться съизнова. На Побужьѣ жизнь эта складывается подъ явнымъ тяготѣньемъ Волыни; на Поднѣстровьѣ, примыкающемъ къ Галиціи, на такъ-называемыхъ молдавскихъ кресахъ, которые уже съ 14-го вѣка встали въ непосредственную политическую связь съ Польшей, русскій элементъ оказался подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго. Вотъ въ грубомъ видѣ контуры той исторической сцены, которую называли Украиной—той совсѣмъ особенной исторической сцены, глядя на которую, въ исторической перспективѣ трехъ послѣднихъ вѣковъ (XVI—XVIII) какъ будто не видишь ничего, кромѣ потрясающихъ драматическихъ эпизодовъ, кромѣ потоковъ человѣческой крови и слезъ... Дальше къ югу тянулись уже „дикія поля“, совершенно безлюдная ровная степь, гдѣ зимой бушевали снѣжныя мятели, а осенью сѣверный вѣтеръ гналъ безпрепятственно къ югу цѣлыя полчища перекати-поля; за то весной все убиралось въ цвѣточный коверъ, все было полно блеска, сладкихъ звуковъ и благоуханій. Но въ эту то именно пору расцвѣта своей красоты степь и дѣлалась страшно опасной для пограничнаго человѣка: подъ прикрытіемъ ея роскошной растительности татары незамѣтно пробирались въ заселенныя мѣстности... И при первой возможности пограничникъ безжалостно пускалъ въ эту степь краснаго пѣтуха, и вся ея цвѣтущая красота исчезала подъ чернымъ саваномъ пепла. Да, не могъ онъ смотрѣть на эту степь иначе, какъ взглядомъ вѣчно настороженнаго, вѣчно озлобленнаго врага...

Литовское государство, сплотивъ около своего ядра западныя русскія земли, въ половинѣ 14 вѣка отбросило къ Черному морю татарскія орды, которыя кочевали было по Бугу и Днѣстру и мирно уживались со своими осѣдлыми русскими сосѣдями, собирая съ нихъ дань серебромъ и хлѣбомъ и предоставляя имъ за то свободу и безопасность. А между тѣмъ въ теченіе слѣдующаго столѣтія положеніе рѣзко измѣнилось. Крымскій полуостровъ сдѣлался теперь центромъ, около котораго группировались кочевники степей, прилегающихъ къ Черному морю.

Въ то же время Крымъ оторвалъ отъ Астраханской орды ногайцевъ и передвинулъ этихъ дикарей, возбуждавшихъ ужасъ, въ сосѣдство Украины: они-то именно, подъ названіемъ татаръ очаковскихъ, бѣлгородскихъ, буджакскихъ, отличающимъ ихъ отъ татаръ собственно крымскихъ, или перекопскихъ, и играютъ такую важную роль на кровавыхъ страницахъ Украинской исторіи. Вассальная связь Крымскаго ханства съ Турціей, только что водворившейся въ Европѣ придала этому само-по-себѣ слабому и неустойчивому государству прочность и силу. Но бѣда была не въ силѣ, а въ томъ направленіи, какое получила эта сила. Расположившись по берегамъ Чернаго моря, Крымское ханство унаслѣдовало традиціи венеціанской и генуэзской торговли, но оригинально приспособило къ себѣ эти традиціи: главнымъ и чуть-ли не единственнымъ предметомъ его торгово-промышленной дѣятельности были люди. Ловля людей и торговля ими сдѣлалась главнымъ жизненнымъ нервомъ для Крымскаго ханства. Роскошныя нивы Украины, совершенно открытыя съ юга, отъ татаръ, служили для нихъ своего рода питомникомъ, гдѣ такъ легко выращивался и разводился этотъ цѣнный человеческій товаръ.

Украинскій хлопъ былъ ходкимъ товаромъ въ районахъ Чернаго и Средиземнаго морей, какъ рабочая сила на галерахъ; онъ требовался на сѣверное прибрежье Африки, въ Аравію, въ Персію. Но совсѣмъ особую цѣну имѣла украинская женщина. Ея славянская красота вошла въ моду на мусульманскомъ востокѣ, и начала вытѣснять смуглыхъ и худощавыхъ черкешенокъ нетолько изъ гаремовъ крымскаго хана, но и самаго падишаха: въ Константинополѣ особенно цѣнились подолянки. Дѣло было широко организовано. Суда торговцевъ невольниками подвозили къ крымскимъ портамъ все необходимое для промысла—оружіе, одежду, коней, и отплывали нагруженныя человѣческимъ товаромъ. Въ 16-мъ столѣтіи колонія турецкихъ купцовъ прочно устроилась подъ Бѣлгородомъ (Аккерманомъ): купцы эти снабжали татаръ всѣмъ, въ чемъ тѣ нуждались для своихъ разбойничьихъ экспедицій, однимъ словомъ, брали на себя всѣ расходы, составляли сами планы этихъ экспедицій подъ

условіемъ раздѣла добычи пополамъ. Здѣсь содержались шпіоны и проводники, которые знали всѣ дорожки „Лехистана“: иногда повѣренные константинопольскихъ купцовъ даже сопровождали шайки въ ихъ экспедиціяхъ, чтобы лично наблюдать за правильнымъ дѣлежомъ добычи.

Отправлялись татары на добычу то малыми шайками, то большими отрядами, иногда въ нѣсколько тысячъ всадниковъ подъ предводительствомъ какого-нибудь предпріимчиваго мурзы или даже крымскаго царевича—какъ случалось. Успѣхъ зависѣлъ отъ одного: отъ того, насколько имъ удавалось пробраться незамѣченными вглубь края. Замѣтятъ чамбулъ во время съ могилы или кургана, какіе были разсыпаны всюду на границахъ съ дикой степью, съ селитрянаго майдана—дѣло на этотъ разъ пожалуй и проиграно: поднимется тревога, запылаютъ сторожевые огни, зазвонятъ звоны—населеніе опрометью кинется за стѣны замковъ, въ лѣса и пещеры, а тамъ сберется и какая-нибудь вооруженная сила для отпору. Удастся пробраться незамѣченными, залягутъ татары кошемъ въ укрытомъ мѣстѣ и распустятъ вокругъ загоны: прежде чѣмъ населеніе опомнится, уже все опустошено, ограблено, и разбойники скачутъ что есть силы въ свои степи, безжалостно гоня и таща за собой свою живую добычу, людей и скотъ. Въ поспѣшномъ уходѣ щадили только красивыхъ женщинъ и людей богатаго и знатнаго рода, за которыхъ можно было взять большой выкупъ: остальное могло и пропадать, если затрудняло уходъ и подвергало шайку опасности быть настигнутой погоней. Только въ глубокой степи, въ безопасности, останавливались на отдыхъ, осматривали и дѣлили добычу. Большіе чамбулы, и при благопріятныхъ для татаръ обстоятельствахъ, уводили людей нетолько тысячами, а десятками тысячъ: прибавьте къ этому опустошенныя деревни, угнанныя стада, стравленный хлѣбъ, не говоря уже о цѣнной движимости. Три шляха вели изъ глубины дикихъ степей на Украину: Черный,—самымъ названіемъ указывающій на ту трагическую роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ края—велъ перекопскихъ татаръ съ лѣваго берега Днѣпра, отъ Канева, Черкассъ вглубь Волыни по направленію къ Львову; Кучмен-

скій, или ханскій,—отъ Чернаго моря на Балту и дальше вглубь края по водоразд'лу правыхъ притоковъ Буга и л'выхъ Дн'стра; Волосскій направлялся по правому берегу Дн'стра къ Покутью, при чемъ татары переправлялись черезъ р'ку для грабежа Подоля: два посл'днихъ шляха служили, главнымъ образомъ, для ордъ ногайскихъ.

Какъ могла существовать жизнь подъ такою в'чной угрозой? И, т'мъ не мен'е, она существовала. Мало того: въ земляхъ стараго заселенія она существовала въ изв'стной независимости отъ этого в'чно тяготѣющаго надъ ней Дамоклова меча, повинуясь импульсамъ, вынесеннымъ ею изъ иныхъ эпохъ и иныхъ условій.

Передъ нами дв' территоріи—Волынь и Кіевское Пол'сье. Он' сливаются другъ съ другомъ, сл'довательно, сходны по своимъ физическимъ условіямъ, та и другая земли исконнаго русскаго заселенія, гд' русскій элементъ развивался совершенно самостоятельно, безъ примѣси какихъ-нибудь посторонникъ вліяній. И при всемъ неизб'жномъ сходств', какая разница въ соціальномъ обликѣ этихъ территорій!

Волынь, которая захватывала своими отношеніями и кіевщину по верховьямъ Тетерева, всегда выступаетъ съ яркимъ сознаніемъ своей политической особности и самостоятельности. Она какъ будто бы не хочетъ знать иной связи съ остальными частями литовско-русскаго государства, кром' той, какая для нея добровольно создается признаніемъ верховной власти Ягеллоновъ. Да и къ этимъ своимъ господарямъ относится она довольно легко: свысока третируетъ господарскихъ пословъ, люстраторовъ и т. под. Но что такое Волынь, какъ политическое понятіе? Это ея князья и земяне. Волынь кишѣла князьями: это опять—таки ея типическая особенность. Почему вышло такъ, что въ ней именно сохранилось и размножилось такое количество княжескихъ родовъ, которые вели свое происхожденіе отъ старыхъ русскихъ удѣльныхъ князей и отъ Гедиминовичей, д'ло спеціальнаго изсл'дованія. Фактъ въ томъ, что были на лицо вс' эти безчисленные Сангушки и Вишневецкіе, Заславскіе и Корецкіе, Пронскіе, Ковельскіе, Каширскіе, Козики, Курцевичи

и т. д.—все буйное и гордое, заявляющее какія-то свои особыя права на привиллегированное положеніе, на исключительное занятіе урядовъ своей земли и пользованіе господарскими (государственными) имуществами. Иные роды или вѣтви ихъ убожали и обращались въ „ходачковыхъ“ князей, у которыхъ ничего не оставалось отъ ихъ величія, кромѣ титула; другіе, наоборотъ, удачно пользовались своею привиллегированностью и выростали въ настоящихъ владѣтельныхъ князей. Во главѣ этой послѣдней категоріи стояли, конечно, князья Острожскіе. Благодаря выдающимся достоинствамъ и заслугамъ великаго гетмана литовскаго кн. Константина Ивановича и его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ Сигизмунду I, родъ князей Острожскихъ занялъ первое мѣсто на Волыни. Князь Василій Константинъ Острожскій, извѣстный поборникъ православія, имѣлъ полное право смотрѣть на себя, какъ на удѣльнаго князя, да и удѣльнаго князя не изъ послѣднихъ. Его княжество заключало въ себѣ 40 замковъ, 100 мѣстъ (городовъ) и мѣстечекъ и 1300 деревень. Недаромъ на его печати значилось: „Dei gratia dux Ostrogiae“, а въ документахъ, выдаваемыхъ имъ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: „били намъ челомъ“... Въ каждой изъ 600 церквей на земляхъ его владѣній—въ которыхъ тысяча поповъ молилась за здоровье его княжеской милости—былъ устроенъ золоченый закрытый конфессіоналъ на случай прибытія князя, чтобъ никто не видѣлъ, какъ такой большой земной панъ бьетъ поклоны небесному; а выходъ изъ церкви салютовался надворной милиціей, которая въ числѣ 2000, сопровождала князя въ его торжественныхъ выѣздахъ. И все это не случайное проявленіе болѣзненно вздутаго тщеславія, а что-то находящееся въ соотвѣтствіи съ средой и обстоятельствами. Но на чемъ матеріальномъ опиралось все-таки это княжеское могущество, представителемъ котораго можетъ служить князь Острожскій? Разумѣется, на крупномъ землевладѣніи. Но какъ и изъ чего сложилось это землевладѣніе? Каждый изъ такихъ землевладѣльцевъ, княжескаго рода, непремѣнно долженъ былъ что-нибудь унаслѣдовать; затѣмъ онъ получалъ отъ господаря земли, какъ вознагражденіе за свои личныя услуги государству,

главнымъ образомъ, по защитѣ края; наконецъ, всякій князь и земянинъ, по мѣрѣ своихъ способностей и значенія, имѣлъ притязанія на высшіе или низшіе уряды, занятіе которыхъ было соединено съ пользованіемъ землями. Все это создавало землевладѣніе очень пестраго характера. Вѣдь съ землями, переходившими черезъ пожалованіе или урядъ отъ государства въ частныя руки, передавались только тѣ права и обязательства, которыя лежали на этихъ земляхъ, т. е. права на пользованіе извѣстными повинностями со стороны населенія этихъ земель— не больше. Но дѣло въ томъ, что сильныя руки, захватившія земли, хотя бы въ совершенно условное владѣніе, уже не выпускали ихъ больше и быстро превращали въ настоящую собственность. Вмѣстѣ съ превращеніемъ условнаго владѣнія въ безусловную собственность, свободный крестьянинъ—отчичъ, сидѣвшій на своемъ дворищѣ, превращался въ волочнаго или полъ-волочнаго, четверть-волочнаго хлопа (по польской терминологіи); впрочемъ, много крестьянъ садилось уже на готовыя размѣренныя волоки, оставленныя своими первоначальными собственниками, добровольно-ли или по неволѣ, напр.—послѣ татарскаго набѣга; садились сначала на полную свободу, которая продолжалась до 24 лѣтъ, а потомъ за опредѣленныя договоромъ небольшія повинности. Вообще, не смотря на несомнѣнное и значительное развитіе панской власти на землю, волынскому крестьянину жилось все-таки недурно: земли и угодьевъ вволю, а отъ излишнихъ притязаній всегда можно было уйти на свободную степь. Оттого-то и притязанія не были велики; а кое съ какими тяготами крестьянинъ охотно мирился, получая въ обмѣнъ нѣкоторую защиту и относительную безопасность. Надо думать, что въ общемъ доходы отъ крестьянскаго населенія были не велики, а отъ другихъ свободныхъ людей, жившихъ на княжескихъ земляхъ, бояръ и мѣщанъ, и того меньше: ихъ обязательства почти исключительно ограничивались участіемъ въ военной оборонѣ края. Поэтому, приходилось крупнымъ землевладѣльцамъ, эксплуатируя свои недавнія права на свободныя земли захваченныхъ ими районовъ, прибѣгать къ разнаго рода промысламъ, смотря по условіямъ

мѣстности: выпасыванію скота въ степяхъ, добыванію селитры, бортничеству, разнымъ видамъ лѣсной промышленности, шинкованію водки, пива и меду. Все это могло имѣть широкіе размѣры у князей Острожскихъ, числившихъ въ своей латифундіи больше 2 милліоновъ морговъ земли; а у другихъ, хотя-бы и князей, все было скромно по необходимости, которая коренилась въ невозможности вполнѣ закрѣпостить крестьянина. Вотъ основная причина того, что на Волыни, не смотря на обиліе князей, на ихъ большія притязанія, жизнь была съ внѣшней стороны обставлена очень просто. Не отступалъ отъ этихъ традицій простоты даже и самъ князь Василій Острожскій. Замокъ Острогъ, его главная резиденція, былъ великолѣпенъ снаружи своими массивными стѣнами, прекрасными готическими арками и сводами своихъ башенъ; но внутри онъ былъ патріархально скроменъ. Вообще, утонченность европейской цивилизованной обстановки, уже очень распространенной въ Польшѣ, еще не имѣла доступа на Волынь; и оттого волынскіе князья казались панамъ какой-нибудь краковской или сандомирской земли полудикарями.

И какъ странно поражаетъ своими противорѣчіями эта волынская жизнь! Европейскія вліянія еще такъ мало коснулись Волыни, что ея женщина и не мечтаетъ пока о первенствующей роли въ салонѣ, какую уже занимаетъ ея ближайшая сосѣдка, малопольская шляхтянка: волынская земянка должна по традиціи сидѣть въ своемъ теремѣ, прясть и ткать Однако ей уже тамъ тѣсно. Широкій розмахъ личной энергіи, который она чуетъ въ окружающей общественной атмосферѣ захватываетъ и ее. И она выходитъ изъ терема, но не въ салонъ, а прямо въ чистое поле, одѣвается въ броню, садится на боеваго коня и во главѣ своихъ приближенныхъ мчится, если не на защиту края, то, по-крайней мѣрѣ, на защиту своихъ личныхъ интересовъ. Передъ нами цѣлый рядъ волынскихъ женщинъ этого типа: онѣ ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ изъ рушницы, какъ любой козакъ, дѣлаютъ вооруженныя засадки на своихъ враговъ по дорогамъ, заѣзды на чужія имѣнія, штурмуютъ замки враговъ, конечно, личныхъ враговъ. Женщина,

такъ рѣшительно порвавшая съ теремомъ, не можетъ быть и вѣрной хранительницей патріархально-семейныхъ традицій; а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества теряютъ строгость. И вотъ мы видимъ, что Волынь, еще не тронутая заразой европейскаго религіознаго вольномыслія, которая уже проникла въ Польшу, тѣмъ не менѣе представляетъ такую картину расшатанности устоевъ, какую являютъ обыкновенно лишь эпохи кризисовъ. Съ одной стороны, такая суровость семейнаго обычая, что взрослый сынъ, самъ носящій званіе высокаго государственнаго сановника, не смѣетъ возвысить голоса въ присутствіи отца, не смѣетъ сѣсть, выйти безъ разрѣшенія отца изъ покоя; съ другой, братья и сестры воздвигаютъ другъ на друга настоящія войны, супруги безъ особыхъ церемоній кидаютъ другъ друга и вступаютъ въ новые брачные союзы, замужнія женщины вступаютъ открыто въ любовныя связи. Ни католичество, ни протестантизмъ не имѣютъ пока доступа на Волынь: здѣсь безраздѣльно царитъ православіе. Для князей и земянъ волынскихъ православіе есть знамя особности и независимости ихъ земель, и они дорожатъ имъ чрезвычайно. Каждый княжескій родъ имѣетъ не только свои церкви, но и монастыри, которые онъ одѣляетъ по мѣрѣ силъ и возможности, такъ какъ въ нихъ онъ имѣетъ мѣсто и для успокоенія своихъ княжескихъ останковъ, и для помѣщенія тѣхъ лишнихъ членовъ рода, которые не нашли себѣ соотвѣтствующихъ положеній въ жизни. Вообще, церкви, монастыри, епископскіе столы—все это богато надѣлено и движимыми имуществами, и землями. Но при всемъ томъ, трудно счесть это отношеніе къ православію за проявленіе глубокой общественной религіозности, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ классѣ. Наоборотъ, многое указываетъ скорѣе какъ-бы на значительное развитіе религіознаго индифферентизма. Низшее духовенство сплошь темно и невѣжественно; высшее.... но высшее есть никто иной, какъ тѣ же волынскіе князья и земяне. Они смотрѣли на „духовные хлѣба“, т. е. духовные уряды, тѣми же глазами, какъ и на остальные, свѣтскіе, уряды, и стремились на перебой ихъ захватывать, повидимому, совсѣмъ забывая о томъ особенномъ значеніи, которое съ ними было

связано. Оттого на Волыни, случалось, бывали епископы, не принявшіе духовнаго сана; епископы, которые хотя и приняли духовный санъ, но постоянно забывали, что пастырскій жезлъ не палашъ, и расправлялись имъ по военному; епископы, которые устраивали другъ противъ друга настоящія военныя компаніи, осуждали и штурмовали свои столицы и т. п. Такая пастырская среда едва-ли могла воспитывать религіозность у своей паствы. Еще разъ повторимъ: общественный строй Волыни поражалъ своими противорѣчіями; разъясненіе же ихъ надо искать въ предъидущихъ историческихъ эпохахъ.

Иную картину представляло сосѣднее Кіевское Полѣсье. Князей здѣсь нѣтъ совсѣмъ, если не считать двухъ-трехъ захудалыхъ княжескихъ родовъ, не играющихъ никакой роли въ краѣ. Ни на какую политическую самостоятельность и особность эта территорія не претендуетъ: ею заправляетъ воевода кіевскій, ксторый соединяетъ въ своемъ лицѣ и званіе овручскаго старосты, настоящаго хозяина края. Не претендуетъ, потому что нѣтъ такого класса, который былъ-бы достаточно силенъ для поддержки своихъ притязаній. Въ Кіевскомъ Полѣсьѣ преобладали бояре, которые иногда назывались по волынски земянами, а позже околичной шляхтой—классъ очень архаическаго облика, если можно такъ выразиться. Это были мелкіе собственники, одновременно землевладѣльцы и земледѣльцы. Какимъ образомъ могло случиться, что процессъ общественнаго дифференцированія обошелъ ихъ, не разбивъ на два враждебныхъ стана—дѣло темное: разъясненіе лежитъ во всякомъ случаѣ за предѣлами той эпохи, на которой мы останавливаемся. Они сохранили за собой право служить государству исключительно военною, а не тяглой службой, а въ этомъ-то собственно и заключалось ихъ отличіе отъ крестьянина, ихъ привилегированность. Напрасно цѣлыя столѣтія боролись полномочные овручскіе старосты, которые не могли обойтись безъ тяглой службы населенія, за то, чтобы привлечь бояръ къ этой службѣ: бояре, сильные лишь своей сплоченностью и единодушіемъ, не дѣлали ни малѣйшей уступки, и вынесли таки нетронутой свою привилегированность изъ этой неравной борьбы.

Интересна жизнь этихъ архаическихъ русскихъ обывателей. Они жили въ поселеніяхъ, которыя звались околицами. Каждую околицу занималъ цѣлый боярскій родъ, который состоялъ иногда меньше чѣмъ изъ десятка, иногда изъ многихъ десятковъ, даже сотенъ семействъ: напр.,—Дидковскихъ, Меленевскихъ было до 300 семействъ каждаго рода. Когда количество семей разрасталось, онѣ отличались одна отъ другой прозвищами, но твердо держались своего родоваго имени, какъ и вообще во всемъ свято хранили свои родовыя традиціи. Конечно, въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ семей могли возникать различія, но онѣ не разрывали родовыхъ связей: убогіе гордились зажиточностью своихъ родичей, зажиточные не забывали, что они должны поддерживать убогихъ. Да и не могло возникать большихъ имущественныхъ различій, разъ отдѣльные члены родовъ не разрывали со своей почвой и не уходили въ вольный широкій свѣтъ искать доли, а къ этому бояре были мало наклонны. Все хозяйство было мелкое, патріархальное, какъ пахатное, такъ и промысловое, на своихъ промысловыхъ угодьяхъ, составлявшихъ необходимую принадлежность пахатной земли. Ловили рыбу, такъ какъ край былъ богатъ рѣчками и ручьями, гнали бобровъ, которые ютились еще во многихъ мѣстахъ въ зарослях, по берегамъ этихъ водъ, занимались бортничествомъ, варили пиво и медъ, охотились въ пущахъ, гдѣ водились даже лоси, копали болотную желѣзную руду, обрабатывали лѣсной матеріалъ. Главное шло для собственнаго потребленія, кое-что на продажу, и ничто не принимало характера широкаго промышленнаго хозяйства, на подставѣ котораго—внѣ политическихъ условій—только и могутъ создаваться большія имущественныя различія. Внѣшнимъ выраженіемъ родовыхъ связей служили для каждаго рода своя особая церковь или монастырь, поддерживаемыя общими средствами; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и свои особые праздники. Такъ жили эти боярскіе роды, каждый на своей территоріи, ревниво оберегая свою особность отъ сосѣдей, ревниво оберегая свою привилегированность отъ притязаній государства въ лицѣ старосты. Все было темно и невѣжественно, и также мало тянулось за культурностью, какъ

и настоящее крестьянство. Но постоянная острая необходимость быть на сторожѣ своихъ правъ создали въ этомъ классѣ особую черту: исключительную страсть къ тяжбамъ. Ссоры одного рода съ другимъ, взаимные заѣзды, безконечные процессы—это постоянная картина положенія. Бояре не довольствуются своими собственными копными судами, а обращаются въ общіе суды и наводняютъ ихъ жалобами, протестами, манифестами. Въ концѣ-концовъ, когда взаимныя отношенія совѣднихъ родовъ не доставляли достаточно матеріала, питающаго эту несчастную страсть, она обращалась внутрь и разъѣдала свою собственную околицу. Разъигрывались безконечные процессы уже между родичами изъ-за куска болота, изъ-за плетня, пары сапогъ, шапки, сопровождающіеся взаимными штуками, которыя строили другъ другу близкіе враги, напр.—въ родѣ заплетанія улицъ, чтобъ соперникъ не могъ выбраться изъ дома и т. д. Тѣмъ не менѣе, это боярство, въ общемъ, были мужественные и честные люди, очень привязанные къ своей родинѣ, очень преданные православной вѣрѣ, всегда готовые сложить въ честномъ бою свои головы, какъ за Полѣсье, или по крайней мѣрѣ хоть за свою околицу, такъ и за православіе, а особенно за свой монастырь или церковь.

Можно думать, конечно, что бояре не удержали бы своей привилегированности, еслибъ они не были такъ нужны для обороны края, еслибъ не была такъ важна ихъ военная служба.

Всюду на Украинѣ организація защиты опиралась на замки, которые являлись ея необходимыми центрами. Особенности татарскихъ нападеній дѣлали такую именно ея организацію особенно важной. Дѣло въ томъ, что татары почти никогда не нападали на замки, даже маленькіе и слабо защищенные, обходили ихъ совершенно: только очень большой чамбулъ, и по особенно сильнымъ побужденіямъ, рѣшался, какъ изрѣдка случалось, попытаться овладѣть замкомъ. Къ каждому замку тянула территорія, для которой вопросъ о защитѣ отъ татаръ былъ вопросомъ такой же важности, какъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Каждый полноправный обыватель, подъ какимъ бы именемъ онъ ни являлся—князя, земянина, боярина, непосредственно участвовалъ въ устройствѣ замка и владѣлъ тамъ своей го-

родней, или двумя—тремя, смотря по размѣру своихъ средствъ, а то цѣлая группа обывателей складывалась общими силами на одну городню: во всякомъ случаѣ, городня наглядно представляла собою обывателя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовала объ его обывательской полноправности. Въ замкѣ ютилось, въ опасное время, все, что требовало обороны; въ замкѣ хранились военные снаряды. А самое главное—замокъ былъ организаторомъ защиты для всей своей земли: сюда сходились всѣ извѣстія, отсюда выходили всѣ распоряженія. Такимъ замкомъ былъ для кіевскаго Полѣсья Овручъ, къ которому тянули бояре и который распоряжался ихъ службой. Кромѣ прямой военной службы, на которую они всегда должны были быть готовы по требованію старосты, представлявшему собою замковый урядъ, они еще обязаны были и спеціальными службами. Такъ, напр., на обязанности бояръ лежало держать полевую сторожу въ двухъ пунктахъ. Цѣлью этой сторожи было предупреждать замокъ о татарскомъ нападеніи; сторожевые пункты расположены были надъ Чернымъ шляхомъ, который только и былъ опасенъ для данной мѣстности. Кромѣ того, бояре должны были сторожить въ самомъ замкѣ и развозить извѣстія или листы, по требованію замковаго уряда.

Организація военной защиты на Волыни была того-же типа, только нѣсколько сложнѣе въ соотвѣтствіе съ болѣе сложнымъ составомъ общества. Поскольку волынскіе князья являлись господарскими (великокняжескими) урядниками, старостами и державцами господарскихъ замковъ, они также привлекали къ замковой службѣ всѣхъ свободныхъ обывателей замковыхъ районовъ и распоряжались ими по своему усмотрѣнію и по требованіямъ обстоятельствъ. Но поскольку они являлась дѣйствительно панами, т. е. частными собственниками, дѣло стояло иначе. Паны-собственники должны были сами защищать свои владѣнія. Если они хотѣли имѣть заселенныя земли—а что значила въ тѣ времена земля безъ населенія?—они должны были доставить населенію защиту. И вотъ, волей-неволей, а должны паны строить на собственный счетъ замки и поддерживать ихъ; должны вступать въ такія сдѣлки съ населеніемъ, въ силу ко-

торыхъ они поступались разными своими выгодами, лишь бы привлечь населеніе къ участію въ оборонѣ; должны на собственныя средства нанимать и содержать надворные отряды.

Такъ жили старыя русскія области, приспособляясь къ тому новому опредѣляющему условію, какое исторія создала для нихъ въ видѣ близости хищныхъ татарскихъ ордъ. Но на территоріяхъ новаго заселенія условія эти отразились гораздо ярче.

Побужье, отъ Винницы до Саврани, представляло чрезвычайно большія удобства и выгоды для заселенія. По обѣимъ сторонамъ Буга тянулась слегка волнистая поверхность съ очень плодородной почвой. Многочисленные притоки Буга представляли собою массу текучей воды, не высыхающей въ засуху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не наводняющей окрестности въ половодье, текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды, очень удобной для устройства мельницъ. Луговъ и пастбищъ сколько угодно, и какихъ луговъ! Отъ восточнаго холоднаго вѣтра край былъ защищенъ бужскими пущами, которые на сѣверовостокѣ соединялись съ пущами литинскими и хмѣльницкими, а на сѣверозападѣ съ барскими. Такимъ образомъ не было недостатка ни въ лѣсномъ матеріалѣ, ни въ звѣриныхъ ловахъ, ни въ бобровыхъ гонахъ. А для пчеловодства врядъ-ли и выдумать можно было болѣе благодатный край. И въ то же время мѣстность совершенно открытая съ юга, со стороны степи, вполнѣ предоставленная природой хищничеству татаръ, проторившихъ вдоль Буга свой кучменскій, или ханскій, шляхъ.

Конечно, разъ жизнь начинала складываться при такихъ обстоятельствахъ, она должна была складываться по-своему. Повидимому, территорія колонизовалась Волынью, но жить поволынски она не могла. Здѣсь нечего было дѣлать волынскимъ князьямъ и земянамъ—не было настоящей почвы ни для какой привилегированности: все уравниваетъ вѣчная грозящая опасность, вѣчная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Правда, государство выдвинуло на Побужье два замка Винницу и Брацлавль, а гдѣ замки, тамъ, конечно, и старосты—они назначались изъ волынскихъ князей—слѣдовательно, попытки организовать защиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя отношенія;

господари щедро раздавали здѣшнія земли волынскимъ земянамъ. Но замки стояли полуразрушенные, „стѣны дыра на дырѣ, и не только людямъ спрятаться въ случаѣ опасности отъ непріятелей, а и скотъ страшно сюда загнать“—въ такихъ краскахъ описываетъ господарскій люстраторъ положеніе винницкаго замка, лучшаго изъ двухъ. Земяне же пустили кое-какіе слабые корни въ винницкомъ районѣ и почти совсѣмъ не пустили ихъ въ брацлавскомъ, болѣе южномъ, слѣдовательно, болѣе опасномъ. На Побужьѣ было полное царство простолюдина, который не имѣлъ никакихъ правъ, но и не нуждался въ нихъ, такъ какъ всѣ его права заключались въ той отчаянной рѣшимости, съ какой онъ селился и держался на своемъ ежеминутно угрожаемомъ посту. А пока его не ухватили татарскія руки, онъ широко пользовался всѣми благами, какія разливала вокругъ благодатная природа. Онъ былъ „богатшій и пышнѣйшій нижли панъ“, владѣлъ такими пасѣками, изъ которыхъ иная одна стоила трехъ пахатныхъ дворищъ (селищъ), такъ какъ къ ней принадлежало окружной земли на полмили, а то и на цѣлую милю, а на той землѣ и пашня, и рыбные пруды, и сады, и огороды. И простолюдинъ считалъ себя полнымъ господиномъ всего этого добра, не признавая обязательства уплатить что-нибудь съ своей собственности господарю или послужить чѣмъ-нибудь замку. Съ пахатныхъ же селищъ, вошедшихъ въ обложеніе, онъ отбывалъ ничтожныя повинности: три дня въ годъ работы или шесть грошей денежной подати. Къ привилегированному же сословію, водворявшемуся или водворяемому государствомъ въ качествѣ урядниковъ или иначе, онъ относился съ нескрываемой ненавистью и презрѣніемъ, не смотря на то, что это были люди одной съ нимъ народности, вѣры и обычая: прежде всего, онъ въ нихъ не нуждался. Дѣло въ томъ, что здѣшній „человѣкъ“ не возлагалъ на государство и на привилегированный классъ заботы о своей безопасности, а, дурно или хорошо, но заботился о ней самъ,—и вотъ это-то именно и составляетъ основную характерную черту положенія. Проявленіемъ этой заботы было выдѣленіе изъ среды здѣш-

няго народа людей, для которыхъ столкновеніе съ татарами было главнымъ содержаніемъ жизни. Мы говоримъ о козакахъ.

Здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой предумышленной организаціи; все дѣлалось само-собой, въ силу жизненной необходимости. Смѣлое, гордое, свободолюбивое населеніе естественно выдвигало изъ себя людей, которые мало дорожили прелестями осѣдлой земледѣльческой жизни, правда, доставляющей извѣстныя удобства, но за то томительной своимъ напряженнымъ и регулярнымъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки лишенной обезпеченнаго завтрашняго дня. Зачѣмъ привязывать себя къ пашнѣ, когда можно быть сытымъ и безъ такой привязи? Стоитъ ли такъ много вкладывать заботъ въ хозяйственное благоустройство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе привлечь на себя вниманіе хищника? Не гораздо-ли занимательнѣе изъ преслѣдуемой татариномъ дичи обратиться въ охотничью собаку и такимъ образомъ помѣняться ролью съ врагомъ? Какъ бы то ни было, людей такого или подобнаго настроенія, которые предпочитали „козацкій хлѣбъ“ всякому иному, всегда было много на окраинахъ. Такой козакъ имѣлъ обыкновенно осѣдлость въ какомъ-нибудь населенномъ пунктѣ, семью, хату, гдѣ онъ могъ „домовать“ въ свободное время. Правда, хата была запущенная, безхозяйственная, такъ какъ настоящаго хозяйства не было и не могло быть. Козакъ могъ заниматься ремесломъ, наниматься временно работать на майданы (смолокуренные), на буды или гуты, винокурни—вездѣ нужны были рабочія руки; но его тянуло въ дикую степь. Лишь только наступала весна, козаки сплачивались въ артели и уходили на низовья рѣкъ на рыбные и бобровые промыслы. Но подходя такимъ образомъ къ татарскимъ кочевьямъ, они всегда были не прочь отогнать у кочевниковъ стадо, спалить улусъ, вообще, поживиться на его счетъ и навредить по-возможности. И вмѣстѣ съ тѣмъ они отбывали попутно обязанности полевой сторожи, такъ какъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ татарской степи, и извѣщали о подозрительныхъ движеніяхъ осѣдлое населеніе; затѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ они нападали на чамбулы, разгоняли ихъ или отбивали добычу. Жизнь въ дикой степи, полная опасностей и лишеній,

клала особый отпечатокъ на этихъ людей, выработала изъ нихъ особый типъ. Закаленность—чрезвычайная; привычка сносить холодъ и голодъ такая, что въ случаѣ нужды могли перебиваться желудями, рогами, копытами и костями животныхъ; отчаянное мужество естественно вытекало изъ презрѣнія къ смерти, которая постоянно глядѣла въ глаза козаку, хозяйничавшему подъ носомъ смертельнаго врага; любовь къ свободѣ выростала до неспособности сносить какое-нибудь стѣсненіе, изъ чего бы оно ни вытекало. Не дорожа жизнью, козакъ естественно не дорожилъ и имуществомъ: что перепадало ему въ карманъ—тяжелымъ-ли трудомъ или легкимъ наскокомъ на нагруженнаго врага—онъ все готовъ былъ спустить заразъ въ разгулѣ, для котораго онъ не зналъ внутренней мѣры. Дикую степь и всѣ ея свойства козаки изучили до тонкости, и это-то дѣлало ихъ такъ опасными для татаръ. Пограничные старосты не могли не понимать, какое важное значеніе имѣютъ эти качества козаковъ для охраны края, и старались ихъ привлекать въ замки; такимъ образомъ, являются козаки брацлавскіе, барскіе, черкасскіе. Конечно, только при дѣятельномъ содѣйствіи козаковъ, могъ извѣстный хмельницкій староста Предславъ Ланцкоронскій дойти въ 1516 г. до Чернаго моря и уничтожить Бѣлгородъ. Но, покровительствуя козакамъ, старосты естественно стремились ихъ подчинить себѣ, а это противорѣчило основнымъ инстинктамъ этихъ людей. И потому мы видимъ, что козацкія организаціи возникаютъ не подъ крылышкомъ старостъ, а на вольномъ просторѣ дикой степи. Одна изъ такихъ организацій, при благопріятныхъ условіяхъ, успѣла вырости и закрѣпнуть въ настоящее политическое цѣлое, которое стянуло къ себѣ и съорганизовало неустойчивые элементы степной вольницы: едвали надо пояснять, что мы подразумѣваемъ Низъ, Запорожье.

Въ такіе разнообразные типы складывалась русская жизнь на Украинѣ. И это еще не все: была на ея обширномъ пространствѣ одна территорія, которая представляетъ опять-таки свой особенный обликъ, съ рѣзкими чертами отличія отъ всего, описаннаго выше. Но здѣсь русскій элементъ оказался оттѣснен-

нымъ въ низшіе общественные слои, а на общественную сцену выступилъ иной элементъ—польскій. Дѣло идетъ о Подольѣ.

Какъ только татары были вытѣснены изъ Подолья, начинается борьба за него между Литвой и Польшей: подъ Подольемъ, или Понизьемъ, тогда подразумѣвалось все Побужье и Поднѣстровье въ доступныхъ захвату предѣлахъ. До политической уніи Литвы съ Польшей, борьба шла открытая, кровавая, позже, по преимуществу, мирная, политическая и дипломатическая. Но дѣло шло къ развязкѣ какъ-бы независимо отъ этой борьбы, въ силу какихъ-то естественныхъ внутреннихъ отношеній: Побужье тяготѣло къ Волыни и черезъ нее къ Литвѣ, Поднѣстровье, или Подолье собственно—къ Польшѣ, и никакія усилія политики не могли перешагнуть черезъ этотъ фактъ. Между Подольемъ и Побужьемъ лежало Барское старостве, польское политически, но сохранившее во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, въ своихъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ „боярахъ“, слѣды литовско-русской соціальной организаціи.

Подолье, иначе молдавскіе кресы, т. е. порубежье съ Молдавіей, или Волощиной, имѣло центральнымъ своимъ пунктомъ неприступный замокъ Каменецъ—этотъ первый оплотъ христіанства со стороны мусульманскаго востока—и было территоріей съ характеромъ исключительной привлекательности. Отроги Карпатъ, заходя съ сѣвера, придавали ландшафту рѣдкое разнообразіе и красоту, почва отличалась плодородіемъ, лѣса изобиловали звѣремъ; въ красивыхъ рѣчкахъ, притокахъ Днѣстра, ловили жемчугъ. Но главное, это была непосредственная близость Днѣстра и торговыхъ путей, которые Богъ знаетъ съ какихъ незапамятныхъ временъ проходили этимъ краемъ, соединяя азіатскій востокъ съ европейскимъ сѣверо-западомъ. Черезъ Подолье шли восточные товары на Львовъ, Замостье, Варшаву, Вильно, Кіевъ: этимъ путемъ снабжалась Польша, Литва и даже Московія дорогими восточными тканями, шалями и коврами, дамасскими саблями, турецкими луками и стрѣлами, сѣдлами и проч. конскою сбруей, сафьяномъ, винами, бакалеей, благоуханіями и мылами—однимъ словомъ, почти всѣмъ, что составляло

комфортъ и роскошь тогдашняго быта. Немудрено поэтому, что восточные торговцы разныхъ національностей охотно селились на этомъ пограничьѣ, и такъ какъ встрѣчали большое покровительство со стороны польскаго государства, то и осѣдали прочными колоніями. Но ни евреи, ни греки, никто не привился къ Подолью такъ, какъ армяне. Каменецъ сдѣлался для нихъ вторымъ Эчміадзиномъ, и всѣ армяне, выбрасываемые политическими бурями изъ своей старой родины, находили на прекрасномъ Подольѣ новую. Въ концѣ концовъ вся восточная торговля очутилась въ ихъ рукахъ; но за то же они всегда платили краю теплой привязанностью. Вотъ на какомъ пестромъ фонѣ складывалась общественная жизнь Подолья. Впечатлѣніе этой пестроты еще усилится, если прибавить, что мы встрѣчаемся здѣсь съ осѣдлыми татарами, которые извѣстны были подъ именемъ черемиссовъ; а пограничные молдаване, или волохи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ постоянно участвовали въ жизни этой области.

Какъ бы то ни было, русская народность всегда являлась преобладающимъ и устойчивымъ элементомъ, скорѣе способнымъ притворить въ себя ей чуждое, какъ это было съ выселившимися сюда мазурами, чѣмъ самой поддаться ассимилированію. Но тѣмъ не менѣе изъ привилегированнаго и правящаго класса она была вытѣснена совершенно элементомъ польскимъ. Дѣлалось это, сколько можно судить, воздѣйствіемъ Польскаго государства, прямо и просто навязавшаго области свой классъ пановъ и правителей; но есть основаніе думать, что рядомъ шелъ и иной процессъ. По крайней мѣрѣ, если родъ Бучацкихъ, такъ извѣстный въ исторіи Подолья въ 15-мъ вѣкѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ русскій, какъ это утверждаетъ Шайноха, то, слѣдовательно, высшій классъ русскій былъ не просто отодвинутъ въ низшіе общественные слои, но частью и полонизированъ.

Подолье было чрезвычайно привлекательно для Польши. Но положеніе его требовало исключительнаго вниманія, исключительной заботы, такъ какъ край былъ окруженъ опасностями со всѣхъ сторонъ. По правому берегу Днѣстра проходилъ во-

лосскій шляхъ, и ногайскіе татары могли свободно, пользуясь многочисленными днѣстровскими бродами—главное подъ Рашковымъ—сворачивать для грабежа Подолья; на восточной границѣ Подолья пролегалъ шляхъ Кучменскій; да и перекопскіе татары, двигавшіеся по Черному шляху, пускали свои загоны съ сѣвера на Подолье. Мало того: Подолье лежало на рубежѣ съ Молдавіей, а „здрадливые“ (коварные) волохи всегда не прочь были разъиграть роль татаръ по отношенію къ близкимъ сосѣдямъ, лишь бы чуяли возможность богатой и легкой поживы. А когда закрѣпились вассальныя отношенія Молдавіи къ Турціи, то Подолье очутилось лицомъ къ лицу съ тою силой, которая держала въ трепетѣ всю Европу. Нелегко было обезпечить краю необходимую безопасность.

Могла или нѣтъ Польша какъ-нибудь иначе гарантировать безопасность этой своей отдаленной провинціи—но устроила она дѣло такъ: передала Подолье въ руки нѣсколькихъ панскихъ родовъ, возложивши все на ихъ иниціативу и энергію, подстрекаемую личнымъ интересомъ. Иные изъ этихъ пановъ являлись въ качествѣ органовъ государственной власти, воеводъ старостъ и каштеляновъ, причемъ уряды дѣлались, повидимому, почти наслѣдственными въ томъ или другомъ родѣ: напр., семь Потоцкихъ подъ-рядъ несли урядъ „генерала земли подольской“. Другимъ—государство просто передавало во владѣніе такую или иную часть территоріи. И панъ-урядникъ и панъ-владѣлецъ обязаны были по отношенію къ своему району двумя вещами: возможно его заселять и возможно защищать. Впрочемъ, это были двѣ стороны одного предмета, такъ какъ заселять нельзя было не обезпечивши населенію защиту, а ростъ защиты опирался на растущее населеніе. Брать на себя обязанность такого подольскаго пана со всѣми ихъ правами могли только люди большой личной энергіи и въ то же время сильные матеріально, имѣющіе на чемъ основаться въ своихъ первыхъ операціяхъ по упорядоченію своихъ территорій. Надо было немало затратить, чтобъ встать твердою ногою на новую почву; но за то-же какая блестящая перспектива открывалась всякому, не обдѣленному умомъ и мужествомъ... Вѣдь на Подольѣ выросли, кромѣ

Потоцкихъ, Кмиты, Одрвонжи, Фирлеи, Мѣлецкіе, Язловецкіе, Гербурты, Сѣнявскіе, Тарновскіе, Сѣненскіе, и наконецъ Конецпольскіе и Калиновскіе—всѣ эти „кролевята“, которые вмѣстѣ съ волынскими князьями и литовскими магнатами распоряжались позже судьбами Рѣчи Посполитой.

Привлекать населеніе было не легко по той простой причинѣ, что оно вообще было малочисленно, какъ въ Подольѣ, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Надо было для привлеченія обѣщать большія льготы, помощь, а главное защиту. И вотъ первой заботой каждаго пана было устроить укрѣпленный дворъ, „замечекъ“, непремѣнно каменный, непремѣнно обведенный валомъ и насыпью, съ подъемнымъ мостомъ, а гдѣ можно было воспользоваться водой для защиты, тамъ и она приводилась въ дѣйствіе. Старались устроить такой „замечекъ“ на возвышеніи, чтобъ съ его сторожевой башни можно было видѣть далеко окрестности. Конечно, такой укрѣпленный дворъ не могъ имѣть притязаній на званіе крѣпости, но онъ удовлетворялъ своему назначенію: населеніе, которое ютилось въ своихъ хатахъ около, могло въ случаѣ тревоги укрыться въ его стѣнахъ, а татары, какъ уже было сказано выше, считали неразсчетливымъ тратить время и силы на взятіе стѣнъ. Но недостаточно было воздвигнуть замокъ или замечекъ, надо было его обезпечить вооруженною силой. Каждый панъ долженъ былъ содержать на своемъ иждивеніи въ каждомъ изъ своихъ замечковъ наемный отрядъ хоть въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Болѣе сильные паны и въ укрѣпленіяхъ болѣе важныхъ держали и по нѣсколько сотъ наемнаго войска; а Сѣнявскій въ Меджибожѣ, послѣ Каменца и Бара значительнѣйшемъ изъ подольскихъ замковъ, имѣлъ на готовѣ до 1000 человѣкъ одной пѣхоты.

Такимъ образомъ, организація защиты Подолія опиралась, съ одной стороны, на пограничныхъ старостахъ—каменецкомъ, барскомъ—которые содержали на доходы своихъ староствъ вооруженные отряды въ замкахъ и устраивали сторожевые посты, дѣйствуя за-одно съ другими пограничными старостами, трембовльскимъ, львовскимъ; съ другой стороны—на панскихъ надворныхъ отрядахъ. Но полскій общественный строй выдвинулъ на за-

щиту этого въ высшей степени привлекательнаго и дорогого, но и въ высшей степени угрожаемаго края еще одну силу, очень аналогичную по своему происхожденію и свойствамъ съ козачествомъ, но настолько отличную отъ него, насколько, вообще, русско-демократическій строй отличался отъ польско-шляхетскаго. Эта сила олицетворялась „ротмистромъ на Подольѣ“. Ротмистрованье, возникшее съ начала 16 вѣка, сдѣлалось для Польши тѣмъ же, чѣмъ было для Руси козакованье.

„Ротмистръ на Подольѣ“—это былъ терминъ, получившій даже и правовое признаніе, обозначающій шляхтича, который на собственный счетъ и рискъ занялся на пограничьѣ партизанской войной съ татарами. Для всякой истинно „рѐцирской“ души Подолье представляло поле, гдѣ удаль могла широко размахнуться, а въ случаѣ удачи, и много выиграть: коли не пропалъ, то панъ. Такой шляхтичъ, задумавшій заняться ротмистрованьемъ, долженъ былъ прежде всего навербовать себѣ отрядъ удальцевъ, хотя бы въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. У обывателей Подолья онъ всегда встрѣчалъ радушный пріемъ: край былъ такъ богатъ и такъ нуждался въ защитѣ, что пріютить на время и накормить молодцевъ не считалось за обремененіе. Случалась большая тревога—ротмистръ присоединялся къ старостѣ или какому нибудь пану; въ другое время онъ сторожилъ татаръ на пограничныхъ курганахъ, самъ шелъ въ степь гоняться за татариномъ, дѣлалъ засады на волосскомъ шляху, иногда, соединившись съ другими ротмистрами, шелъ въ степи, подъ самое гнѣздо очаковскихъ или бѣлгородскихъ татаръ, какъ это сдѣлали въ 1529 г. Латальскій и Сѣнявскій, или направлялся вглубь Молдавіи, мстя волохамъ за пограничные набѣги. Удачное ротмистрованье открывало шляхтичу дорогу не только къ богатству, но и къ почестямъ, къ видному уряду, пожалуй и къ сенаторскому креслу. Очень типиченъ въ этомъ отношеніи извѣстный Претвичъ, силезецъ родомъ, гроза татаръ и оборонѣ кресовъ, о которомъ до сихъ поръ помнитъ народъ на Подольѣ: „за пана Претвица спала отъ татаръ граница“, и жалобы на котораго доходили до самого падишаха. Претвичъ неустанно

гоняется за татарами по степямъ, изучивъ до тонкости всѣ непріятельскіе „фортели и фигли“; нѣсколько разъ становится подъ Очаковымъ, Киліей, Бѣлгородомъ, освобождаетъ изъ неволи множество народа, отбиваетъ на милліоны награбленной движимости. Въ награду за свои заслуги, Претвичъ получилъ отъ Сигизмунда I барское, а потомъ трембовльское староство. Въ качествѣ барскаго старосты, Претвичъ имѣлъ поле дѣйствія общее съ брацлавскими козаками и, вѣроятно, оцѣнивъ преимущества козацкой организаціи и способа дѣйствій, онъ формируетъ на козацкій манеръ черемиссовъ, жившихъ на земляхъ барскаго староства.

Только къ концу первой половины 16 вѣка защита Подолья была нѣсколько урегулирована; кварцяное войско [1]) должно было постоянно пребывать здѣсь, и вновь учрежденъ урядъ польскаго гетмана, въ обязанность котораго входило всегда. держаться на кресахъ.

Что такое были подольскіе магнаты и какъ понимали они свою роль въ краѣ, это превосходно иллюстрируется молдавской политикой.

Молдавія издавна находилась въ запутанныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: то признавала себя въ вассальной зависимости отъ нея, то вела съ ней вражду изъ-за пограничныхъ областей—Покутья и Шепинскаго округа. Когда же на Молдавію заявили притязанія турки, польское государство охотно готово было поступиться своими правами, чтобъ не дразнить слишкомъ могущественнаго врага. Но не такъ думали на этотъ счетъ подольскіе магнаты. Имъ отчетливѣе были видны выгоды, проистекающія изъ зависимаго положенія Молдавіи, а общіе государственные разсчеты задѣвали ихъ мало, и вотъ они ведутъ молдавскую политику, не давая себя труда сообразоваться съ общей политикой Рѣчи-Посполитой. Пользуясь хронической анархіей, на которую была обречена несчастная страна, гдѣ госпо-

---

[1]) Кварцяное войско—наемное войско, на содержаніе котораго шла кварта, т. е. 4-я часть доходовъ со староствъ.

дарю почти никогда не удавалось досидѣть благополучно на тронѣ до своей естественной смерти, подольскіе паны то сажаютъ господарей, то низвергаютъ ихъ, вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ съ Молдавіей на собственный рискъ и страхъ войны, лишь извѣщая Рѣчь-Посполитую о случившемся. Гдѣ, кромѣ Польши, возможны были такія отношенія? гдѣ могъ рѣшиться подданный изъ личной мести захватить въ плѣнъ государя союзной державы, какъ это сдѣлалъ Кристофъ Зборовскій съ господаремъ Богданомъ? Все это было, какъ было и многое другое, что такъ ярко рисуетъ польское „можновладство“ вообще, окраинское въ частности.

Непосредственная близость къ востоку не могла не отразиться на Подольѣ. Было и смѣшеніе крови съ молдаванами и армянами, было и духовное воздѣйствіе. Конечно, этому воздѣйствію надо приписать жестокость нравовъ, проявлявшуюся, напримѣръ, въ утонченныхъ пыткахъ и казняхъ, жестокость, мало свойственную польскому національному характеру. Отсюда же, конечно, и склонность къ роскоши въ домашнемъ быту, къ дорогимъ коврамъ, мягкимъ диванамъ, блестящимъ погремушкамъ. Какой нибудь угрюмый и невзрачный съ виду „замечекъ“ часто заключалъ внутри чарующее сочетаніе восточной роскоши съ европейской утонченностью. Вообще, паны на Подольѣ жили весело, шумно и дружно: общая опасность и общая отвѣтственность связывала панство въ одинъ узелъ, котораго не раторгала даже и рознь религіозныхъ убѣжденій, хотя многіе подольскіе паны уже заражались „лютерскими еретическими новинками“. Вѣротерпимость царила полная: подъ хоругвью пана католика или зараженнаго лютерской вѣрой, сражался православный русинъ кметь или мѣщанинъ, рядомъ съ армяниномъ-грегорьянцемъ, черемиссомъ-магометаниномъ и даже съ невѣрнымъ жидомъ. Правда, католическое духовенство, глядя на православную русскую массу, уже мечтало о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи; но историческія условія еще не расчистили поля для его дѣятельности. А между тѣмъ эти историческія условія уже подготовлялись. Польская цивилиза-

ція, господствовавшая, хотя и не пускавшая еще глубокихъ корней, въ одной части края, скоро должна была разлиться на чужую бѣду и свою собственную гибель по всей обширной территоріи Украины.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

Конечно, въ исторіи не часто случаются политическіе факты, такъ богатые проистекающими изъ нихъ послѣдствіями, какъ была богата ими Люблинская унія 1569 г., связавшая Литовско-Русское и Польское государства въ одно политическое цѣлое.

Бѣдный Вольскій, королевскій дворянинъ, ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ по Волыни, чтобъ собрать всѣ необходимыя подписи: волынскіе князья и земяне предпочитали подписывать унію надому. Ясно, что они не слишкомъ то торопились узаконить этотъ актъ, котораго такъ добивались поляки; но не было замѣтно и сопротивленія. Само-собою разумѣется, что владѣтельному князю, въ родѣ Острожскаго, Люблинская унія ничего не могла прибавить, несмотря на всю полноту шляхетскихъ правъ, какую она несла съ собой, а убавить—она убавляла ужъ однимъ тѣмъ, что низводила его, хотя бы только de jure, на одинъ уровень съ другими, сравнивая въ одномъ общемъ понятіи шляхтича. Но большіе паны уже успѣли втянуться въ интересы польской жизни. Напр., Острожскій былъ женатъ на дочери знаменитаго гетмана Тарновской, которая принесла съ собою на Волынь атмосферу польской культуры, а главное—какъ разъ ко времени Люблинской уніи завязался споръ о громадныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ Тарновскихъ между Острожскими и польскими претендентами: унія расчистила почву для рѣшенія спора въ пользу Острожскаго.

Какъ-бы то ни было, унія была подписана, и такимъ образомъ проведена демаркаціонная линія, которая разбила общество на двѣ части: надъ линіей все было сравнено въ полнотѣ шляхетскихъ правъ,—подъ нею все было погружено въ безправіи. Первой части общества слишкомъ легко было примѣняться къ

новымъ условіямъ, второй—слишкомъ трудно. Конечно, до-поры до-времени все оставалось по-старому, по крайней мѣрѣ съ виду. Новыя правовыя нормы стояли пока въ отдаленіи, какъ идеальныя цѣли жизненныхъ стремленій: нельзя было сразу навязать русскому обществу польскихъ понятій о земельной собственности, объ отношеніи хлопа къ пану. Но это должно было сдѣлать время; а пока что, русскіе князья, земяне и бояре пріучались къ своимъ новымъ политическимъ правамъ, сеймикованью и выборамъ пословъ на сеймъ и депутатовъ въ трибуналъ, политическимъ интригамъ, публичному краспорѣчію. Но важнѣйшимъ изъ непосредственныхъ результатовъ уніи былъ не этотъ: за такой результатъ надо, конечно, признать польскую колонизацію.

Дѣло польской исторіи рѣшить, въ силу чего польскій элементъ устремился съ такою энергіей на Украину, какъ только унія уничтожила преграды этому стремленію: для насъ важенъ, конечно, лишь фактъ. Въ томъ же роковомъ 1569 г. состоялась конституція, въ силу которой станы могли раздавать пустыя земли на кресахъ, въ качествѣ „panis bene merentis“ (хорошо заслуженнаго хлѣба). Кто же были люди, достойные этого „panis bene merentis?“ Конечно, магнаты. На Волыни не было пустыхъ земель: свои князья давно поразобрали все, что можно было забрать. Полѣсье тоже было занято, да къ тому же и не особенно привлекательно. За то Брацлавское и Кіевское воеводства, по новой польской административной терминологіи,—и въ особенности послѣднее,—представляли запасъ свободныхъ земель, фактически почти неисчерпаемый, еслибъ не польско-магнатскій способъ захватывать земли цѣлыми областями. Напр., Валентій Калиновскій получилъ въ даръ Уманскую „пустыню“: чтобъ объѣхать ея границы, надо было скакать на добромъ конѣ нѣсколько дней. Но главную притягательность для захвата представляла собою бывшая Кіевская земля съ ея необъятной территоріей, неопредѣленно уходящей въ дикія степи, съ ея благодатной почвой и слабой, спорадической населенностью. Кіевскія окраины, переходящія съ лѣваго берега Днѣпра на правый, составляли какъ-бы цѣлый

поясъ огромныхъ королевщинъ, отдѣляющихъ Польское государство отъ остального свѣта: любецкое, остерское, переяславское, каневское, черкасское, корсунское, богуславское и бѣлоцерковское. Поляновскимъ миромъ предѣлы его были еще расширены на счетъ Сѣверской земли. Заднѣпровскія земли пошли почти всѣ въ однѣ руки—Іереміи Вишневецкаго, владѣнія котораго занимали всю теперешнюю Полтавскую и большую часть Черниговской губ. Но это имѣло мѣсто уже въ концѣ разсматриваемой эпохи; да и о территоріи лѣвобережной Украины мы упомянули лишь ради иллюстраціи. Вообще, надо сказать, что общее стремленье крупныхъ польскихъ пановъ захватывать себѣ земли на Украинѣ обнаружилось въ полной силѣ лишь нѣсколько позднѣе; пока же разбирали королевщины, или просто пустыя урочища, польскіе магнаты, на первомъ планѣ: Конецпольскіе, Калиновскіе, Сенявскіе, Замойскіе, а частью тѣже волынскіе князья—Острожскіе, Вишневецкіе, Заславскіе, Збаражскіе.

Польскіе магнаты приводили съ собою на Украину и мелкую служебную шляхту—это не могло быть иначе. Но шляхта эта стремилась сюда и самостоятельно, стремилась неудержимо еще и до того, какъ магнаты развернули во всю ширину свою колонизаціонную дѣятельность. Изъ Великой Польши, Силезіи, Поморья тянулась на благодатный украинскій югъ „загоновая“ шляхетская бѣднота, влекомая увѣренностью, что стоитъ ей добраться до мѣста, а тамъ уже ее ждутъ, если не богатство, то довольство. И въ самомъ дѣлѣ, земли было сколько угодно, и какой земли! Но тѣмъ не менѣе не такъ-то легко было извлечь что-нибудь изъ земли такому шляхтичу, у котораго былъ только конь да сабля. И если его не выручалъ какой-нибудь случай—выгодная женитьба, участіе въ удачной военной экспедиціи въ Молдавію, противъ татаръ,—то ему ничего не оставалось, какъ пристать къ какому-нибудь панскому двору и выжидать панской ласки. Конечно, можно было и не дождаться этой ласки, и тогда шляхтичъ увеличивалъ собою массу недовольныхъ, безпокойныхъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ и потому всегда на все готовыхъ элементовъ, которыхъ безъ того въ избыткѣ выдѣляла украинская жизнь. Панская же

ласка давала возможность шляхтичу „врости въ землю“; за „врошеньемъ“ слѣдовало занятіе мелкихъ урядовъ, затѣмъ покрупнѣе—и новый шляхетскій родъ вступалъ на дорогу роста, который шелъ иногда, на тучной украинской почвѣ, въ ея исключительныхъ условіяхъ, съ поразительной быстротой. Выросталъ, случалось, такимъ образомъ даже и настоящее магнатство, напримѣръ: Яблоновскіе. Но была и средина между магнатомъ, который представлялъ собою колесо политическаго механизма и въ качествѣ частицы государственной силы какъ-бы завоевывалъ новую территорію, и описаннымъ выше шляхетскимъ голышемъ, искателемъ фортуны. Средину эту занималъ предпріимчивый шляхтичъ, которому или не везло на родинѣ, или который былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и не видѣлъ возможности его измѣнить на старомъ пепелищѣ. Онъ продавалъ свое имущество или отдавалъ его „въ державу“, забиралъ съ собою деньги и отправлялся на Украину, имѣя съ чѣмъ осѣсть на новомъ мѣстѣ. Оглядѣвшись, онъ отправлялся къ какому-нибудь пану и просилъ уступить ему кусокъ земли. Тотъ, конечно, не отказывалъ, такъ какъ пустой земли лежало сколько угодно, а непосредственныя выгоды отъ уступки ясны: взявшій землю позаботится о томъ, чтобъ на ней были люди, сначала хоть дворовая челядь, а потомъ и земледѣльческія хозяйства, и такимъ образомъ земля получитъ цѣнность, которой у нея не было; притомъ же, такой шляхтичъ есть во всякомъ случаѣ лишняя вооруженная единица. Но иногда шляхтичъ бралъ не пустую землю, а населенную; въ такомъ случаѣ онъ вручалъ пану деньги, какъ-бы помѣщая у него свой капиталъ, и начиналъ хозяйничать на землѣ, сбиралъ доходъ отъ населенія въ видѣ процентовъ на этотъ капиталъ. Это называлось „заставнымъ державствомъ“. Кромѣ того, осѣдало на Украинѣ много шляхты изъ военныхъ людей, заходившихъ сюда съ войскомъ, ротмистры, поручики, намѣстники, товарищи хоругвей, иногда остававшіеся здѣсь подолгу „на лежахъ“; ознакомившись съ мѣстными условіями и оцѣнивши всѣ ихъ выгоды, эти военные люди часто обзаводились осѣдлостью.

А было еще и то, что изъ Польши просто бѣжали или укрывались на Украину преступники, преслѣдуемые закономъ, должники отъ кредиторовъ, боящіеся чьей-нибудь мести. Но обыкновенно кто бы и какъ ни попадалъ на Украину, онъ сживался съ своей новой родиной и не стремился уже назадъ: слишкомъ много было здѣсь привлекательнаго для всякаго, у кого разъ хватило рѣшимости порвать съ насиженнымъ гнѣздомъ.

За шляхтой тянулось и католическое духовенство, никогда не забывающее о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи.

И такъ, Люблинская унія снесла плотину, разгораживавшую Польшу отъ Литовско-русскаго государства, и на Украину хлынула польская волна. Конечно, бѣда была не въ волнѣ: Украина была такъ обширна, мало населена и богата естественными своими богатствами, что ей ничего не стоило пріютить и прокормить и гораздо большую по численности массу людей. Дѣло въ характерѣ этой волны: вѣдь все это была шляхта, т. е. классъ людей, предполагавшій собою существованіе другого класса—хлопскаго, который долженъ его кормить. А между тѣмъ, кметей изъ Польши не шло совсѣмъ или почти совсѣмъ. Такимъ образомъ, нахлынувшая шляхта вся должна была какъ-то прокармливаться и рости на счетъ наличнаго земледѣльческаго русскаго населенія. Но это послѣднее, естественно, не было расположено увеличивать своей тяготы, а отъ насилія имѣло возможность укрываться въ степяхъ. Ясно, что съ наплывомъ польской шляхты въ условіяхъ украинской жизни произошло измѣненіе, невыгодное для ея равновѣсія. Часть шляхты, приспособляясь къ условіямъ, садилась на землю и начинала сама лично заниматься земледѣліемъ, и въ концѣ концовъ „хлопѣла“ и „русѣла“. Но это не могла быть значительная часть: для этого поляки были слишкомъ проникнуты чувствомъ своей высшей культурности, а также и сознаніемъ политическаго верховенства своихъ соціальныхъ принциповъ.

Люблинская унія, какъ извѣстно, не налагала никакихъ стѣсненій по отношенію къ русской народности, ея языку, ея религіи: первымъ стѣсняющимъ актомъ по отношенію къ рели-

гіи была Брестская унія 1596 г.; а языкъ и другіе элементы національности пока не подвергались никакимъ ограниченіямъ. Но вліяніе польской культуры начало обнаруживаться уже тогда, когда не было рѣчи ни о какихъ насильственныхъ воздѣйствіяхъ. Обнаружилось оно, конечно, лишь на высшемъ классѣ русскаго населенія, на тѣхъ, кто получилъ права польской шляхты, и сначала тамъ, гдѣ русскіе земяне были слабѣе численно и поставлены въ зависимость отъ польскихъ магнатовъ. Такъ напр., слѣды такого ополяченія мы замѣчаемъ у земянъ Брацлавщины, которые находятся подъ вліяніемъ Потоцкихъ и Конецпольскихъ, захватившихъ почти все такъ называемое побережье. По крайней мѣрѣ, на такое ополяченіе намекаютъ эти прозвища, передѣланныя на польскій ладъ и иногда изобличающія довольно странную и какъ-бы юмористическую фантазію, въ родѣ напр. „Дзика (кабана) де Свиняны“, извѣстнаго сподвижника Стефана Хмелецкаго. Но тамъ, гдѣ русское населеніе не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго, какъ напр. на Волыни, земяне обнаруживаютъ пока большую привязанность къ своимъ національнымъ особенностямъ. Къ тому же у нихъ были братства, которыя волынскіе князья и земяне горячо поддерживали; были, наконецъ, такіе столпы народности, какъ князь Василій Острожскій со всѣми его просвѣтительными учрежденіями, какія онъ устраивалъ въ Острогѣ, русской типографіей, академіей, семинаріей и школами. Но какъ непрочны были эти столпы, видно изъ того, что когда, напр., Острожскій женился на Тарновской, въ брачное условіе было внесено, что сыновья будутъ слѣдовать религіи своего отца, а дочери—матери; а старшій сынъ Острожскаго Янушъ съ юныхъ лѣтъ оказался ревностнымъ католикомъ. Очень интересенъ для характеристики тогдашняго положенія Волыни, этого главнаго центра русской народности, одинъ документъ. Это завѣщаніе богатаго земянина волынскаго Загоровскаго, состоявшаго въ родствѣ съ княжескими домами, который попадаетъ въ плѣнъ къ татарамъ и оттуда, изъ Крыму, дѣлаетъ нѣкоторыя распоряженія на счетъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Онъ приказываетъ устроить въ своемъ имѣніи церковь по образцу

той, какую у себя устроилъ князь Курбскій, а при ней, такъ же, какъ и при другой церкви во Владимірѣ, по шпиталю, каждый на 20 человѣкъ; но главнѣйшая его забота о дѣтяхъ, сыновьяхъ. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти не забыли „своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а главнѣе всего своей вѣры“; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказываетъ отослать дѣтей въ Вильно „до іезуитовъ, потому что хвалятъ тамошнюю добрую методу преподаванія“, и выражаетъ желаніе, чтобы они оставались въ обученіи, не выходя ни на минуту изъ школы, втеченіе 7 лѣтъ, потому что только такимъ образомъ они могутъ, по его мнѣнію, какъ слѣдуетъ „отполироваться“. Можно представить себѣ, что могло остаться изъ народныхъ традицій у этихъ русскихъ мальчиковъ послѣ семи лѣтъ іезуитской полировки.

Но пока еще ополяченіе не связывалось необходимо съ католичествомъ, за которымъ не стояло насиліе въ видѣ государственнаго воздѣйствія. Политика Стефана Баторія, какъ и политика Ягеллоновъ, была свободна отъ религіозной нетерпимости; все это принесло съ собою лишь несчастное царствованіе Сигизмунда III, да и то не сразу. Мало того: положеніе вещей въ самомъ польскомъ обществѣ было такое, что польская культура, являясь на Украинѣ во второй половинѣ 16-го в., привлекала къ себѣ симпатіи высшаго класса русскаго общества главнымъ образомъ религіознымъ раціонализмомъ, который она несла съ собою, въ видѣ лютеранства, кальвинизма, социніанства съ ихъ разными толками и сектами. А какъ мало было въ этомъ слагающемся молодомъ украинскомъ обществѣ, съ его неперебродившими и неустоявшимися элементами религіознаго фанатизма, видно изъ того, что мелкая католическая шляхта, наново селившаяся здѣсь, крестила дѣтей, совершала вѣнчанья, похороны въ православныхъ церквахъ, такъ что понадобилось особое распоряженіе Баторія, запрещающее православному духовенству подъ угрозой большого штрафа исполнять требы для католиковъ; а съ другой стороны, низовые ко-

заки безъ малѣйшихъ затрудненій принимали католиковъ въ свое общество.

Религіозный раціонализмъ, занесенный изъ Польши, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ на Украинѣ. И при томъ надо замѣтить, что здѣсь распространялись болѣе крайнія секты. Кальвинизмъ не выходилъ за предѣлы Подолья, гдѣ его прививалъ Янъ Потоцкій, устроившій въ Паніовцахъ Кальвинскую академію; въ русскихъ же украинскихъ областяхъ находили горячихъ сторонниковъ социніане, аріане, антитринитаріане—все крайнія секты, не останавливавшіяся передъ „demoliendum dogma Trinitatis“. Главными очагами аріанской пропаганды были Краковъ и Люблинъ: отсюда аріанство расходилось, изъ одного панскаго двора въ другой, по Волыни, заходило въ пустынное еще кіевское воеводство, забиралось и въ полѣсскія пущи. Украинская шляхетская молодежь ѣздила учиться въ Краковскую академію, которая могла соперничать съ іезуитскими школами какъ въ изученіи классическихъ языковъ, такъ и діалектики. Но на Волыни появилась и своя аріанская школа въ Киселинѣ, которая нѣсколько позже выросла до степени академіи; такая же школа была въ Хмѣльникѣ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, въ средней Волыни, по направленію отъ Киселина къ Житомиру, при панскихъ дворахъ были аріанскія каплицы, а при нихъ и низшія училища. Въ Кіевскомъ воеводствѣ сдѣлался главнымъ покровителемъ аріанства старый русскій земянскій родъ Немиричей; на Волыни—Чапличи. Въ качествѣ ихъ сторонниковъ выступаетъ множество и польско-шляхетскихъ, и чисто русскихъ земянскихъ родовъ.

Но, конечно, какъ до Брестской уніи, такъ и послѣ нея, старое православіе, восточнаго обряда, составляло все-таки преобладающую религію русскаго населенія, между прочимъ, и русской шляхты.

Оставимъ однако пока въ сторонѣ тѣ интеллектуальныя воздѣйствія, которыя принесла съ собою польская колонизація, а остановимся на ея ближайшихъ практическихъ результатахъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, группируются около двухъ фактовъ.—Первымъ изъ нихъ надо считать усиленіе защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый отдѣльный шляхтичъ, прибывшій на Украйну, представлялъ собою вооруженную и опытную въ военномъ дѣлѣ единицу; каждый осѣвшій на землѣ шляхтичъ былъ маленькимъ организаціоннымъ пунктомъ защиты. Болѣе же энергичные изъ магнатовъ организовали защиту умѣло и на широкую ногу. Возьмемъ, напр., хоть-бы Замойскихъ. Замойскіе тоже перебрались съ Подолья на русскую Украину и принялись за колонизацію своихъ огромныхъ имѣній со страстнымъ увлеченіемъ. Но успѣхъ колонизаціи, конечно, зависѣлъ самымъ тѣснымъ образомъ отъ успѣха защиты, и организація защиты была у нихъ поставлена превосходно. Отъ Паволочи до Тарнополя, на страшно растянутой линіи ихъ земель, гдѣ раскидано было до 110 мѣстечекъ и около 200 деревень, имъ принадлежащихъ, постоянно дѣйствовалъ сторожевой отрядъ, въ 600—800 человѣкъ, организованныхъ по-козацки. Отрядъ этотъ находился подъ предводительствомъ такого тонкаго знатока и необычайно энергическаго человѣка, какъ Стефанъ Хмелецкій, который всю жизнь проводилъ въ степи верхомъ на конѣ и былъ здѣсь, какъ у себя дома, который умѣлъ угадывать безошибочно по полету птицы, по всполошенному звѣрю, не только то, что приближается чамбулъ, но и какъ онъ великъ, далеко-ли онъ и т. п. Конечно, такая организація защиты требовала большихъ жертвъ со стороны владѣльца: Томасъ Замойскій съ королевскою щедростью предоставилъ Хмелецкому цѣлую волость „въ ласкавую (безплатную) державу“, не говоря уже о громадныхъ прочихъ расходахъ такого хозяйничанья на государственную ногу. Если прибавить къ этимъ панскимъ заботамъ то обстоятельство, что теперь на Украинѣ должно было постоянно пребывать кварцяное войско съ польнымъ гетманомъ, то ясно, какъ должна была выиграть Украина, особенно если припомнимъ, что гетманами, многіе годы дѣйствовавшими на Украинѣ, были такіе люди, какъ Жолкѣвскій и Конецпольскій. Немудрено, что и на дѣйствіяхъ татаръ какъ-бы отражается вліяніе измѣняющихся условій: они, повидимому, начинаютъ воздерживаться отъ постоянныхъ нападеній небольшими чамбулами, а снаряжаютъ уже цѣлыя военныя экспедиціи, формальные походы.

Вторымъ важнымъ фактомъ, вытекшимъ изъ колонизаціи, является чрезвычайный и трудноудовлетворяемый спросъ на хлопа, на рабочія руки. Надо было привлекать населеніе какими-то особенными мѣрами, приманкой полной безопасности, чрезвычайными льготами, въ родѣ свободы отъ всякихъ повинностей на многіе годы, обѣщаніемъ матеріальной помощи, напр.— постройки хорошихъ хатъ и проч., наконецъ, даже магдебургскимъ правомъ. Приходилось смотрѣть сквозь пальцы на сомнительное прошлое этихъ хлоповъ, даже прикрывать ихъ передъ закономъ: по-крайней мѣрѣ на Яна Замойскаго внесена была жалоба въ сеймъ, что „онъ имѣнія свои осадилъ бѣглецами и гультяями съ удивительными и неслыханными вольностями. Да и что же оставалось дѣлать такому украинскому владѣльцу, одолѣваемому колонизаторской горячкой? Бывало и еще хуже: владѣльцы побезцеремоннѣе просто переманивали хлоповъ у сосѣдей, а случалось, при враждѣ и насильственно ихъ переводили, позабравши въ плѣнъ, а такихъ плѣнниковъ придерживать приходилось иногда и угрозой пытки и казни.

Но русская жизнь въ лицѣ козачества сама выработала себѣ защиту, которая имѣла крайне непріятное для шляхетства свойство вбирать въ себя, съ большою интенсивностью, хлопство, рабочія руки. Отсюда непріязненное отношеніе польскаго строя, начинавшаго обхватывать собою Украину, къ козачеству было неизбѣжнымъ. Тотъ или другой отдѣльный магнатъ, гетманъ, уже не говоря о рядовой шляхтѣ, могъ питать самыя дружескія чувства къ козачеству—въ общей враждѣ къ невѣрному востоку была благодарная почва для такихъ чувствъ, но общія условія въ концѣ концовъ должны были взять верхъ надъ личными симпатіями и частными отношеніями.

Въ одномъ мѣстѣ степей, какъ уже было сказано выше, козачество успѣло сложиться въ организацію съ чертами политическаго характера. Это было на южныхъ границахъ Кіевскаго воеводства,—на днѣпровскихъ островахъ, за порогами, на такъ называемомъ Низу или Запорожьѣ. Къ этому пункту тяготѣли всѣ козацкіе элементы, разбросанные по русской Украинѣ, кромѣ, конечно, козацкихъ милицій, содержимыхъ

крупными владѣльцами при своихъ дворахъ, милиціи, не имѣвшихъ ничего общаго съ настоящими козаками, кромѣ названія и нѣкоторыхъ военныхъ пріемовъ.

Нельзя назвать точно времени, къ какому слѣдуетъ пріурочить возникновеніе козацкаго Низоваго, т. е. Запорожскаго „братства“: повидимому, къ началу 16-го в. оно уже существовало. По крайней мѣрѣ, документы этой эпохи упоминаютъ о низовыхъ козакахъ, которые появляются со своими товарами на рынкахъ г. Кіева и гуляютъ тамъ. Вѣроятно, только незначительная часть козаковъ оставалась постоянно на островахъ; большинство расходилось зимой по Украйнѣ: извѣстно, что масса низовцевъ проживала въ Брацлавщинѣ.

Писатели польскіе той эпохи, Папроцкій и Бѣльскій, отзываются о козакахъ съ большимъ сочувствіемъ: они удивляются ихъ рыцарскому духу, ихъ неутомимости въ борьбѣ съ невѣрными. Повидимому, никакого племенного или религіознаго антагонизма между козацкимъ братствомъ и польскимъ элементомъ сначала нѣтъ и тѣни. Сыновья русскихъ князей и земянъ, какъ и подольскихъ магнатовъ, одинаково ѣздятъ на Запорожье, чтобы обучаться тонкостямъ „татарскаго танца.“

Низовцы добровольно приглашаютъ въ гетманы Самуила Зборовскаго, сына одного изъ могущественнѣйшихъ польскихъ магнатскихъ родовъ, и вопросъ о разновѣрьи не выступаетъ ни малѣйшимъ намекомъ во всей эпопеѣ его козацкихъ похожденій. Польскій шляхтичъ, являясь на Запорожье, долженъ былъ оставить дома свой гербъ, свое фамильное имя, прибрать себѣ прозвище, приличное его новой демократической средѣ, а дальше уже дѣло шло лишь о его мужествѣ, выносливости, преданности общимъ интересамъ. Такъ было до-поры до-времени.

Могло-ли государство относиться безразлично къ новому политическому тѣлу, возникающему на его границахъ, поддерживающему съ нимъ постоянныя сношенія и, такъ сказать, питающемуся соками своей метрополіи? Очевидно, нѣтъ. Въ видахъ внѣшней политики, Стефанъ Баторій могъ дѣлать туркамъ такое объясненіе относительно козаковъ: „Это горстка разноплеменныхъ бродячихъ людей, не имѣющихъ ни постоянной

осѣдлости, ни права, и ни отъ кого не зависящихъ“ Но потребностямъ внутренней политики не могла удовлетворять такая формулировка. Пока еще государство оставалось литовско-русскимъ, уже и тогда чувствовалась необходимость какъ-нибудь урегулировать козачество; но вызванное Люблинской уніей обострѣніе отношеній сдѣлало эту необходимость жгучей. Однако, положеніе вещей было такъ сложно, что остановиться сразу на какомъ нибудь рѣшеніи было невозможно, и вѣсы польской политики долго колебались. Украина не могла быть подчинена польскому общественному строю до тѣхъ поръ, пока существовало козачество въ его старомъ видѣ—это ясно, какъ не менѣе ясно было и то, что козачество составляло такой барьеръ отъ татаръ, снести который едва-ли было возможно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованно. Тѣ самые паны, которые постоянно страдали отъ того, что хлопъ выскальзывалъ у нихъ изъ рукъ, оставляя невоздѣланными ихъ роскошныя нивы, рука объ руку съ этимъ окозаченнымъ хлопомъ дѣлали погони за татарами, садили господарей на молдавскій тронъ и такимъ образомъ невольно воспитывали въ себѣ симпатію и уваженіе къ нему. Но въ концѣ концовъ одна чашка вѣсовъ должна была неизбѣжно перетянуть: выработался такой взглядъ на положеніе дѣлъ, что козаки вредятъ государству, такъ какъ дразнятъ постоянными нападеніями татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и турокъ—своимъ вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла. Можетъ быть, кое-что въ этомъ взглядѣ слѣдуетъ приписать и близорукости варшавскаго кабинета. Варшавскіе политики, слишкомъ удаленные отъ мѣста дѣйствія, могли и серьезно себѣ представлять, что безъ вызова со стороны козаковъ татары будутъ удовлетворяться „упоминками“, которые ежегодно шли отъ польскаго двора въ Крымъ. Они могли и не соображать, что одно удачное нападеніе доставляло татарамъ въ нѣсколько разъ больше выгоды, чѣмъ 15,000 червонныхъ золотыхъ вмѣстѣ съ златоглавыми и адамашками, луньскими и иными сукнами,—соболями, куницами, лисицами Да еще и могъ-ли перекопскій царь съ царевичами и мурзами удержать отъ нападеній бѣлгородскихъ, буджакскихъ, очаковскихъ татаръ, т. е. ногайцевъ? А

на счетъ молдавскихъ дѣлъ, польскіе политики тоже очевидно забывали, что первый походъ козаковъ въ Молдавію подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго былъ сдѣланъ по иниціативѣ Польскаго пана Лаского, который разорился на молдавскихъ проектахъ; а подольскіе магнаты считали молдаскія дѣла чуть-ли не своими собственными. Выработалось убѣжденіе, энергическимъ представителемъ котораго былъ король Стефанъ Баторій, что козачество должно быть преобразовано изъ вольнаго братства въ пограничную стражу, опредѣленнаго комплекта, на постоянномъ жалованьи, съ „старшимъ," утвержденнымъ правительствомъ. Всѣ самостоятельныя политическія дѣйствія козачества должны быть строго преслѣдуемы, какъ противозаконныя и вредящія интересамъ государства.

Первымъ яркимъ проявленіемъ этой точки зрѣнія на козачество надо считать казнь Ивана Волошина или Подковы въ 1578 году.

Кто таковой былъ этотъ Иванъ Волошинъ,—теперь уже возстановить этого не возможно; неизвѣстно даже точно, какъ онъ прозывался—Подковой или Серпягой. Были-ли у него дѣйствительно какія нибудь формальныя права на молдавское господарство въ видѣ родства съ бывшимъ господаремъ Ивоней, которому помогалъ козацкій атаманъ Свирговскій, или онъ былъ просто запорожской креатурой,—однимъ изъ тѣхъ „господарчиковъ,"—самозванцевъ, какіе изготовлялись въ Запорожьѣ—дѣло темное. Несомнѣнно, что онъ былъ родомъ русскій; несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ съ достоинствами. „Всѣ люди того Подкову жалѣли, говоритъ польскій хроникеръ, а король даже не рѣшился казнить его въ Варшавѣ, чтобы не дѣлать непріятности шляхтѣ, собранной на сеймъ, такъ какъ послы (депутаты) просили за него. Когда же казнили Подкову во Львовѣ, то король распорядился, чтобы войско стояло наготовѣ, и для усиленія его далъ своихъ гайдуковъ, такъ какъ боялся народнаго волненія, которое могли произвести козаки, появившіеся въ большомъ числѣ въ городѣ.

Изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь простымъ бродягою, случайно выдвинутымъ на сцену. За-

порожцы сдѣлали двѣ экспедиціи со своимъ атаманомъ Шахомъ, чтобы возвратить Подкову на господарствѣ, и это имъ удалось. Но господарствовалъ онъ всего два мѣсяца и долженъ былъ бѣжать назадъ на Украину. Любопытно, что главнымъ организаторомъ этихъ походовъ, повидимому, былъ польскій шляхтичъ Копыцкій; польскіе же магнаты, пограничные староста и воеводы, всѣ эти Бучацкіе, Мелецкіе, Збаражскіе относились ко всему совершающемуся передъ ихъ глазами съ видимымъ участьемъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры со стороны столь вообще рѣшительнаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій, чтобы побудить воеводу брацлавскаго, въ районѣ котораго расположился Подкова съ запорожцами, выслать Подкову въ Варшаву. Да и то дѣло обошлось безъ всякаго насилія. Подкова самъ охотно отдался въ руки короля, въ надеждѣ на милость: но на короля, раздраженнаго козацкимъ самовольствомъ, сильно напиралъ чаушъ, прибывшій съ укоризненнымъ посланіемъ отъ султана, и посолъ молдавскаго господаря. Итальянецъ Талдучки, очевидецъ, оставилъ подробное описаніе казни Подковы, между прочимъ написалъ и тѣ слова, съ которыми осужденный обратился къ народу передъ казнью. Слова эти очень характерны. „Господа поляки, говорилъ онъ, иду на смерть, не знаю за что, потому что не помню, чтобы я въ жизни сдѣлалъ что-нибудь, заслуживающее такого конца. Хорошо знаю то, что всегда бился храбро и по-рыцарски противъ врага христіанскаго и что всегда трудился на корысть и добро края, желая твердо быть для него стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, такъ, чтобы они въ границахъ своихъ оставались. Ничего больше не знаю, только то, что умираю отъ руки палача, потому что турокъ, поганая собака, велѣлъ это сдѣлать вашему королю, своему подданному, и вашъ король тому (палачу) приказалъ. Наконецъ, для меня одного все это не много значитъ, но держите въ памяти, что скоро то, что со мной случилось, и васъ пристигнетъ, и ваше имущество, головы ваши и вашихъ королей будутъ отвезены въ Царьградъ, какъ только та поганая собака прикажетъ“.

Какъ все это дышетъ спокойной вѣрой не только въ свою личную правоту, но и въ правоту того дѣла, за которое пострадалъ осужденный. Тѣло его козаки отвезли на Украину. Это былъ первый рѣшительный шагъ по роковому пути, который привелъ къ гибели и Польшу, и Украину. Польская политика, у руля которой стоялъ Стефанъ Баторій, начала все сильнѣе и сильнѣе напирать на козаковъ. Король слалъ на Украйну универсалъ за универсаломъ со строгими, стѣснительными распоряженіями по отношенію къ непослушнымъ запорожцамъ. „Отъ этого времени, писалъ онъ пограничнымъ старостамъ, чтобы никто не смѣлъ Низовцевъ у себя принимать, ни ихъ защищать, давать имъ селитру, порохъ, свинецъ, съѣстные припасы“... Приказываемъ, пишетъ онъ къ Острожскому, который, какъ кіевскій воевода, имѣлъ Запорожье въ своемъ яко-бы административномъ вѣдѣніи, чтобы ясновельможный князь Острожскій отправился на Днѣстръ и выгналъ оттуда этихъ разбойниковъ Низовцевъ, а которыхъ достанетъ, чтобы казнилъ“... Возможно-ли все это было? возможно-ли было „раскозаковать“ не одинъ десятокъ тысячъ сильныхъ и до высокой степени мужественныхъ и привыкшихъ къ свободѣ людей и усадить ихъ на землѣ, гдѣ имъ угрожало подданство? Варшава думала, что такія стѣсненія заставятъ ихъ подчиниться реестрованію. Въ этомъ смыслѣ состоялось въ 1589—90 г. первое сеймовое постановленіе относительно Запорожья, «Порядокъ со стороны Низу и Украины“, заключавшее рядъ суровыхъ постановленій, направленныхъ противъ козачества и угрожавшихъ ему въ случаѣ ослушанія полной гибелью. Жизнь тотчасъ же дала отвѣтъ на предъявленныя ей политикой требованія: прошло всего только три года, и разразился первый бунтъ, бунтъ Косинскаго. Дѣло было такъ. Тотчасъ вслѣдъ за смертью Баторія козаки вознаградили себя тѣмъ, что предприняли большіе походы на татаръ: Очаковъ пошелъ съ дымомъ. Козловъ сравненъ съ землей; они воспользовались тѣмъ, что паны украинскіе отправились въ Варшаву на элекцію, уводя съ собою и свои милиціи; князь Острожскій имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ, такъ что его въѣздъ въ Варшаву занялъ на цѣлый день вниманіе столицы.

За козацкими нападеніями послѣдовалъ тотчасъ же реваншъ со стороны татаръ, которыхъ козакамъ опять-таки удалось ограбить на возвратномъ пути, и жалобы и угрозы Варшавѣ со стороны Порты. Въ половинѣ 1590 г. придумана была новая стѣснительная мѣра: для усмиренія украинскаго своеволія была учреждена спеціальныя сторожа въ тысячу человѣкъ, и на урочищѣ Кременчугѣ предположено устроить новый замокъ. Все это поручено было очень опытному въ пограничныхъ дѣлахъ человѣку Язловецкому, который носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ» старшóго войска Запорожскаго", т. е. начальника реестровыхъ козаковъ и долженъ былъ стеречь, чтобы отъ козачества не было „зацѣпки сосѣднимъ государствамъ". Язловецкій поддерживалъ дружескія отношенія съ козаками и не ухудшилъ положенія лишнимъ вмѣшательствомъ; но за то же онъ и оставался лишь номинальнымъ старшимъ въ то время, какъ въ степи дѣйствовали, то и дѣло смѣняя одинъ другого, фактическіе старшіе. Такимъ „атаманомъ козацкимъ и всего войска на Низу" былъ Косинскій, который успѣлъ не только соединить около себя купы своевольныхъ, т. е. нереестровыхъ козаковъ, но привлекъ и реестровыхъ, обѣщая имъ жалованье, которое вѣчно задерживало польское правительство.

Косинскій былъ польскій шляхтичъ, изъ служебныхъ дворянъ князя Василія Острожскаго. Повидимому, у Косинскаго было и личное раздраженіе противъ князя; но во всякомъ случаѣ, Острожскій, какъ кіевскій воевода, а, слѣдовательно, главный исполнитель требованій государства, имѣлъ поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Запорожьемъ. Собравши козаковъ, зимой 1591 г. нападаетъ Косинскій на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на Бѣлую Церковь, лежавшую въ то время на самомъ рубежѣ степей; Бѣлая Церковь, куда татары заглядывали, по образному выраженію одного тогдашняго писателя, „какъ псы на кухню", принадлежала вмѣстѣ съ огромнымъ пространствомъ земли, князю Янушу Острожскому, воеводѣ волынскому. Безъ всякаго сопротивленія забралъ Косинскій у бѣлоцерковскаго подстаросты деньги и драгоцѣнности, принадлежащія князю Острожскому, и всѣ его бумаги, которыя тоже

хранились здѣсь: уничтоженіе документовъ характеризуетъ собою всѣ козацкія волненія. Очевидно, это былъ сознательный протестъ противъ правъ, вещественнымъ выраженіемъ, а иногда и основаніемъ которыхъ были эти документы. Но вслѣдъ за этимъ Косинскій скрылся въ степи и не появлялся на Украинѣ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. А между тѣмъ на Украинѣ всюду что-то творилось неладное. Цѣлая Кіевщина и Брацлавщина были покрыты сѣтью маленькихъ отрядовъ своевольныхъ людей, занимающихся грабежемъ земянъ и мѣщанъ. Всюду чувствовалось присутствіе горючаго матеріала, который пока только дымилъ, но каждую минуту могъ вспыхнуть и залить пожаромъ весь край. Волненіе распространялось дальше, на Волынь, на Подолье. Въ началѣ 1592 г. появились на кресахъ коммиссары, высланные королемъ, съ уполномочіями относительно усмиренія „людей своевольныхъ, которые учиняютъ великіе и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ“... Но что значили коммиссары со всѣми ихъ полномочіями и грозными листами, если угрозы и полномочія не подпирались военной силой? Язловецкій двинулся въ Хвастовъ и оттуда уговаривалъ запорожцевъ вести себя спокойно, въ предѣлахъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ, и выдать Косинскаго, какъ главнаго зачинщика смуты. Но все это ни къ чему не повело, а между тѣмъ Низовцы похозяйничали въ Кіевѣ, забрали тамъ „пушки, порохъ и всякую стрѣльбу“. Къ осени появился изъ степей и Косинскій, но теперь уже во главѣ настоящаго хорошо вооруженнаго войска... Народъ привѣтствовалъ это запорожское войско, укрѣпленныя мѣстечка отворяли ему свои ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ, пѣніемъ и хоругвями, съ водосвятіемъ. Косинскій сбиралъ подати съ народа, требовалъ отъ шляхты и мѣщанъ „послушенства“ и присяги на вѣрность козачеству; мѣста, гдѣ встрѣчалъ отпоръ, приказывалъ жечь и грабить. Впрочемъ, въ Брацлавщинѣ онъ не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія; наткнулся на него онъ лишь на Волыни, гдѣ было гораздо больше земянъ. Войско Косинскаго заняло Острополь, любимое мѣстечко князя Острожскаго, богатое и очень

удобное по своему положенію на границѣ Волыни съ благопріятной для запорожцевъ Брацлавщиной, и укрѣпился здѣсь. Не дремалъ и князь Острожскій. Онъ просилъ о помощи короля, а пока самъ, съ сыномъ, началъ организовать защиту изъ подданныхъ, служебныхъ людей, подчиненной или дружественной шляхты. Любопытно то, что польный гетманъ Жолкѣвскій, который стоялъ недалеко отъ границъ Волыни съ коронным войскомъ, не тронулся съ мѣста на помощь, какъ бы все совершавшееся на Волыни было лишь частнымъ дѣломъ князя Острожскаго. Между тѣмъ король прислалъ универсалъ, сзывающій на посполитое рушеніе шляхту Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго воеводствъ. „Такъ далеко распространилось то своеволіе низовыхъ козаковъ, пишетъ король въ своемъ универсалѣ, что они наши и сенаторскіе и шляхетскіе города берутъ какъ непріятели, грабятъ, мучатъ подданныхъ, забираютъ имущество, а что самое важное, принуждаютъ какъ шляхтичей, такъ и горожанъ отдавать себѣ присягу“. Въ то же время шляхта, собранная на судовые рочки въ Луцкѣ, занесла въ гродскія книги протестъ въ томъ смыслѣ, что она не можетъ исполнять своихъ обязанностей по случаю козацкихъ безпорядковъ; слѣдовательно, волненіе обхватывало уже и отдаленныя части Волыни. Пунктомъ сбора для посполитаго рушенія назначенъ былъ Старый Константиновъ. Хотя паны и земяне со своими отрядами сбирались неохотно, крайне медленно, но Косинскій все-таки отступилъ въ кіевское воеводство и подошелъ къ границамъ Волыни съ другой стороны, со стороны житомирскаго повѣта. Здѣсь онъ занялъ Пятокъ, мѣстечко, принадлежащее тоже Янушу Острожскому, и укрѣпился снова. Позиція и здѣсь была очень выгодна: населеніе ближайшихъ пунктовъ было очень расположено къ козакамъ, а пустая степь къ югу обезпечивала отступленіе. Милиція Острожскаго была не мала, но плохо дисциплинирована, большихъ пановъ пришло на помощь только двое: Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, и Александръ Вишневецкій, староста каневскій и черкасскій,—кромѣ того, нѣсколько православныхъ земянъ, изъ „пріятелей“ дома Острожскихъ. Они преслѣдовали Косинскаго, но не могли ему

помѣшать укрѣпиться въ Пяткѣ. Пока они раздумывали, какой имъ принять дальнѣйшій образъ дѣйствій, Косинскій самъ рѣшилъ ихъ сомнѣніе. Онъ задумалъ смять врага и кинуться въ глубь Волыни. 2-го февраля 1593 г. произошла битва. Но результаты ея были крайне неблагопріятны для козаковъ: запорожцы потеряли много людей, всѣ пушки и знамена. Еще съ недѣлю Косинскій держался за валами мѣстечка, но голодъ вынудилъ просить о посредничествѣ пана Вишневецкаго, который въ качествѣ старосты пограничнаго съ Запорожьемъ, всегда поддерживалъ съ козаками близкія отношенія и не разъ пользовался ихъ помощью въ своихъ сварахъ съ сосѣдями-панами... 10-го февраля Косинскій съ горстью Низовцевъ явился въ станъ враговъ, отдаваясь на ихъ милость. Самъ престарѣлый воевода кіевскій князь Василій Острожскій пріѣхалъ на это торжество. Косинскій униженно просилъ прощенія. Воевода простилъ съ условіемъ, чтобы бунтовщикъ вмѣстѣ съ старшиною козацкою далъ письменное обязательство, которое и дошло до насъ. Вотъ нѣкоторыя, важнѣйшія, мѣста этого пятковскаго договора между яко-бы удѣльнымъ княземъ паномъ Острожскимъ и взбунтовавшимся козацкимъ вожакомъ: „Кристофъ Косинскій, гетманъ на тотъ-часъ, сотники, атаманы и все рыцарство войска запорожскаго. Не памятуя милостей, оказанныхъ намъ княземъ воеводою кіевскимъ, постыдно напали мы на его владѣнія, а теперь, получивши отъ него прощеніе, присягаемъ: не имѣть отъ сего часа Косинскаго гетманомъ, а на его мѣсто выбрать на Украинѣ себѣ другаго втеченіи трехъ недѣль. Королю его милости обѣщаемъ послушенство; кромѣ того, обязуемся не возобновлять распрей съ сосѣдними государствами и пребывать за порогами на означенныхъ мѣстахъ. Обязуемся не расквартировываться во владѣніяхъ ихъ княжескихъ милостей (т. е. князей Острожскихъ), также какъ и въ имѣніяхъ и державахъ пріятелей ихъ милостей, князя Александра Вишневецкаго и иныхъ, здѣсь находящихся, не чинить никакихъ шкодъ или кривдъ; а также въ имѣніяхъ и державахъ слугъ ихъ его милости ничего злого не дѣлать“.

Но Косинскій не чувствовалъ себя связаннымъ заключеннымъ имъ договоромъ. Онъ отправился тотчасъ же на Низъ,

снова набралъ тамъ горсть охотниковъ и въ концѣ марта уже отправился на Черкассы противъ Вишневецкаго; экспедиція была неудачна, и самъ Косинскій былъ убитъ.

Мы разсказали подробно эпизодъ бунта Косинскаго, разскажемъ и о бунтѣ Лободы и Наливайка, и такимъ образомъ познакомимъ читателя со всѣмъ первымъ цикломъ козацкихъ волненій—въ pendant къ его послѣднему циклу, Хмельнищинѣ. Въ противоположность Хмельнищинѣ, гдѣ все ярко, цѣльно, а, слѣдовательно, и понятно, этотъ первый циклъ непріятно удивляетъ всякаго, кто съ нимъ знакомится, кажущейся нецѣлесообразностью событій, неясностью мотивовъ, противорѣчивостью стремленій. „Чего ради“? вотъ невольный вопросъ, то и дѣло навязывающійся при видѣ этихъ хаотически нагромождающихся фактовъ. А между тѣмъ эта смута въ воспріятіи фактовъ неизбѣжна: она есть естественное отраженіе смуты, которая царила въ настроеніяхъ людей той эпохи. Ко времени Хмельнищины логика жизни уже выяснила до очевидности всѣ противорѣчія; въ періодъ первыхъ козацкихъ волненій, противорѣчія эти лишь неопредѣленно ощущались, отражаясь неудовлетворенностью, порождавшей броженіе, съ признаками какого-то стихійнаго процесса. Чтобъ сколько-нибудь въ этомъ оріентироваться, надо постоянно помнить слѣдующее. Новыя правовыя понятія требовали отдѣленія хлопа отъ козака: жизнь, по своимъ старымъ традиціямъ, рѣшительно противилась этимъ требованіямъ. Правительство желало непремѣнно реестровать козаковъ, выбросивъ тѣмъ самымъ все остальное въ поспольство; козачество не хотѣло, а можетъ быть и не могло этому подчиниться. Вся эта козацкая масса должна была чѣмъ-то содержаться, а государство запрещало ей ходить за „козацкимъ хлѣбомъ“ въ степи; должна была гдѣ-то имѣть пріютъ на зиму и имѣла его въ своихъ родныхъ селахъ или хуторахъ, а правительство требовало, чтобъ козаки жили или за порогами, или на точно опредѣленной, прилегающей къ Низу территоріи; да и паны желали и считали себя въ правѣ требовать, чтобъ на ихъ, панскихъ, земляхъ жили только ихъ подданные, а не сво-

бодные, какими были козаки. Сдѣлавъ эти оговорки, продолжаемъ нашъ разсказъ.

Тотчасъ вслѣдъ за смертью Косинскаго, въ томъ-же 1593 г. выдано было новое сеймовое постановленіе о Низовцахъ, въ силу котораго козаки объявлялись изъятыми изъ-подъ дѣйствія правъ, провозглашались измѣнниками и врагами отечества.

Въ 1596 г. состоялась религіозная, такъ называемая Брестская унія: политическій актъ, въ высокой степени несвоевременный. Съ одной стороны, онъ разбилъ панскій лагерь на два враждебныхъ стана: князь Василій Острожскій, главная сила панской Украины, побѣдитель Косинскаго—оказался въ оппозиціи, сближенный религіозными интересами съ тѣми самыми Низовцами, съ которыми онъ только-что сражался. Съ другой стороны, всѣ бродящіе элементы недовольства получали объединяющій и, въ извѣстномъ смыслѣ, санкціонирующій ихъ лозунгъ. Каждый отдѣльный взрывъ могъ обходиться свободно и безъ этого лозунга; но для объединенія этихъ взрывовъ, для придания движенію цѣльности, а, слѣдовательно, и устойчивости, это условіе оказалось чрезвычайно важнымъ.

Но пока что, дѣло на Украйнѣ шло своимъ ходомъ, не справляясь съ епископами и соборами. Хотя Язловецкій продолжаетъ называться старшимъ войска Запорожскаго, но у реестровыхъ запорожцевъ появляется свой „старшій“, пользующійся, повидимому, признаніемъ со стороны мѣстныхъ представителей польскаго правительства,—Лобода, человѣкъ выдающихся качествъ; „наклонный къ великодушію, онъ вѣрно держалъ свое слово, охранялъ права и, самъ суровый по отношенію къ подчиненнымъ, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности“,—такъ характеризуетъ его одинъ польскій историкъ; отвага же его имѣла легендарный характеръ. И вотъ этотъ-то старшій, охраняющій права съ опасностью жизни, тою же осенью (въ годъ смерти Косинскаго), бросился въ степь, напалъ на городъ Джурджевъ (около Аккермана) во время ярмарки, которая тамъ происходила, ограбилъ все, потомъ пустилъ загоны, по татарско-козацкому обычаю, и счастливо ускакалъ съ добычей. Очевидно, онъ не считалъ свой образъ дѣйствій расходя-

щимся съ правомъ такимъ, какимъ онъ его представлялъ. Въ томъ же 1593 г., является въ Брацлавщинѣ новый предводитель уже „своевольныхъ купъ“, который набираетъ себѣ отрядъ въ нѣсколько тысячъ, чтобы съ ними выступить въ степь. Это Семенъ Наливайко, который, повидимому, не справляется уже ни съ какимъ правомъ. Брацлавщина, опираясь на него и его „своевольныхъ“ козаковъ, волнуется такъ, что Струсь, староста брацлавскій, не можетъ явиться въ городъ для отправленія правосудія: „изъ-за своеволія и бунтовъ злыхъ хлоповъ“, какъ онъ объясняетъ. Шляхта должна была для сеймикованія отправиться въ Винницу; а когда рѣшилась вернуться въ Брацлавль, то на дорогѣ, подъ городомъ, на нее напали козаки Наливайка подъ предводительствомъ бурмистра, избили и отняли все имущество. Своевольныя купы забираютъ у земянъ коней, стада, съѣстные припасы. Однимъ словомъ, Брацлавщина представляетъ картину территорій, которую начинаетъ обхватывать пламя „хлопскаго бунта“. Но кто же этотъ Наливайко, который занимаетъ центръ въ новой разыгрывающейся бурѣ?

Наливайко былъ русскій, сынъ скорняка, значитъ мѣщанина, родомъ изъ Гусятина, принадлежавшаго въ то время Мартыну Калиновскому. „Отцу моему“, пишетъ самъ Наливайко, „который у меня одинъ былъ, онъ (Калиновскій) безъ всякой причины такъ поломалъ ребра, что тѣмъ самимъ его и со свѣта сжилъ“. Слѣдовательно, съ польскимъ панствомъ были у Наливайка личные, и не малые, счеты. Послѣ смерти отца семейство Наливайка переселилось на жительство въ Острогъ. Старшій братъ Семена, Демьянъ, учился въ Вильнѣ, сдѣлался священникомъ, потомъ протопопомъ, и усердно работалъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ надъ печатаніемъ извѣстной Острожской библіи. По своему времени, онъ былъ человѣкомъ ученымъ, писалъ, переводилъ сочиненія религіознаго содержанія, отличался краснорѣчіемъ; патріархъ Іеремія, гостившій на Волыни, обратилъ на него вниманіе, и Демьянъ Наливайко, по его ходатайству, сдѣлался духовникомъ князя Василія-Константина. Повидимому, и Семенъ Наливайко не былъ лишенъ книжнаго образованія; но главная его школа была Запорожье, откуда онъ

ходилъ „со многими козацкими гетманами во многихъ мѣстахъ въ земляхъ непріятельскихъ“.

Во время войны князя Острожскаго съ Косинскимъ, Наливайко состоялъ на службѣ князя и, „связавши себя словомъ честнаго человѣка, служилъ ему по-рыцарски, какъ слѣдуетъ;“ слѣдовательно, сражался противъ Запорожцевъ. Такимъ образомъ, когда Наливайко выступилъ въ степь съ отрядомъ своевольныхъ козаковъ, Запорожье отнеслось къ нему съ недовѣріемъ. И вотъ Наливайко, захватившій у татаръ 3—4 тысячи коней, шлетъ пословъ на Запорожье, прося Низовцевъ принять въ даръ половину добычи въ знакъ пріязни и заявляя при томъ, что онъ не замедлитъ и самъ лично стать среди козацкой рады и, вручивши ей свою саблю, дать ей объясненіе на счетъ своего поведенія. Этихъ Наливайковыхъ пословъ встрѣтилъ на Базавлукѣ у Чертомлыка Лассота, который пріѣхалъ на Низъ приглашать „пановъ братьевъ“ на войну съ невѣрными отъ имени германскаго императора Рудольфа II, который прислалъ Низовцамъ серебряныя трубы и котлы, знамена и деньги. Вѣроятно, нѣсколько раньше Наливайко со своимъ отрядомъ своевольныхъ козаковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ совершилъ большой походъ по обыкновенному козацкому шляху между Аккерманомъ и Бендерами, опустошилъ Бендеры, но не могъ добыть замка штурмомъ и пустилъ по краю загоны: „пятьсотъ селъ огнемъ уничтожилъ“, а въ плѣнъ взялъ турокъ, турчанокъ, татаръ, татарокъ 4000. Но молдавскій господарь на обратномъ пути, при переправѣ черезъ Дунай, „далъ помощь бусурманину“ и отбилъ всю добычу. Козаки „словомъ рыцарскимъ“ пообѣщали отмстить молдаванамъ за это вмѣшательство, но все-таки должны были вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути черезъ степь пришлось бѣдствовать отъ голода; Наливайко потерялъ въ этомъ походѣ полторы тысячи человѣкъ.

И такъ, между Наливайкомъ и Запорожьемъ состоялось соглашеніе. Результатъ его обнаружился въ томъ же 1594 году. Въ Брацлавщинѣ появился Лобода во главѣ большого и хорошо вооруженнаго отряда; подъ начальство Лободы поступилъ Наливайко со своими своевольными козаками. Такимъ об-

разомъ является войско въ 12000 человѣкъ, раздѣленное на 40 хоругвей. Двѣ главныя хоругви имѣли гербы германскаго императора. Козаки разсказывали, что ихъ посылаетъ козацкая рада на помощь христіанскому монарху противъ невѣрныхъ.

Однако все предпріятіе разрѣшилось традиціоннымъ походомъ на несчастную Молдавію. Съ быстротою молніи кинулись козаки за Прутъ на Яссы и въ три дня разграбили и окрестности, и городъ: молдавская столица была разорена до неузнаваемости, сохранился только каменный дворецъ воеводы.

На обратномъ пути ранняя и жестокая зима захватила козацкое войско на Подольѣ. Подолье было совсѣмъ лишено защиты: всѣ военныя силы были отвлечены молдавскими дѣлами. О козакахъ ходили страшныя вѣсти: всѣ панско-польскіе обыватели края убѣгали и прятались. Козаки заняли Баръ. На козацкой радѣ, которая состоялась на другой же день послѣ занятія, рѣшено было окружить городъ стражей, часть войска расквартировать въ Барѣ, часть по сосѣднимъ селамъ. Предводители разослали универсалы мѣстнымъ властямъ о доставленіи войску провіанта; порѣшили напомнить правительству о жалованьѣ. Сотникъ Демковичъ командированъ былъ панами козаками къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую долженъ былъ дать господарь со всѣми чинами, духовными и свѣтскими, въ томъ, что онъ отказывается отъ подданства турецкаго и принимаетъ подданство императора христіанскаго. Однимъ словомъ, козаки ведутъ себя, какъ политическая сила вполнѣ увѣренная въ своей легальности. Правда, въ Барѣ житъ, въ средѣ козацкой дружины, шляхтичъ Хлопицкій, который принималъ раньше участіе въ переговорахъ Лассоты съ Запорожцами и, надо думать, служилъ для козачества своего рода юрисконсультомъ.

Съ открытіемъ весны Лобода, который тѣмъ временемъ успѣлъ жениться на шляхтянкѣ изъ окрестности Бара, опять отправился въ татарскую степь, подъ Бѣлгородъ и Очаковъ. А между тѣмъ Наливайко занялъ Острополь и началъ опять стягивать къ себѣ своевольныя купы для новыхъ предпріятій. Онъ называлъ себя гетманомъ войска запорожскаго и такъ объяснялъ

свое поведеніе коронному гетману: „съ соизволеніемъ князя пана моего (т. е. Вас. Острожскаго) собралъ я себѣ товарыство, чтобы стать съ нимъ тамъ, гдѣ окажется надобность противъ непріятеля государства“, и въ концѣ проситъ Замойскаго защитить его отъ людей, привыкшихъ умалять козацкую славу и указать мѣсто, гдѣ бы онъ могъ „добывать себѣ пока необходимые съѣстные припасы“. Въ то же время кн. Острожскій писалъ зятю своему Радзивилу: „а тогъ разбойникъ Наливайко, оторвавшись отъ другихъ, въ тысячу человѣкъ гоститъ у меня въ Острополѣ... другого Косинскаго Господь Богъ на меня посылаетъ...“ Не дождавшись отвѣта отъ гетмана, Наливайко открылъ самостоятельно дѣйствія. Онъ во главѣ 2000 козаковъ отправился въ Венгрію на помощь Максимиліану, напугалъ обывателей больше, чѣмъ татары, спустился съ горъ отъ Мункачи черезъ Самборъ, мимо Львова, и очутился въ Луцкѣ. По дорогѣ онъ заглянулъ въ Гусятинъ, чтобы отмстить убійцѣ своего отца, но не засталъ Калиновскаго; сжегъ замокъ, разрушилъ мѣстечко. Въ Луцкѣ онъ тоже спалилъ предмѣстье, ограбилъ городъ и, прогостивъ только три дня, исчезъ такъ-же неожиданно, какъ и появился. Добравшись до Днѣпра, этой извѣчной козацкой дороги, Наливайко двинулся вверхъ по рѣкѣ, на Литву. Здѣсь онъ разсчитывалъ, повидимому, расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но, пишетъ Наливайко, „едва мы тамъ одной ногой ступили, какъ обратились противъ насъ литовскіе паны, безъ вины, только за чуточку хлѣба, котораго мы едва поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а лучше сказать и совсѣмъ не ѣли“. Что звучитъ въ этихъ словахъ: умышленная-ли наивность лукаваго украинца, или серьезная, хотя и трудно объяснимая, увѣренность въ томъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего находящагося въ противорѣчіи съ правомъ? Какъ бы то ни было, Наливайкѣ пришлось на Литвѣ непріятельскимъ способомъ добывать себѣ хлѣба: онъ взялъ штурмомъ Слуцкъ, забралъ оттуда все оружіе, въ томъ числѣ и пушки, а на обывателей наложилъ контрибуцію. Изъ-подъ Слуцка козачество разошлось по краю, собирало подати деньгами, вербовало хлопскую молодежь; наконецъ, Наливайко утвердился въ Могилевѣ. Но литовскіе паны начали

шевелиться не на шутку, и скоро войско Радзивилла уже стояло подъ Могилевымъ. Наливайко оставилъ замокъ, чтобы дать битву въ открытомъ полѣ; по козацкому обычаю, отаборовалъ своихъ людей возами и конями, и литовское войско отступило, ничего не подѣлавши врагу, къ Могилеву, а Наливайко направился къ югу. Его войско росло съ каждымъ днемъ, обозъ растягивался на нѣсколько миль. Вслѣдъ за нимъ лѣниво тащились Литвины, видимо заботясь только о томъ, чтобы выпроводить эту орду на Волынь. Необычайно мягкая зима благопріятствовала Наливайку. Въ январѣ 1596 г. Наливайко остановился въ Рѣчицѣ. Сюда явился къ нему одинъ предпріимчивый шляхтичъ, нѣкто Нишковскій, повидимому задумавшій составить себѣ карьеру умиротвореніемъ края. Онъ привезъ Наливайку яко-бы письмо короля, имъ самимъ скомпонованное, съ обѣщаніемъ простить козаковъ, если перестануть бунтовать. Наливайко въ отвѣтъ послалъ королю свои оправданія и вмѣстѣ проектъ упорядоченія дѣлъ, очень характерный. Онъ проситъ короля, чтобы тотъ пожаловалъ ему пустыню, къ югу отъ Брацлавщины, между Днѣпромъ и Бугомъ, „на татарскомъ шляху, между Тясминемъ и Очаковымъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не живалъ“. Здѣсь онъ устроитъ городъ и замокъ для защиты государства, соберетъ сюда реестровыхъ козаковъ, а за порогами будетъ держать своего поручика. Обязуется не принимать къ себѣ своевольныхъ людей и „знаковать“ тѣхъ, кто будетъ къ нему сбѣгать, обрѣзая имъ уши и носы, возвращать подданныхъ и банитовъ. За свою вѣрную службу онъ проситъ, чтобы изъ казны выдавалось ему то, что идетъ на „упоминки“ татарамъ или что заблагоразсудится его величеству. За все это онъ готовъ по первому приказу биться, какъ съ врагами христіанства, такъ и съ великимъ княземъ московскимъ; а въ предѣлы государства никогда не будетъ входить, развѣ только по Днѣпру въ Бѣлоруссію будетъ посылать за нужнымъ для войска“... Нишковскій отправился съ проектомъ въ Варшаву, но вмѣсто ожидаемой награды былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти.

Насталъ роковой 1596 г., принесшій съ собою, съ одной стороны, церковную унію, съ другой, трагическую развязку этого перваго цикла козацкихъ волненій.

Положеніе вещей было такое. Уже въ январѣ король прислалъ универсалъ волынской шляхтѣ, извѣщая ее, что скоро появятся коронныя войска для усмиренія бунтовщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, польный гетманъ Жолкѣвскій, покончивши съ молдавскими дѣлами, уже стоялъ на западной границѣ воеводства волынскаго. Но войска у него было всего тысяча человѣкъ, да и то изнуренныхъ, ободранныхъ; онъ упрашивалъ украинскихъ воеводъ и пановъ поспѣшить къ нему на помощь, но не могъ ничего дождаться ни откуда. Между тѣмъ Наливайко, оставивъ Рѣчицу, расквартировался между Константиновымъ и Острополемъ, на земляхъ Радзивилла, полученныхъ имъ отъ Острожскаго. Лобода, вернувшись, по приказу великаго коронаго гетмана Замойскаго, изъ татарскихъ степей, держался въ окрестностяхъ Кіева: у него былъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, и въ его большомъ таборѣ находились козацкія жены и дѣти. Лобода пока отрекался отъ всякой солидарности съ Наливайкомъ, „своевольнымъ человѣкомъ, который, забывши страхъ Божій, пренебрегаетъ всѣмъ на свѣтѣ, собралъ подобныхъ себѣ людей своевольныхъ и дѣлаетъ шкоды коронѣ польской, а мы о немъ ничего не знаемъ и знать не хотимъ“. Другая часть запорожцевъ ушла подъ предводительствомъ Савулы, „съ сильною“ арматой, по примѣру Наливайка, на Литву добывать себѣ козацкаго хлѣба. Въ глубинѣ Волыни творится нѣчто особенное: совершаются систематическіе заѣзды, повидимому организуемые въ Острогѣ и направленные противъ главныхъ двигателей уніи, епископа Кирилла Терлецкаго и брацлавскаго каштеляна Семашко. Въ этихъ заѣздахъ принимаютъ участіе земяне, близкіе дома Острожскихъ, какъ Гулевичи и князья Воронецкіе, и протопопъ Демьянъ Наливайко. Князь Василій отрекается отъ участія въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ, противныхъ праву; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что участники заѣздовъ укрываются отъ преслѣдованій закона подъ его могущественной рукой.

Жолкѣвскій рѣшился дѣйствовать, не смотря ни на что: это былъ человѣкъ чрезвычайной энергіи и опытный вождь. Наливайко не предвидѣлъ, что гетманъ можетъ двинуться въ походъ по снѣгамъ и ростепели, и едва успѣлъ уйти. Началась

погоня Жолкѣвскаго по пятамъ за Наливайкомъ, гдѣ оба выказали геройскую выносливость, упорство, отвагу, ловкость; но козаки успѣли таки выскользнуть изъ рукъ стараго гетмана и скрылись въ „Уманіи“, въ дикихъ поляхъ за Бѣлой Церковью. А между тѣмъ около Бѣлой Церкви расположился и Лобода съ горстью Запорожцевъ. Въ Кіевѣ хозяйничалъ Саско, а изъ Бѣлоруссіи уже успѣлъ вернуться и Савула. Жолкѣвскій рѣшился отдохнуть нѣсколько дней въ Брацлавщинѣ, принялъ мѣры къ усмиренію Брацлавля, а затѣмъ двинулся къ востоку, въ центръ волнующагося района, двинулся уже съ увеличеннымъ войскомъ, такъ какъ къ нему пришла кое-какая помощь. Правой рукой его былъ князь Рожинскій, владѣлецъ маетностей, лежащихъ около Бѣлой Церкви, который имѣлъ свой собственный отрядъ въ 500 человѣкъ, свою артиллерію, знакомство со степью и большую опытность въ „фортеляхъ“ пограничной войны; къ тому же онъ былъ заядлый ненавистникъ козацкой вольницы. „Наймалъ множество того гультяйства“, пишетъ про него Жолкѣвскій, „и больше пятидесяти изъ нихъ велѣлъ порубать. Я же до-сихъ-поръ держу руки чистыми отъ ихъ крови, кромѣ тѣхъ, что въ битвахъ падаютъ. Хотѣлось бы мнѣ, если можно, попорченные члены лѣчить, а не отрубать. Но и князю Рожинскому не удивляюсь: какъ всѣхъ тамошнихъ обывателей, такъ, особливо, его живьемъ заѣли“. Кромѣ естественнаго увлеченія борьбы, старый гетманъ былъ тоже озлобленъ на своихъ противниковъ доходившими до него угрозами и похвальбами, въ которыхъ съ панствомъ переплетался и король, и Краковъ. Жолкѣвскій остановился въ Погребищахъ. Ему все-таки очень хотѣлось кончить дѣло мирно, и отсюда онъ началъ переговоры съ Лободой. Онъ требовалъ, чтобы козаки вернулись за пороги и выдали ему Наливайка. Неизвѣстно, что думалъ объ этомъ самъ Лобода, но его козаки были рѣшительно противъ этого, и Лободѣ едва удалось спасти гетманскаго посланнаго. Но въ то же время явился въ польскій лагерь посолъ отъ Наливайка съ просьбой о помилованіи. Гетманъ требовалъ, чтобы предводитель отдался въ руки, хотя и соглашался оставить его въ живыхъ, и ставилъ условіемъ выдачу захваченныхъ пушекъ и

нѣмецкихъ знаменъ. Отвѣтомъ на эти условія было соединеніе Наливайка съ Лободой. Военныя дѣйствія должны были продолжаться. Враги сошлись надъ Острымъ Камнемъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Козаки, по обыкновенію, скрѣпили цѣпями возы и сражались подъ этимъ прикрытіемъ. Бились съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ ожесточеніемъ, и потери были большія. Хотя поляки какъ будто и брали верхъ, но разорвать таборъ не могли, и козаки отступили въ боевомъ порядкѣ къ Кіеву, гдѣ оставались ихъ семьи, чтобы забрать ихъ оттуда и на чайкахъ переправить съ „русскаго“ на „татарскій“ берегъ, хотя рѣка и была покрыта плывущими льдинами. Жолкѣвскій, получивши себѣ еще подкрѣпленія, двинулся вслѣдъ за козаками къ Днѣпру, а молодого Ходкевича, къ которому присоединился князь Рожинскій и Михаилъ Вишневецкій, тоже богатый украинскій панъ, отправилъ, чтобы очистить отъ бунтовщиковъ Каневъ. Польскій отрядъ ворвался въ городъ на первый день Пасхи: 400 человѣкъ было посѣчено въ церкви, изъ остальныхъ, спасавшихся бѣгствомъ, много утонуло въ Днѣпрѣ. „Ой, бодай же ты, дивчыно-бранко, щастя и доли не знала, що ты намъ той смутный день Свитлого праздныка напоминала“. Такъ до нашихъ дней дошло въ думѣ воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ: такія событія, къ несчастію, слишкомъ глубоко врѣзываются въ народную душу.

Цѣлый апрѣль и начало мая ушли на безплодные переговоры. Козаки хотѣли помѣшать полякамъ переправиться на лѣвый берегъ; Жолкѣвскому хотѣлось задержать козаковъ, чтобы они не ускользнули куда-нибудь въ Московскія границы, или на Донъ, или, наконецъ, снова на правый берегъ „въ дикія поля“; и это они могли сдѣлать, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была цѣлая запорожская флотилія, приведенная Подвысоцкимъ. Но козаки были слишкомъ стѣснены въ своихъ движеніяхъ женами и дѣтьми. Лобода самъ пріѣзжалъ потихоньку для переговоровъ съ гетманомъ, но уѣхалъ ни съ чѣмъ: козаки не могли согласиться ни на выдачу Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, ни на отдачу иноземныхъ знаменъ. Значитъ, дѣло должно было идти прежнимъ ходомъ: козаки тронулись въ степь.

Послѣ отступленія ихъ кіевскіе мѣщане, терроризированные присутствіемъ польскаго войска, согласились перевезти поляковъ на лѣвый берегъ; явились челны, спрятанные до тѣхъ поръ подъ водой, и переправа состоялась. Козаки утвердились было въ Переяславлѣ; но когда узнали о приближеніи Жолкѣвскаго, рѣшились двинуться къ Лубнамъ. Они думали, перейдя Сулу, сжечь за собою переброшенный черезъ нее искусный мостъ и такимъ образомъ выиграть время для дальнѣйшаго отступленія. Но эти разсчеты обманули ихъ. Поляки не только не дали имъ разрушить мостъ, но одинъ отрядъ неожиданно зашелъ имъ съ тылу, воспользовавшись боромъ. Козаки были окружены, оставалось или отдаться на милость врага, или защищаться до послѣдней капли крови. Можно вообразить себѣ, какъ велико было взаимное ожесточеніе, если козаки, при которыхъ были жены и дѣти, все-таки рѣшились на сопротивленіе, совершенно безнадежное.

Это было на урочищѣ Салоницѣ, недалеко отъ Лубенъ. Козаки окопались валами съ трехъ сторонъ, четвертая примыкала къ болотистой Сулѣ. Всего въ козацкомъ таборѣ было отъ 6 до 8 тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Войско Жолкѣвскаго было теперь и численно, и пышно. Въ его лагерѣ были представители польскаго рыцарства изъ Польши и Подолья, литовскіе и русскіе князья и множество земянъ: тѣмъ замѣтнѣе было отсутствіе князей Острожскихъ и „пріятелей“ ихъ дому.

Осада козацкаго табора началась 25 мая и продолжалась до 7 іюня. Осаждающіе постоянно тревожили осаждаемыхъ нападеніями, отражая вылазки, врывались въ таборъ. Послѣднюю недѣлю они обступили таборъ на коняхъ и стерегли его день и ночь. Но рѣшительный оборотъ дѣла приняли только тогда, когда привезли изъ Кіева большія пушки.

А между тѣмъ положеніе осаждаемыхъ было ужасно въ полномъ смыслѣ этого слова. Стояла невыносимая жара, воды не было, и пили жидкую грязь, добываемую изъ копанокъ; не стало топлива,—разбивали въ щепки возы; не стало муки, соли; а что важнѣе всего, не было пастбища для коней и они падали сотнями. Женщины, а особенно дѣти умирали

то и дѣло; труповъ не погребали, и они, разлагаясь, заражали атмосферу. Плачъ и стоны голодныхъ и томимыхъ жаждою дѣтей наполнялъ воздухъ. Случалось, что отецъ умерщвлялъ своего ребенка, чтобы не видѣть его мукъ. Отчаяніе доходило до послѣднихъ предѣловъ. Въ то же время козацкая рада, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ помыслы на одномъ, ссорилась: таборъ распался на двѣ партіи, запорожцевъ и вольницъ, Лободы и Наливайка. Послѣдняя, болѣе сильная, взяла верхъ. Лобода былъ убитъ, а вмѣсто него выбранъ атаманомъ Кремпскій. Но положеніе дѣлъ не улучшилось; помощи ни откуда, а врагъ тѣснилъ все сильнѣе. Рѣшили еще разъ вступить въ переговоры. Но Жолкѣвскій ставилъ непремѣннымъ условіемъ выдачу, съ одной стороны, Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, съ другой—подданныхъ, убѣжавшихъ изъ панскихъ имѣній. Это первое ясное выступленіе на историческую сцену соціальной подкладки украинскихъ волненій. Козаки не могли принять этихъ условій.

Два дня большія пушки громили козацкій таборъ. 6 іюня вечеромъ гетманъ предложилъ конницѣ спѣшиться, чтобы сдѣлать атаку.—А въ таборѣ былъ настоящій „судный день“! Наливайко во главѣ полка изъ болѣе храбрыхъ и испытанныхъ товарищей хотѣлъ пробиться въ степь. Но другіе его не выпускали: „не пустимъ, кричали со всѣхъ сторонъ, ты насъ довелъ до такого лиха, такъ и расхлебывай вмѣстѣ.“ На разсвѣтѣ поляки заняли таборъ почти безъ сопротивленія. Насталъ послѣдній кровавый актъ трагедіи. Изъ 10000 человѣкъ обоего пола едва 1500 спаслось, подъ предводительствомъ Кремпскаго. Остальное все было порублено. Наливайко, Савула и нѣсколько другихъ предводителей лежали связанными у ногъ побѣдителя.

Нѣсколько недѣль спустя, Жолкѣвскій торжественно вступилъ въ Львовъ. Передъ нимъ несли хоругви императора Рудольфа II, эрцгерцога Максимиліана, забранныя у козаковъ. За хоругвями шли плѣнники въ цѣпяхъ: впереди всѣхъ человѣкъ, исполинскаго роста и вида, съ гордой осанкой, рядомъ съ которымъ другіе выглядывали карликами: то былъ Наливайко.

Проходя мимо собора, онъ воскликнулъ презрительно: „О святыня, святыня! Стали бы твои алтари яслями, а то обратилъ бы я тебя въ конюшню“! Наливайка держали еще 10 мѣсяцевъ въ Варшавѣ, гдѣ его инквизиторски допрашивали о всѣхъ подробностяхъ. Тамъ онъ былъ и казненъ въ апрѣлѣ 1597 г. Товарищи его еще раньше сложили голову подъ топоръ. Появился грозный королевскій универсалъ, который приказывалъ ловить козаковъ, раскиданныхъ погромомъ, карать смертью непослушныхъ и сбирающихся въ купы, а запорожцамъ воспрещалъ входъ на Украину.

Побѣда была одержана, и она имѣла результаты. На настроеніе массы произведено было сильное впечатлѣніе въ смыслѣ выгоднымъ для польско-государственныхъ интересовъ. Конечно, спокойствіе не могло быть возстановлено разомъ. Въ слѣдующемъ же 1597 г. появляются на мгновеніе на сцену новые вожаки вольницы Метла и Гедройцъ и тотчасъ исчезаютъ. Старшій запорожскаго войска, признанный правительствомъ, Тихонъ Байбуза, находитъ себѣ соперника въ Полузѣ, являющемся предводителемъ враждебной полякамъ партіи, и цѣлый отрядъ, высланный Байбузой въ степь на развѣдки, падаетъ жертвой ночного нападенія этихъ братьевъ-враговъ. Нѣкоторые изъ пограничныхъ пановъ, какъ напримѣръ каменецкій каштелянъ Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, принимаютъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы примирить Запорожье съ правительствомъ. Претвичъ ведетъ съ Запорожьемъ оживленную корреспонденцію, совѣтуя послать депутацію къ королю и отвезти ему въ гостинецъ нѣсколько плѣнниковъ и хотя пару верблюдовъ, обѣщая и свое содѣйствіе, чтобы выпросить королевское прощеніе. Мало по малу польское, такъ сказать, настроеніе беретъ верхъ окончательно и выдвигаетъ въ вожаки козачества такихъ лицъ, какъ Кошка и въ особенности Сагайдачный, которые, являясь энергичными представителями и защитниками козацкихъ интересовъ, пытаются создать modus vivendi на компромиссахъ съ государствомъ.

Въ 1599 г. у поляковъ опять начинается война съ Молдавіей. Коронный гетманъ Замойскій посылаетъ листы на Низъ,

прося двѣ или три тысячи запорожцевъ придти на помощь: посолъ везъ имъ, какъ баннитамъ, охранный королевскій листъ, немного денегъ и много обѣщаній. Запорожцы поставили свои скромныя условія: „чтобы невинно возложенная на нихъ банниція была уничтожена“, чтобы имъ шло постоянное жалованье, и еще кое-какія мелкія условія. Гетманъ ихъ принялъ, снялъ временно, силою своихъ полномочій, банниціи, и запорожцы тронулись въ походъ. Въ письмахъ кошевого Кошки сохранились интересныя подробности этого похода. 16 іюля 1599 г. Низовцы тронулись съ днѣпровскихъ острововъ вверхъ, шли водой, при чемъ ихъ задерживали противные вѣтры, съ большимъ усиліемъ прошли пороги, пришлось тащить суда по песку, а это было такъ тяжело, что одно судно тащили триста человѣкъ. По дорогѣ лежали Каневъ и Черкассы: здѣсь отдыхали и ждали панско-козацкихъ отрядовъ изъ пограничныхъ городовъ. Отъ Канева, черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавль, лежало большое пространство, и молодцамъ давали подводы. Кошка держалъ козаковъ въ строгой дисциплинѣ, коронныя имѣнія обходили совсѣмъ, земянъ не притѣсняли, провіантъ брали справедливо, не допуская насилій. По дорогѣ козаки покупали коней, которыхъ было сколько угодно на равнинахъ Брацлавщины, и когда козаки остановились на отдыхъ подъ Каменцемъ, дружина изъ пѣшей обратилась уже въ конную. Въ началѣ сентября Кошка съ запорожцами уже былъ въ Молдавіи, въ обозѣ Замойскаго, подъ Сочавой. Козаки принимали самое дѣятельное участіе въ обложеніи Сочавы, затѣмъ служили авангардомъ польскому войску, расчищая ему дорогу по горамъ и буковымъ лѣсамъ Седмиградіи. Великій коронный гетманъ принадлежалъ къ числу пановъ, нерасположенныхъ къ козакамъ: но онъ долженъ былъ признать ихъ выдающіяся заслуги въ этомъ блестящемъ походѣ, благодарилъ Кошку за его вѣрную службу, обѣщалъ ходатайствовать за запорожцевъ у короля и наградить всѣхъ по ихъ заслугамъ. Не успѣли еще козаки вернуться на Запорожье, какъ ихъ догнало новое гетманское предложеніе идти съ поляками на сѣверъ противъ шведовъ, которые вторглись въ Лифляндію. Послѣ бурныхъ совѣщаній, запорожцы приняли и

это предложеніе, но опять поставили свои условія: чтобы выдано было жалованье, чтобы наслѣдство по умершемъ запорожцѣ доставалось его товарищу, чтобы козаки судились лишь своимъ судомъ, чтобы никакія мѣстныя власти не затрогивали ихъ во время ихъ походовъ на службѣ у государствъ, для чего при нихъ будетъ на это время находиться королевскій коммиссаръ, и, наконецъ, чтобы банниція была снесена, а Терехтемировъ возвращенъ: Терехтемировскій монастырь, расположенный на земляхъ Каневскаго староства, служилъ шпиталемъ для старыхъ и больныхъ козаковъ, а въ Терехтемировѣ проживала козацкая старшина. Гетманъ на все согласился, и запорожцы поворотили на сѣверъ. Много тяжелаго пришлось имъ вынести: негостепріимная чужая сторона, суровый климатъ, холодъ, дожди; живности нѣтъ, фуражу нѣтъ, нѣтъ даже дровъ, нѣтъ соломы, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь прикрытіе; жалованье доставляется неаккуратно, да нечего и купить, хоть и есть деньги. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ терпѣли запорожцы; наконецъ терпѣніе лопнуло. „Не хотятъ больше служить его королевской милости“, пишетъ Кошка гетману, „и если бы мы (старшины) стали ихъ уговаривать, то вѣрно бы насъ побили камнями“. Но и тутъ запорожцы не оставили позиціи, пока не дождались отвѣта отъ гетмана.

Такъ старались козаки примириться съ государствомъ, сохраняя все-таки за собой свою самостоятельность. Но едва-ли бы взаимныя отношенія могли такъ долго, цѣлую четверть вѣка, держаться на этой нотѣ, еслибы не благопріятствовали этому внѣшнія обстоятельства.

Польша всю первую четверть 17-го вѣка вела тяжелыя внѣшнія войны, требовавшія отъ нея большихъ усилій, сначала съ Московскимъ государствомъ, потомъ съ Турціей, и помощь козаковъ ей была крайне необходима и тутъ, и тамъ. Естественно, поэтому, что поляки вынуждены были смотрѣть сквозь пальцы на то, что всѣ ихъ запрещенія на счетъ войны съ сосѣдями нисколько не соблюдаются. Козаки не только дѣлаютъ по старому походы въ степь, жгутъ татарскіе аулы, но расширяютъ свою контрабандную дѣятельность за всѣ мыслимые до

сихъ поръ предѣлы: достаточно вспомнить ихъ походы противъ Турокъ 1614 — 16 годовъ, опустошеніе береговъ Анатоліи, Синопъ, Трапезундъ. Но за то все растущія козацкія силы и энергія выливались на востокѣ, наполняя ужасомъ Московское государство и добывая тамъ богатые козацкіе хлѣба, а внутри государства, внутри Украины все было относительно спокойно. Относительно, потому что отдѣльные эпизоды своеволія козацкой вольницы, конечно, бывали. Такъ напримѣръ, когда Польша въ 1609 г. сбирала свои силы подъ Смоленскомъ и скликала охотниковъ, запорожское козачество прошло съ своихъ острововъ черезъ кіевское воеводство въ образцовомъ порядкѣ. Вслѣдъ за нимъ начали собираться своевольныя купы съ той же цѣлью, но по дорогѣ грабили шляхетскія имѣнія. Нѣкто Пашкевичъ, шляхтичъ изъ Низовыхъ козаковъ, принялъ титулъ полковника и началъ вербовать людей въ Смоленскій походъ. Разумѣется, охотники тотчасъ нашлись. Къ Пашкевичу присоединились другіе такіе же полковники со своими отрядами, и онъ уже сталъ себя называть атаманомъ. Отрядъ Пашкевича вступилъ въ границы Кіевскаго воеводства въ числѣ 8000. Все это, двигаясь широкимъ поясомъ и распуская слухи о татарахъ, чтобы самому удобнѣе было грабить, доплыло до имѣній Немирича и, найдя здѣсь всего въ изобиліи, расположилось на квартирахъ. Цѣлое лѣто Пашкевичъ оставался на мѣстѣ, при чемъ его отрядъ поѣдалъ и истреблялъ все, что только было, къ тому же допускалъ всякія издѣвательства надъ подданными, такъ что когда своевольное войско двинулось дальше къ Смоленску, имѣнія Немирича были разорены. Но этимъ не кончилось дѣло. Въ то время, какъ Пашкевичъ былъ на сѣверѣ, Немиричъ организовалъ свои военныя силы, чтобы отомстить врагу, когда тотъ будетъ возвращаться. И въ самомъ дѣлѣ, на обратномъ пути, когда Пашкевичъ шелъ съ отрядомъ, значительно ослабленнымъ, но за то съ богатой добычей, Немиричъ такъ ловко устроилъ нападеніе, что не только атаманъ былъ убитъ, но и вся его добыча досталась Немиричу. Но такіе эпизоды не интересовали государство. Это была частная война пана Немирича съ полковникомъ Пашкевичемъ—и только.

Да, втеченіе цѣлой почти четверти вѣка внѣшнія обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали тому, чтобы создать нѣкоторое временное равновѣсіе. Но вѣдь всѣ старыя условія, дѣлавшія столкновенія между панско-польскимъ и козацко-русскимъ элементомъ почти неизбѣжными, оставались все-таки во всей своей силѣ. И если равновѣсіе не нарушалось такъ долго, то только потому, что теченіе дѣлъ за это время не было предоставлено своей собственной стихійной силѣ, а что имъ заправляла сознательная мысль сильнаго человѣка, обхватывавшаго положеніе и цѣлесообразно имъ руководившаго. Мы говоримъ о Сагайдачномъ. Онъ цѣлые полгора десятка лѣтъ, до самой своей смерти, держался, какъ „самодержавный панъ на Низу“, на этомъ самомъ капризномъ Низу, который мѣнялъ своихъ кошевыхъ по первой прихоти своего непостояннаго права. И эти долгіе годы его проницательная мысль и вся энергія его сильной натуры была направлена на одно: чтобы отстоять интересы того дѣла, которое ему было вручено довѣріемъ массы. Интересы эти онъ понималъ широко. Достаточно вспомнить ту серьезную и спокойную увѣренность, съ какой онъ вмѣшивался въ религіозныя дѣла, поддерживая православіе, которое къ этому времени уже вступило въ настоящую борьбу съ уніей. На Украйнѣ центромъ борьбы былъ Кіевъ, гдѣ жизнь въ это время била ключемъ. Здѣсь, по преимуществу, набирались вольныя дружины, которыя поддерживали московскихъ самозванцевъ, широко развивалась торговля; умственная жизнь, хотя въ видѣ религіозныхъ вопросовъ и споровъ, распространена была во всѣхъ слояхъ общества. Во главѣ уніатовъ стоялъ игуменъ Выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, ревностный распространитель своихъ религіозныхъ убѣжденій; во главѣ православныхъ—скромный игуменъ монастыря Михайловскаго, будущій митрополитъ, Іовъ Борецкій, умный и энергичный. Жилъ здѣсь и католическій епископъ; успѣли водвориться, подъ покровительствомъ польскихъ властей, и бернардины, и іезуиты, и доминикане. И если православные все-таки могли высоко держать голову, то только потому, что чувствовали за собой постоянно сильную опеку Низоваго козачества и его знаменитаго кошевого,

въ которомъ такъ нуждались поляки. Нуждались они въ немъ постоянно; но бывали такіе моменты, когда отъ Сагайдачнаго и его козачества многое зависѣло. Припомнимъ хотя бы послѣдніе годы жизни Сагайдачнаго. Въ то время, какъ онъ пріобрѣталъ для Польши Сѣверскую землю,—добыча Московскаго похода 1618 г.,—Польша въ первый разъ встрѣтилась лицомъ къ лицу въ открытомъ полѣ съ Турціей. Результаты встрѣчи были очень плачевны для Польши. По договору въ Бушѣ 1617 г., заключенному Жолкѣвскимъ съ Скиндербашей, Польша отказывалась отъ своихъ старинныхъ притязаній на Молдавію; а когда она нарушила договоръ, то наказаніемъ было ужасное пораженіе подъ Цецорой. Тогда Поляки обратились за помощью къ Сагайдачному и его козакамъ; и только ихъ содѣйствіямъ обязаны они были блестящей Хотимской побѣдой 1621 г. Запорожцы дрались, какъ львы, шли въ огонь съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ, никому не давали пощады, зная, что имъ-то ужъ, конечно, не будетъ пощады. Молодой королевичъ Владиславъ. будущій король, принималъ личное участіе въ Хотимскомъ походѣ и съ этихъ поръ проникся тѣмъ расположеніемъ къ козачеству, которымъ онъ всегда отличался. Когда войска уже были распущены, Владиславъ оставался еще нѣсколько дней подъ Хотимомъ, чтобы осмотрѣть его укрѣпленія, и задержалъ низовцевъ: часто ѣздилъ въ ихъ станъ, снабжалъ ихъ живностью и провіантомъ и потомъ выхлопоталъ имъ у короля хорошую денежную награду. Сагайдачнаго же, который былъ тяжело раненъ, окружилъ заботливостью и знаками уваженія: уступилъ ему свой экипажъ, своего придворнаго врача и т. п. Только пять мѣсяцевъ прожилъ Сагайдачный послѣ Хотимской побѣды.

Прошло два-три года со смерти Сагайдачнаго, и неизбѣжность трагической коллизіи, заключенная въ положеніи украинскихъ дѣлъ, обнаружилась съ новой силой. Козацкія волненія слѣдуютъ одно за другимъ; польская военная сила систематически ихъ давитъ, топитъ въ крови. Но терроръ уже какъ бы теряетъ свою обычную силу: онъ не парализуетъ энергіи, а только озлобляетъ. Передъ нами проходятъ ряды вожаковъ, ко-

торые часто платятся мучительною смертью за свою дерзость, но это не устрашаетъ другихъ, слѣдующихъ за ними. Поляки изъ всѣхъ силъ стараются удерживать отношенія въ томъ видѣ, какъ они были формулированы договоромъ, заключеннымъ между коммисіей, уполномоченной Рѣчью Посполитой и козаками въ 1625 г. на урочищѣ Медвѣжьи-Лозы; черезъ 13 лѣтъ правительственной коммисіи, договаривавшейся съ козаками послѣ ужаснаго пораженія Павлюка подъ Кумейками, удалось формулировать эти отношенія въ еще болѣе стѣснительномъ видѣ. Но жизнь не могла приспособляться къ предъявляемымъ ей государствомъ требованіямъ; правда, насиліе вымучивало иногда на нѣкоторое время внѣшнюю покорность, какъ это было послѣ 1638 г., по усмиреніи гетманомъ Конецпольскимъ возстанія Остраницы, когда, между прочимъ, учреждена была должность коммиссара, замѣнившаго собою „старшаго“ запорожскаго войска: комиссаръ этотъ долженъ былъ жить въ Терехтеміровѣ и зависѣть вполнѣ отъ гетмана, который самъ и назначалъ его на эту должность. За то тѣмъ ужаснѣе былъ взрывъ, какъ реакція этой вынужденной покорности. Такимъ взрывомъ была Хмельнищина.

Не могъ русско-украинскій народъ подписать самъ себѣ смертный приговоръ; но не могло и польское государство отказаться отъ самого себя, отъ распространенія на области, которыя оно теперь считало своими, основъ быта, выработанныхъ его исторической жизнью. Разсмотримъ положеніе края.

Панская колонизація на Украинѣ въ 17 вѣкѣ росла съ такою энергіей, которая невольно напоминаетъ современному изслѣдователю, при всей громадной разницѣ условій, американскую колонизацію западныхъ штатовъ. Польскіе магнаты разобрали вмѣстѣ съ русскими князьями, какъ уже было сказано, всѣ королевщины, староства. Съ этихъ староствъ, вмѣсто законной кварты, т. е. четвертной части доходовъ въ казну, они едва платили десятую, обращая остальное якобы на содержаніе замковъ. Эти староства, переходя отъ отца къ сыну, пріобрѣтали характеръ частной собственности. Опираясь на нихъ, а то и независимо, магнаты пріобрѣтали имѣнія покупкой, тратя

иногда на такія покупки большіе капиталы: сдѣлалось въ Польшѣ какъ-бы модой пріобрѣтать себѣ земли на Украинѣ. Замойскій за Поволоцкую волость заплатилъ княгинѣ Рожинской 1200000 злотыхъ; въ ней было, правда, 58 деревень. Конецпольскій половину такой суммы заплатилъ за голую степь. Тышкевичъ, для закругленія Махновецкой волости, заплатилъ за 6 небольшихъ деревень около 400,000 злотыхъ. Когда нельзя было пріобрѣсть покупкой, паны не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы брать имѣнія у мѣстныхъ владѣльцевъ въ заставныя державства (аренды, обезпеченныя капиталомъ, внесеннымъ владѣльцу): такъ, Конецпольскій, до пріобрѣтенія собственной земли, арендовалъ Мгліевскую волость у княгини Рожинской и т. д. А выше уже была упомянута сеймовая конституція о раздачѣ пустыхъ земель на кресахъ заслуженнымъ людямъ. Пріобрѣтая землю, паны изо всѣхъ силъ старались ее заселять. На Умапской пустынѣ, которую получилъ отъ становъ Валентій Калиновскій въ 1609 г., сынъ его Мартинъ, черезъ 30 лѣтъ, уже имѣлъ больше 100 деревень и 11 церквей въ мѣстечкахъ. Конецпольскій, при помощи французскаго инженера Боплана, осадилъ на пріобрѣтенной имъ степи 50 городовъ и мѣстечекъ, а около нихъ вскорѣ появилось около 1000 сельскихъ поселеній и т. д. Какъ это дѣлалось, объ этомъ уже шла рѣчь выше. Хлоповъ приходилось и приманивать, и переманивать, однимъ словомъ, добывать всякими правдами и неправдами: особенно два первыя десятилѣтія 17-го вѣка суды переполнены жалобами владѣльцевъ одинъ на другого за уводъ чужихъ хлоповъ. Бѣдные шляхтичи, которымъ всегда было несравненно труднѣе привлечь хлоповъ, чѣмъ магнатамъ, выручали, случалось, себя очень экстраординарными мѣропріятіями. Напримѣръ, нѣкто Иванъ Жашковскій, изъ самозванныхъ полковниковъ, занялся ловлей хлоповъ, чтобы заселить свой клочекъ земли; упорныхъ изъ изловленныхъ распиналъ на крестѣ, мучилъ, пока мучимый не сложитъ троекратной присяги, что останется жить на землѣ Жашковскаго и уже никогда не воротится на свое гнѣздо. Но что же выходило изъ этого по отношенію къ интересующей насъ соціальной сторонѣ украинскаго положенія?

А выходило вотъ что.

Гордые брацлавскіе „окозаченные“ хлопы съ ихъ свободными землями, хлопы, которые едва удостаивали помнить, что они сидятъ на земляхъ, находящихся въ районѣ старостинской власти, безчисленные хутора, „посѣянные козаками“ въ Кіевщинѣ, все это оказалось теперь на панскихъ земляхъ. По польскому праву, свободный земледѣлецъ былъ аномаліей, которой нѣтъ мѣста въ благоустроенномъ обществѣ; а потому, пріобрѣтая какимъ бы то ни было правомъ территорію, панъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ право на всю земельную собственность всѣхъ владѣльцевъ этой территоріи, кромѣ шляхтичей, буде бы они оказались, а вмѣстѣ въ тѣмъ и права на самыя личности этихъ владѣльцевъ. Но не могъ же украинецъ, исторически воспитанный на понятіи своей личной и земельной свободы, примириться съ этой точкой зрѣнія; не могъ даже и тогда, когда садился на панскую землю по договору, привлекаемый временными, хотя и долгосрочными, слободами и другими льготами. Козачество поддерживало этотъ, крайне аномальный, съ польской точки зрѣнія, строй. И потому всѣ договоры съ козаками необходимо говорятъ о томъ, что всѣ, кто живетъ на панскихъ земляхъ, есть панскіе подданные, а кто не хочетъ себя такимъ считать, отказывается отъ послушéнства, долженъ уходить съ земли: но куда же дѣваться, когда вся земля кругомъ панская, а число козаковъ точно реестровано? Такимъ образомъ, вся масса украинскаго народа, въ силу договора на Медвѣжьихъ Лозахъ и другихъ, распадалась на двѣ страшно неравныя по численности части: нѣсколько тысячъ реестровыхъ козаковъ, которые должны были жить на точно опредѣленныхъ правительствомъ тирриторіяхъ и пользовались личной свободой, и все остальное населеніе, которое жило на панскихъ земляхъ съ накинутой на шеѣ петлей крѣпостного состоянія, хотя эта петля во многихъ случаяхъ и была еще совершенно свободной, могла совсѣмъ не давать себя чувствовать. Многолѣтнія свободы, льготы и защита, которою окружали сильные владѣльцы своихъ подданныхъ, въ соединеніи съ земельнымъ просторомъ и естественными богатствами края, могли дѣлать положеніе хлопа нетолько не дурнымъ, но даже во многихъ отношеніяхъ завид-

нымъ, и паны, между которыми не рѣдко были и гуманные, высокообразованные люди, невольно сравнивая положеніе украинскаго хлопа съ положеніемъ польскаго, правы были въ своемъ искреннемъ удивленіи: какого еще рожна нужно этому буйному хлопу? и чѣмъ кромѣ innata malitia (врожденной злости) объяснить его ничѣмъ неудовлетворяемое недовольство? Во многихъ случаяхъ могло быть такъ, но, конечно, нерѣдко бывало и иначе, и чѣмъ шире распространялась панская власть, чѣмъ увѣреннѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе проявлялись и ея отрицательныя стороны: это неизбѣжный, естественный ходъ вещей.

Но, конечно, въ числѣ многаго другого не было условія, болѣе ухудшавшаго положеніе, болѣе обострявшаго отношенія, какъ появленіе на Украинѣ еврея, въ качествѣ посредника между паномъ и хлопомъ. На Волыни евреи жили издавна. Въ Острожскомъ княжествѣ, еще до Люблинской уніи, около 4000 израильтянъ занималось приготовленіемъ водки, пива и меду; а княжескіе ревизоры, докладывая о состояніи княжескихъ земель, на ряду съ такими отмѣтками о пустыхъ земляхъ: „татары забрали“ (населеніе) или „кмети пошло прочь послѣ татарщины“,— отмѣчаютъ и такъ: „пустки за жида“ или „дворищовые за жида прочь пошли“. На Подольѣ евреи также издавна соперничали въ торговлѣ съ армянами; но въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ они появляются только послѣ договора на Медвѣжьихъ Лозахъ, т. е. 1625 г. Появляются между прочимъ даже и какъ подстаросты, т. е. замѣстители старостъ, на которыхъ лежала, главнымъ образомъ, организація пограничной защиты. Государство принимало мѣры къ тому, чтобы старосты жили непремѣнно въ замкахъ, чтобы староства не переходили наслѣдственно къ женщинамъ. Но тѣмъ не менѣе случалось, что старосты проматывали въ столицѣ доходы со своихъ старостъ, которыя простирались иногда, какъ напримѣръ Бѣлоцерковское староство, на сто миль, а всю власть передавали державцу, который, естественно, заботился только о своихъ доходахъ. Если же на мѣстѣ державца оказывался еврей, то, конечно, онъ не только заботился о доходахъ, но и умѣлъ ихъ извлекать артистически; а что изъ этого выходило, показываетъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто

панъ Сnопковскій отдалъ въ аренду еврею Капелю Каневщину и Богуславщину, которыя самъ онъ держалъ въ качествѣ старосты,—отдалъ „съ млинами, корчмами горѣльчаными, поташовыми будами, чиншами, рыбными ловлями, перевозами, мытами и со всякими доходами тѣхъ староствъ“... На обязанности Капеля лежало содержать въ порядкѣ замокъ, снабжать его военными снарядами, содержать гарнизонъ, пушкарей и пр. Что же удивительнаго, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ еврейскаго державства ревизоры нашли, что доходы староствъ упали меньше, чѣмъ на половину первоначальной величины, а въ замкѣ Каневскомъ ни воротъ, ни башенъ, какихъ слѣдуетъ, стѣны въ дырахъ и т. д. Однимъ словомъ, по отношенію къ государственному имуществу, какимъ считалось староство, еврей являлся прямымъ разорителемъ; но за то для пана-старосты еврей былъ чрезвычайно удобенъ, такъ какъ всегда имѣлъ наготовѣ деньги, все готовъ былъ купить или арендовать, за все готовъ былъ платить впередъ наличными, требовалъ же для себя только одного: напугать хлопа, чтобы тотъ боялся дѣлать что-нибудь, могущее служить къ уменьшенію его, еврейскихъ, доходовъ. Трудно даже и понять, какъ могли успѣть евреи въ такое относительно короткое время, меньше чѣмъ въ четверть вѣка, обхватить Украинскій народъ желѣзной цѣпью своего посредничества и возбудить къ себѣ ту бѣшенную, неукротимую ненависть, какая проявлялась въ каждомъ народномъ взрывѣ.

Много содѣйствовалъ ухудшенію положенія и религіозный вопросъ. Съ распространеніемъ панства, католическая вѣра не только de jure, но и de facto начала выступать въ роли господствующей. Конечно, кіевская католическая епископская кафедра, которая имѣла въ концѣ 16-го вѣка такого блестящаго представителя, какъ Іосифъ Верещинскій, не могла потягаться земельными имуществами съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, но она была уже хорошо обезпечена: три торговыхъ мѣстечка, кромѣ деревень и мельницъ. Но главной, воинствующей силой католичества было на Украинѣ не свѣтское духовенство, а монашествующее: доминикане и въ особенности іезуиты. Іезуиты имѣли большой успѣхъ, между прочимъ на Кіевскомъ Полѣсьѣ,

среди его боярства, еще недавно такъ преданнаго православію. Много отдѣльныхъ мелкихъ земельныхъ имуществъ перешло здѣсь въ ихъ руки. Былъ здѣсь устроенъ въ 1634 г. въ Ксаверовѣ и іезуитскій коллегіумъ вмѣстѣ съ разными другими учрежденіями, воздвигнутыми средствами и иниціативой Игнатія Ельца, обращеннаго въ католичество изъ православія. Такъ, усиліями іезуитовъ, католичество пробиралось даже и до низшихъ общественныхъ слоевъ русской народности, уже не говоря о высшихъ, гдѣ іезуитская пропаганда имѣла большой успѣхъ. Но за то аріанство осталось на Украйнѣ спеціально „панской вѣрой“,—принадлежностью настоящаго панства. Броженіе религіозной мысли, обуславливаемое вторженіемъ религіозныхъ „новинокъ“, придавало отчасти украинскому панству видъ религіознаго вольномыслія; но были и настоящіе столпы католичества. Къ такимъ столпамъ принадлежалъ, напримѣръ, весь магнатскій родъ Тышкевичей, но въ особенности извѣстный кіевскій воевода Янушъ Тышкевичъ. На свой счетъ водворилъ Тышкевичъ іезуитовъ въ Кіевѣ и Винницѣ, кармелитовъ въ Бердичевѣ, бернардиновъ въ Махновкѣ, доминиканъ въ Морафѣ, громадныя суммы тратилъ онъ на костелы, на содержаніе духовенства. Но не такъ распространеніе католичества, какъ оно ни было велико, раздражало и волновало умы украинскаго народа, какъ тотъ расколъ, который раздѣлилъ православную церковь на два лагеря. Знамя восточнаго православія уже теперь нераздрывно связалось съ дѣломъ украинскаго народа: всѣ оппозиціонные правительству элементы были въ лагерѣ „дизунитовъ“.

Вообще, распространеніе польскаго политическаго и правового строя на русскую Украину съ ея своеобразно развившимися бытовыми формами было такъ внезапно и навязчиво, что мирный выходъ изъ положенія во всякомъ случаѣ былъ бы крайне затруднителенъ. Но если принять во вниманіе свойства польскаго государства, какъ формы самой по себѣ, его крайнюю неустойчивость, слабую сплоченность его частей, обусловливавшую теченія, которыя парализовали другъ-друга своимъ противорѣчіемъ, то такой мирный исходъ является уже прямой и простой невозможностью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно

бросить взглядъ на ту картину анархіи, какую представляла собою Украина въ разсматриваемую эпоху, эпоху относительно мирную, эпоху торжества государственнаго начала, эпоху Сагайдачнаго, а потомъ цѣлаго ряда побѣдъ надъ козаками, все сильнѣе и сильнѣе сгибавшихъ хлопское своеволіе подъ панское ярмо. Земли стараго заселенія, Волынь и Кіевское Полѣсье, т. е. Овручскій и Житомірскій повѣты съ ихъ давними исторически сложившимися формами, представляли болѣе порядка; но положеніе русской Украины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Брацлавщины и Кіевщины, было крайне ненормально. У государства не хватало силы поддерживать здѣсь хоть какое-нибудь элементарное общественное равновѣсіе, дать опору дѣйствующему праву, и край былъ погруженъ въ такой правовой хаосъ, представленіе о которомъ съ трудомъ вмѣщается въ головѣ современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ забыть, что имѣетъ дѣло съ областью польскаго государства, снабженной, повидимому, всѣми необходимыми по государственной конституціи учрежденіями, административнымъ, судебнымъ и инымъ. Видя, что дѣло неладно, государство передаетъ въ руки пограничныхъ старостъ право brachium regale (королевской руки), т. е. жизни и смерти, но это не улучшаетъ положенія. И всѣ эти экстренныя мѣры направляются не противъ козаковъ или хлоповъ, а противъ шляхетско-польскаго элемента: это ясно изъ смысла сеймовыхъ конституцій. Да оно и не могло быть иначе. На Украину постоянно прибывали изъ глубины края безпокойные люди, искавшіе здѣсь убѣжища: осужденные преступники, участники политическихъ движеній, и т. п. Здѣсь, у „татарской стѣны“, имѣя за плечами врага, готоваго ежеминутно обрушиться, не такъ-то легко было, конечно, преслѣдовать преступника, буде-бы власти и смотрѣли на дѣло серьезно. А смотрѣли они вотъ какъ: гетманъ Жолкѣвскій открыто, универсалами, приглашалъ на Украину политическихъ преступниковъ, участниковъ жолнѣрскихъ конфедерацій, на службу королю и Рѣчи Посполитой. Иногда же безпокойные элементы на Украинѣ усаживались на землѣ и превращались въ мирныхъ гражданъ, на сколько здѣсь вообще могли быть мирные гра-

ждане. Но большею частью они и здѣсь оставались столь же безпокойными и входили въ вольныя дружины. Эти вольныя дружины составляли въ данную эпоху настоящее бѣдствіе украинской жизни, пожалуй не меньшее, чѣмъ татарскіе набѣги. Вызывало ихъ къ жизни само государство. Ведя тяжелыя войны и нуждаясь постоянно въ военной силѣ, оно охотно выдавало каждому, хотя бы то былъ ловкій запорожецъ или польскій шляхтичъ-баннитъ, „заповѣдный или приповѣдный листъ“ который давалъ право формировать вольную дружину. О подвигахъ одной такой дружины, атамана Пашкевича, и его войнѣ съ Немиричемъ, мы говорили выше. Во время Московскихъ походовъ Украина доставляла до шестидесяти тысячъ такихъ волонтеровъ, которые двигаются по однимъ только побужденіямъ, наживы посредствомъ грабежа, и которые начинаютъ свои подвиги чуть не съ перваго момента своего выступленія въ походы, съ перваго ночлега. Актовыя книги гродскихъ судовъ переполнены жалобами на такія дружины и ихъ предводителей. Вотъ два-три примѣра. Нѣкто Искоростенскій, напр., земянинъ изъ Быхова, явился въ Кіевщину, чтобы вербовать здѣсь охотниковъ, и такъ хорошо управлялся, что втеченіе одного 1609 г. подано было на него 29 жалобъ о грабежѣ, а тридцатая о смертоубійствѣ одного мирнаго шляхтича. Во время приготовленій къ турецкой кампаніи нѣкто Фастовецъ набралъ себѣ войско изъ „своевольнаго мѣщанскаго гультяйства“ въ 2000 человѣкъ, вымуштровалъ его, снабдилъ даже пушками, захваченными въ одномъ изъ замковъ, и повелъ въ краѣ настоящую войну по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ приближался къ какому-нибудь дворцу, конечно, защищенному, какъ это обыкновенно водилось, и требовалъ выкупъ деньгами и съѣстными припасами. Если предложеніе отклонялось, онъ начиналъ осаду; побѣжденныхъ облагалъ тяжелой контрибуціей. Когда-же встрѣчалъ упорный отпоръ, то все палилъ, а виновныхъ вѣшалъ: нѣсколько поселеній подверглось такой участи. Еще одинъ подобный отрядъ дѣйствовалъ такъ, что грабилъ дворы и мѣстечка, а отъ обиженныхъ вымогалъ документы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ никакихъ претензій на грабителей и т. д. Правительство, видя,

какое зло вытекаетъ изъ всего этого, пыталось ограничить, если не совсѣмъ прекратить, выдачу „заповѣдныхъ листовъ“; но вынуждаемое необходимостью, само отмѣняло свои распоряженія. Наконецъ, зло достигло такихъ размѣровъ, что гетманъ Жолкѣвскій издалъ универсалъ къ кварцяному войску, чтобы оно готовилось къ усмиренію своевольниковъ. Однако, все и всѣмъ проходитъ безнаказанно, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда личная месть является на помощь безсильному правосудію.

Но хуже всего, конечно, было то, что сами коронныя войска, въ виду опаснаго положенія края, расположенныя здѣсь на постоянныхъ квартирахъ, вмѣсто того, чтобы охранять внутренній порядокъ и защищать отъ непріятеля, допускали такія же злоупотребленія, какъ и вольныя дружины. Разница была лишь въ томъ, что коронныя войска никогда не трогали имѣній магнатовъ и высшихъ урядниковъ, но мелкую шляхту съ ея имѣніями они третировали по-непріятельски. Цѣлый рядъ кварцяныхъ ротмистровъ пользовался такой же громкой и столь же заслуженной печальною славой, какъ и предводители разбойничьихъ шаекъ, извѣстныхъ то подъ именемъ своевольныхъ купъ, то вольныхъ дружинъ. Одна хоругвь порубила въ пень обывателей Звягля за то, что они не хотѣли исполнить требованій ея начальника. Подъ предлогомъ „выбиранія стацій“ допускались самыя вопіющія злоупотребленія, да и вообще выбираніе стацій очень смахивало на военныя дѣйствія въ непріятельской странѣ. Двѣ хоругви, „черная“ Стемпковскаго и „красная“ Хмелецкаго, каждая изъ тысячи человѣкъ, дѣйствовали такъ, что народъ собирался и вооружался, при вѣсти о ихъ приближеніи, точно какъ при вѣсти о татарскомъ чамбулѣ; Брусиловъ для защиты укрѣпился, они взяли его штурмомъ и спалили до-тла. И правительство не находили иного способа справиться со зломъ, какъ только уменьшить войско. „Постоянный плачъ и жалобы бѣдныхъ людей, кровавыми слезами взывающихъ къ небесамъ“, пишетъ гетманъ Конецпольскій, „привели его королевскую милость къ рѣшенію уменьшить украинскія войска, чтобы они не слишкомъ распространялись по краю: такъ расширились они, такъ высвободились изъ войско-

вой строгости, что уже, не обращая вниманія ни на страхъ Божій, ни на свою совѣсть, ни на военные законы, ни на добрую славу, чуть что не кровь пьютъ бѣдняковъ и дѣлаютъ въ глазахъ кресовыхъ людей отвратительнымъ и ненавистнымъ самое имя жолнера"...

Что можетъ быть краснорѣчивѣе признанія стараго гетмана, главы этихъ самыхъ жолнеровъ?

Но если такъ дѣйствовали коронныя войска, то чего же ожидать отъ панскихъ надворныхъ отрядовъ. Вотъ какими словами описываетъ Іерличъ надворное войско Лаща, короннаго стражника: „баниты, волохи, татары, разбойники, воры, честнаго человѣка и не спрашивай, а нѣсколько сотъ всегда при немъ находилось такихъ, которые и дороги въ Кіевъ потеряли и не ѣздили туда ради своихъ разбоевъ и грабежей"... Какъ могла дѣйствовать такая дружина? А вотъ какъ. Падаетъ конь подъ всадникомъ, онъ забираетъ перваго попавшагося коня; а приводится ли выпречь этого коня изъ встрѣчнаго экипажа, или вывести изъ чьей-нибудь конюшни—это ужъ все равно; не достаетъ припасовъ—осматриваются вокругъ, не работаетъ ли гдѣ плугъ въ полѣ, не тянется ли обозъ по дорогѣ: выпрягутъ вола, разложатъ тутъ же огонь, зарѣжутъ—и сыты; нужна водка, пиво, фуражъ—на то есть сосѣдняя деревня: является отрядъ, а народъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, торопится попрятаться поскорѣе.

Въ такомъ положеніи находилась организація защиты. Еслибы все это не было лишь симптомомъ анархіи, то оно само по себѣ могло бы быть ея достаточной причиной. Если разнузданность личныхъ стремленій вообще характеризуетъ собою польское общество, то здѣсь, на Украинѣ, въ разсматриваемую эпоху, разнузданность эта принимаетъ по истинѣ чудовищные размѣры. Отдѣльные шляхетскіе дома ведутъ между собою безконечные процессы, которые то и дѣло сходятъ съ правовой дороги на путь частной войны, сопровождаемой всѣми ея необходимыми послѣдствіями, вооруженнымъ занятіемъ земель противника, штурмомъ замковъ, взаимнымъ грабежомъ и убійствами. Вспыхиваетъ и антагонизмъ между магнатствомъ и мелкою шлях-

тою, въ основѣ котораго, между прочимъ, лежала и рознь экономическихъ интересовъ: магнаты, при посредствѣ экстренныхъ мѣръ, усиленно колонизуя свои земли, тѣмъ самымъ подрывали возможность для мелкой шляхты колонизовать свои. Антагонизмъ этотъ, случалось, прорывался очень ярко, такъ какъ въ условіяхъ украинской жизни все легко приходило къ взрыву: напр., когда въ 1611 г. одинъ магнатъ справлялъ въ Бердичевѣ свадьбу своей дочери съ богатымъ земяниномъ, который имѣлъ въ родствѣ много бѣдной шляхты, произошло настоящее побоище съ многими жертвами, убитыми и ранеными, вызванное тѣмъ, что магнатскіе служебники начали смѣяться надъ земянскими гайдуками. Общественная атмосфера Украины была такъ насыщена правонарушеніемъ, что нелегко было найти шляхтича, котораго не привлекали бы въ судъ за насиліе или заѣздъ, который не имѣлъ бы на себѣ хотя одной банниціи. Выработался особый типъ шляхтича „съ фантазіей“, въ родѣ князя Романа Рожинскаго, этого не-то героя, не-то авантюриста, не-то разбойника отъ природы, однимъ словомъ, человѣка, который былъ совсѣмъ не приспособленъ къ условіямъ мирнаго гражданскаго быта и долженъ былъ необходимо искать себѣ какого нибудь подходящаго поля, если не въ Молдавіи, то на Запорожьѣ, если не въ Запорожьѣ, то въ Москвѣ: онъ, Рожинскій, сдѣлалъ своей спеціальностью московскихъ самозванцевъ, за нихъ и сложилъ свою буйную голову. О какихъ-нибудь высшихъ цѣляхъ, какъ бы онѣ ни понимались, здѣсь нѣтъ и помину. Крайне любопытно заявленіе, которое сдѣлалъ этотъ авантюристъ королю Сигизмунду черезъ своего посланнаго: „если кто рѣшится отнять у насъ наши кровавыя заслуги и ту жатву, которую мы собрали потомъ чела, кровью и желѣзомъ, то мы въ такомъ случаѣ не будемъ почитать ни пана за пана, ни брата за брата, ни отечество за отечество“. Конечно, мораль князя Рожинскаго была очень откровенная; но еще откровеннѣе были дѣйствія другого, еще гораздо болѣе извѣстнаго, шляхтича, который даже не считалъ нужнымъ разыскивать поле для своей широкой натуры внѣ предѣловъ отечества. Мы говоримъ о знаменитомъ коронномъ стражникѣ, овручскомъ старостѣ Са-

муилѣ Лащѣ, который представлялъ собою для Украины героя даннаго историческаго момента.

Несомнѣнно, Лащъ былъ человѣкъ выдающихся дарованій, по крайней мѣрѣ военныхъ. Недаромъ же онъ заслужилъ названіе „татарскаго страха"; съ этой стороны онъ можетъ стать въ ряду съ такими защитниками Украины, какъ Претвичъ, Хмелецкій, Гостицкій. Но и помимо своихъ военныхъ заслугъ, онъ умѣлъ пріобрѣтать себѣ симпатіи людей: гетманъ Конецпольскій стоялъ за него горой до конца, не смотря ни на что, и самъ Владиславъ IV, человѣкъ правдивый и не склонный къ лицепріятію, не разъ спасалъ его отъ преслѣдованій закона. Но какъ третировалъ всякіе права и законы этотъ украинско-польско-шляхетскій герой, трудно было-бы повѣрить, если бы мы не имѣли на этотъ счетъ точныхъ документальныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего, онъ никогда не удостоивалъ связываться съ судами. Противъ него велось безчисленное множество процессовъ—онъ самъ не жаловался и не отвѣчалъ, т. е. не отвѣчалъ правовымъ способомъ, а если отвѣчалъ, то только истцу фактически: „кто на него въ судъ обращался, тотъ долженъ былъ раньше отказаться отъ жены и отъ дому и спасаться, пока цѣлъ". Подкладкой всѣхъ его дѣяній было безцеремонное добываніе средствъ: онъ былъ изъ „худопахолковъ", а большія матеріальныя средства были ему необходимы уже хоть бы и для того, чтобы исполнить свою обязанность по защитѣ края,—таковъ былъ строй Рѣчи-Постолитой, что бѣдному человѣку трудно было быть даже и полезнымъ своему отечеству. Началъ Лащъ съ небольшихъ злоупотребленій, которыя какъ бы даже и примыкали къ обычному украинскому праву, съ порубокъ въ чужомъ лѣсу, насильственнаго выбиранія стацій, небольшихъ заѣздовъ.—Все сходило съ рукъ благополучно, и фантазія Лаща разыгрывалась шире и шире. Первыя крупныя правонарушенія Лащъ производилъ въ товариществѣ и какъ бы подъ покровительствомъ Криштофа Немирича, члена одного изъ самыхъ вліятельныхъ въ Кіевщинѣ домовъ. Зимой 1618 г. они произвели штурмъ и взятіе двухъ людныхъ и защищенныхъ мѣстечекъ, Ярославки и Михайловки; за упорную защиту мѣ

стечки предназначены были къ истребленію, ихъ подпалили съ четырехъ концовъ; особенно жестоко пострадала Ярославка, мѣстечко пана Адама Рожинскаго. Обиженные нашли сильную поддержку въ Кіевскомъ воеводѣ Замойскомъ, и Криштофъ Немиричъ, не смотря на всю поддержку, какую они имѣли въ родственныхъ связяхъ, былъ казненъ; Лащъ, его сподручный, подвергся банниціи, но это было лишь началомъ его выступленія на дорогу самостоятельныхъ предпріятій. Съ этихъ поръ онъ выступаетъ, съ одной стороны, какъ очень важный полезный слуга государства—въ войнахъ съ Турціей, въ столкновеніяхъ съ козаками и, наконецъ, въ качествѣ короннаго стражника въ постоянныхъ погоняхъ за татарскими чамбулами: онъ былъ правою рукою гетмановъ. Но съ другой стороны, развивается crescendo и противозаконная дѣятельность Лаща: въ одномъ 1630 г. его двадцать шесть разъ требовали къ суду—по дѣламъ о грабежахъ, нарушеніи договоровъ, неуплатѣ долговъ и т. д. Вообще по отношенію къ равнымъ себѣ шляхтичамъ или даже высшимъ магнатамъ—надо отдать должное Лащу, что онъ мало смотрѣлъ на лица; почти всѣ его правонарушенія носили имущественный характеръ, лишь квалифицируясь насиліемъ, грабежомъ, поджогомъ и т. п. Онъ занималъ чужія имѣнія, отдавалъ въ заставную державу, выгонялъ державцевъ и самъ водворялся на ихъ мѣсто, какъ державца, безплатный; или отдавалъ свое имѣніе, пріобрѣтенное имъ тѣмъ или инымъ путемъ, въ заставную державу; бралъ деньги, но не допускалъ державцу водвориться; или отдавалъ одно и тоже имѣніе разомъ двумъ-тремъ лицамъ и т. д. Процессы за процессами тянулись по судамъ противъ Лаща; истцы ихъ выигрывали; на Лаща сыпались банниціи и инфаміи, изъ которыхъ каждая дѣлала его изъятіемъ изъ-подъ охраны законовъ, такъ что первый встрѣчный обязывался его схватить и представить *въ гродъ*, могъ даже безнаказанно убить его, какъ дикаго звѣря. И тѣмъ не менѣе Лащъ, неся на плечахъ тяжесть 236 банниціи и 37 инфамій, не только жилъ и дѣйствовалъ какъ полноправный обыватель, но и продолжалъ беззаконія, опираясь на королевскія глейты и гетманскія экземпты, которые ему выдавались безко-

нечно, какъ человѣку необходимому для обороны края. Есть преданіе, что онъ явился въ Варшаву къ королю въ ферязи, подшитой банницями и инфаміями. Но если такъ дѣйствовалъ Лащъ въ той средѣ, которая могла какъ-ни-какъ защищать себя при содѣйствіи закона и права, то какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ не было защиты со стороны закона по отношенію къ низшему классу, козакамъ и хлопамъ? Здѣсь не ведется процессовъ, нѣтъ актовъ, есть только намеки и отдѣльныя отрывочныя указанія въ судебныхъ шляхетскихъ документахъ. Какъ широко и свободно здѣсь раскинулась дѣятельность Лаща, видно изъ того, что практика жизни выработала особые термины, которыми обхватывалась эта его дѣятельность: „лащованье“ и „лащовчики.“ Подразумѣвались же подъ лащованьемъ такія дѣйствія: обращеніе козаковъ въ хлоповъ, значкованіе упорныхъ хлоповъ, т. е. обрѣзаніе имъ носовъ и ушей, свадьбы „по-татарски“, т. е. похищеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ насильственно выдавали замужъ за похитителей; лащовчики же, по словамъ Хмельницкаго, это тѣ, кто „козаковъ заслуженныхъ въ Польшѣ въ хлоповъ обращали, грабили, за бороды таскали, въ плуга запрягали“. Но суды во все это вступались лишь по столько, по сколько здѣсь были задѣты имущественныя права шляхтичей—не больше. Выведенная изъ терпѣнія волынская шляхта въ 1646 г. на сеймикѣ въ Луцкѣ, составляя инструкцію для своихъ пословъ, внесла петицію, чтобы король лишилъ силы охраняющія Лаща глейты, какъ противные праву. Но только внезапная смерть гетмана Конецпольскаго могла сломить Лаща; однако и тутъ понадобилось созвать противъ него посполитое рушеніе, которое приблизилось къ дому Лаща съ такими предосторожностями, точно дѣло шло о татарскомъ кошѣ: но Лащъ уже не могъ и не хотѣлъ защищаться.

Могъ-ли русскій козакъ или хлопъ уважать это чуждое и явно враждебное ему право и его опору—польское государство, если къ этому праву и этому государству съ такимъ пренебреженіемъ относились его родныя дѣти?

III. Хмельнищина и руина.

Почти десять лѣтъ прошло со времени послѣднихъ козацкихъ волненій, а Украина была спокойна. Можно было думать, пожалуй, что козацко-хлопскій вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Все располагало къ оптимизму: превосходные урожаи, мягкія зимы, видъ дѣятельнаго рабочаго люду, которымъ кишѣла степь, люду навзглядъ спокойнаго, веселаго—и гордая шляхта жила-себѣ и гуляла, не предчувствуя близкой бѣды. Очень заняла всѣхъ, но не поразила вѣсть о внезапной смерти гетмана Конецпольскаго, усмирителя своевольнаго козачества. Но извѣстіе о тяжелой болѣзни короля сильно встревожило украинскую шляхту: въ этой тревогѣ звучала нота недовѣрія къ магнатству, на рукахъ котораго должно было очутиться государство въ случаѣ королевской смерти.

А между тѣмъ въ Чигиринѣ и его окрестностяхъ разъигрывался очень простой и незначительный по своему содержанію прологъ къ ужасающей исторической драмѣ.

Чигиринское староство послѣ смерти гетмана Конецпольскаго перешло къ его сыну, коронному хоружему. Управлялось оно подстаростой, который жилъ въ Чигиринѣ. Въ описываемое время подстаростой этимъ былъ нѣкто Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, опредѣленный еще покойнымъ гетманомъ. Едва-ли этотъ человѣкъ былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Чтобъ понимать всѣ сложныя особенности мѣстной жизни, надо было родиться или по крайней мѣрѣ долго жить на вулканической почвѣ Украины. А Чаплинскій, повидимому, только и зналъ, что простого литовскаго хлопа, который покорно тянулъ свое ярмо до послѣдней возможности и, если становилось не въ моготу, исчезалъ въ лѣсу. Въ узко-шляхетской головѣ подстаросты не вмѣщалось то, что и не шляхтичъ можетъ быть человѣкомъ состоятельнымъ, уважаемымъ, образованнымъ. А таковымъ былъ, несомнѣнно, его близкій сосѣдъ, войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Богданъ имѣлъ на земляхъ чигиринскаго староства, надъ рѣкой Тясьминомъ, хуторъ Суботовъ, полученный еще его отцемъ, убитымъ подъ Цецорой, въ видѣ пустаго уро-

чища, а въ описываемое время уже совсѣмъ благоустроенный: былъ тамъ и домъ, и мельница на прудѣ, и обширный садъ, а, главное, было уже и населеніе. Къ этому хутору Богданъ лично выпросилъ у короля за свои высокія заслуги еще степной участокъ за рѣкой, гдѣ тоже скоро появилось населеніе, платившее владѣльцу чиншъ, были пасѣки, гумна, корчмы. Такимъ образомъ войсковой писарь былъ замѣтной особой въ районѣ чигиринскаго староства даже и по имущественному своему положенію. Но надо къ этому прибавить то уваженіе, которымъ онъ пользовался. Пользовался онъ имъ за свое образованіе, такъ какъ онъ учился у іезуитовъ въ Ярославѣ и умѣлъ показать лицомъ свою школьную науку; пользовался за свою большую опытность, которую вынесъ изъ своихъ странствованій: онъ два года былъ плѣнникомъ въ Константинополѣ и Крыму, бывалъ въ Варшавѣ, былъ лично извѣстенъ Владиславу IV; пользовался, разумѣется, уваженіемъ и за свой выдающійся умъ и даровитость, въ которыхъ ему невозможно отказать. И съ уваженіемъ относилась къ Хмельницкому не только козацкая среда или мелко-шляхетская, но даже мѣстные магнаты прибѣгали къ совѣтамъ войскового писаря. Но въ глазахъ Чаплинскаго все это были лишь незаконныя притязанія наглаго „плебея“, дерзко попирающаго всѣ человѣческія и божескія права. И этому плебею легко и свободно удается то, чего лишь съ такимъ усиліемъ добивается самъ онъ, Чаплинскій, желающій изъ всѣхъ силъ угодить вельможному пану Конецпольскому,—удается заселеніе пустыхъ земель.

Какъ перешло затаенное неудовольствіе въ открытую вражду? Несомнѣнно, здѣсь была замѣшана женщина—подстаростина Чаплинская, позже вторая жена Богдана Хмельницкаго, первоначально, въ качествѣ сироты, пріемышъ его семьи. Участіе этой женщины въ случившемся ясно; но характеръ этого участія теменъ. Несомнѣнно, что Чаплинскій началъ оспаривать права Хмельницкаго на его земли; несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ на имѣніе Хмельницкаго „заѣздъ“, въ которомъ погибло имущество Хмельницкаго и была похищена дѣвушка, которая сдѣлалась вслѣдъ за тѣмъ подстаростиной. Несомнѣнно и то, что

Чаплинскій имѣлъ какую-нибудь юридическую зацѣпку для своихъ насильственныхъ дѣйствій: польское право, водворявшееся на почвѣ стараго литовско-русскаго права, съ одной стороны, и мѣстнаго правового обычая, съ другой, производило страшную смуту понятій, отражавшуюся въ жизни той анархіей, о которой была рѣчь выше. Изъ правового хаоса выплывалъ наверхъ или фактически сильный, или тотъ, кому посчастливилось заручиться какой-нибудь непреложной съ формальной стороны правовой гарантіей, въ родѣ королевской грамоты или сеймовой конституціи. Вѣроятно, войсковой писарь не былъ обезпеченъ ничѣмъ подобнымъ, такъ какъ ему не помогли даже личныя его хлопоты въ Варшавѣ: его Суботовъ отданъ былъ въ пожизненное владѣніе тому же самому Чаплинскому. Но вражда Чаплинскаго не разрѣшилась этимъ его торжествомъ: вѣроятно, и Хмельницкій, который теперь поселился въ томъ же Чигиринѣ, гдѣ жилъ подстароста, держалъ себя не какъ побѣжденный. Чаплинскій наноситъ Хмельницкому рядъ тяжелыхъ обидъ: достаточно вспомнить хотя бы то, что онъ публично, на чигиринскомъ рынкѣ, велѣлъ высѣчь старшаго сына Хмельницкаго. Управы на Чаплинскаго, который пользовался полнымъ довѣріемъ молодого старосты, не было, и искать ее было негдѣ.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій ушелъ на низъ, на запорожье. А съ открытіемъ весны уже что-то творилось на Украинѣ неладное: явились тѣ тревожные признаки, по которымъ опытные люди умѣли предсказывать близкую бурю. Изъ хаты въ хату, по будамъ и винокурнямъ, по уединеннымъ хуторамъ, ходили какія-то темныя вѣсти... Кто переносилъ ихъ? Богъ знаетъ, шляхтичу ничего тутъ нельзя было дознаться: можно было лишь догадываться, что вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ днѣпровскаго Низу. И вѣсти были не спроста. Наймиты кидали свои работы, пропивали въ корчмахъ заработки, а между тѣмъ въ-полголоса совѣщались между собою о чемъ-то. Въ одно прекрасное утро пропадаетъ столько-то людей изъ такого-то города, изъ села: очевидно, на Украинѣ снова сбирались „кущы“ и исчезали въ степи. Не было села или хутора, гдѣ не

ощущалось бы тлѣніе, предвѣстникъ готоваго вспыхнуть пожара. Но пока все было спокойно.

Однако великій коронный гетманъ Потоцкій, знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и предупрежденный о томъ, что на Запорожьѣ что-то готовится, самъ пріѣхалъ на Украину. Лучше еслибъ онъ этого не дѣлалъ: съ его появленіемъ возникло въ польскомъ войскѣ двоевластіе, антагонизмъ между нимъ и польнымъ гетманомъ Калиновскимъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что поляки были во-время предупреждены, понимали опасность, приняли противъ нея возможныя мѣры. Тѣмъ большимъ ужасомъ обхватила ихъ вѣсть о тяжеломъ пораженіи у Желтыхъ Водъ и подъ Корсунемъ. Войска нѣтъ больше, оба гетмана въ плѣну, къ Хмельницкому перешли всѣ реестровые и всѣ украинцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, за-одно съ Хмельницкимъ дѣйствуетъ извѣстный татарскій наѣздникъ мурза Тугай-бей съ ногайцами. Послѣднее поражало больше всего: козаки въ союзѣ съ татарами... какую страшную угрозу Польшѣ заключаетъ въ себѣ эта неожиданная перемѣна фронта, которой никто не предвидѣлъ?

Въ концѣ апрѣля Хмельницкій вышелъ со своимъ войскомъ изъ Запорожья; въ концѣ мая онъ уже стоялъ обозомъ подъ Бѣлой Церковью, какъ полный господинъ положенія. Событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительной быстротой. Въ дополненіе ко всему, разнеслась вѣсть о смерти Владислава IV.

А между тѣмъ на всей территоріи Украины поднималась соціальная революція со всѣми своими ужасами. Видъ края измѣнился моментально. Вчерашніе господа, поляки и евреи, сегодня были жалкими и беззащитными жертвами въ виду возставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа, безпощаднаго кроваваго мстителя. Въ своемъ мстительномъ гнѣвѣ, слѣпомъ, какъ бушующая стихія, онъ не зналъ ни справедливости, ни состраданія: все губилъ онъ въ яростномъ порывѣ, злое, какъ и доброе, виновное, какъ и невинное, дряхлаго старика, грудного ребенка. Счастливъ былъ тотъ шляхтичъ или еврей-арендаторъ, который успѣлъ спастись и спасти свои семьи отъ страшныхъ рукъ своихъ

хлоповъ за стѣнами замковъ; но еще гораздо счастливѣе были тѣ, кому удалось пробраться въ Польшу, хотя бы покинувъ все добро на произволъ судьбы. Не только въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, но и на Волыни, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ и даже въ восточной части Подолья всюду хлопы вырѣзали пановъ и арендаторовъ евреевъ, если тѣ не успѣли ускользнуть своевременно. Очередь была за укрѣпленными городами и мѣстечками. Правда, и тутъ всюду былъ элементъ, благопріятствующій возстанію, въ видѣ мѣщанъ, сплошь русскихъ и православныхъ. Но въ каждомъ замкѣ было теперь много вооруженной шляхты, были и надворные панскіе отряды. Хлопы могли голыми руками расправляться съ панами, но, очевидно, не могли брать даже слабо укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Но рядомъ по всей территоріи шла усиленная и самопроизвольная организація военныхъ отрядовъ. Это брали на себя люди энергичные и опытные въ военномъ дѣлѣ, иногда заручившись согласіемъ войскового уряда, воплощавшагося теперь въ лицѣ гетмана Хмельницкаго, какъ-бы „заповѣднымъ листомъ“, иногда обходясь и такъ, лишь „съ воли люду“: было не до формальностей. Эти отряды, или „загоны“, въ нѣсколько сотъ, тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, должны были окончательно очистить Украину отъ всего лядскаго и жидовскаго, и, дѣйствительно, очистили ее. Самымъ страшнымъ изъ нихъ, и по размѣрамъ, и по жестокости своего предводителя, былъ, конечно, отрядъ Кривоноса: изъ Кіевщины черезъ Брацлавщину Кривоносъ перенесъ свою дѣятельность на Подолье. Всюду, гдѣ проходилъ Кривоносъ, по слѣдамъ его оставались лишь дымящіяся почернѣлыя развалины и трупы. Тоже въ Кіевщинѣ дѣйствовалъ Харченко Гайжура съ Лысенкомъ Вовгуромъ. На Подольѣ Ганжа и Морозенко стояли во главѣ отряда въ 80000 человѣкъ; а кромѣ того, еще были самостоятельные отряды Остапа Павлюка и Антона. На Волыни пріобрѣли извѣстность, какъ предводители, Колодка, Иванъ Дунецъ, Тыса; на Полѣсьѣ—Гловацкій. Конечно, это были имена лишь главнѣйшихъ предводителей; было рядомъ съ ними и еще многое множество другихъ, второстепенныхъ. Но отмѣчать ихъ имена и дѣянья было некому: шляхтичъ, историкъ или авторъ

мемуаровъ, съ отвращеніемъ записывалъ имя ненавистнаго и презрѣннаго хлопа, лишь вынуждаемый къ тому крайней необходимостью. Укрѣпленные города и мѣстечки одинъ за другимъ падали подъ натискомъ этихъ отрядовъ, на встрѣчу которымъ стремились симпатіи русскихъ мѣщанъ. Ужасы поголовнаго избіенія, которому подверглись нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, напр. Тульчинъ, Немировъ, Полонное, превосходятъ всякое описаніе. Наконецъ взятъ былъ Кривоносомъ и Баръ. Только превосходно укрѣпленный природою Каменецъ-Подольскій остался на всей территоріи Украины одной единственной точкой, гдѣ еще задержалась крупица польско-католической стихіи, которая такъ быстро и вольно разлилась было по Украинѣ. Почти все польское, если не спаслось бѣгствомъ, то погибло; вслѣдъ за нимъ пошли и паны русской крови и православной вѣры, кромѣ тѣхъ, кто вольно или невольно отказался отъ своихъ общественныхъ преимуществъ и „окозачился“, или кто успѣлъ попрятаться по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерскую Лавру; а вмѣстѣ съ панами пострадали и тѣ изъ православныхъ русскихъ, кто не успѣлъ во-время отказаться отъ польскаго культурнаго обычая, забиравшаго силу надъ русскими, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Но высшимъ предметомъ народной ненависти, надъ которымъ она изощряла свою мстительную фантазію, были еврей и католическій монахъ. Доминикане, въ память страшныхъ событій этого года, перемѣнили свой черный поясъ на красный, цвѣта крови. А евреи имѣютъ въ своемъ календарѣ одинъ день, день скорби, напоминающій имъ до сихъ поръ ужасы украинской революціи.

Во всей громадной территоріи Украины нашелся всего только одинъ магнатъ, который прямо несъ свою гордую голову на встрѣчу страшной бурѣ хлопскаго бунта. Это былъ Іеремія Вишневецкій, тотъ легендарный Ярема, самое имя котораго звучало въ ушахъ русскаго населенія, какъ звонъ набатнаго колокола. Съ лѣваго берега Днѣпра, изъ Лубенъ, своей столицы, переправился онъ во главѣ отряда, набраннаго изъ шляхты, сидѣвшей на его земляхъ, обнимавшихъ Полтавскую и значительную часть Черниговской губ., на правый берегъ, прошелъ

Украину поперекъ и сталъ на ея западныхъ границахъ. Онъ пробился черезъ море волнующагося, враждебнаго населенія, отмѣчая свой путь страшными жестокостями: онъ не снисходилъ до переговоровъ съ врагами, до того, чтобы захватывать плѣнныхъ: и парламентеры, и плѣнники одинаково шли на колъ. Его выдающіяся военныя способности и мужество доставили ему рядъ побѣдъ надъ предводителями встрѣчныхъ загоновъ, главнымъ образомъ надъ Кривоносомъ; но въ результатѣ онъ могъ только пробиться, и надо сознаться, что и это было слишкомъ много.

Вотъ приблизительные итоги этого ужаснаго лѣта, этихъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, отъ іюня по августъ, открывшихъ собою кровавую эпопею.

Въ 17 украинскихъ королевщинахъ въ руки русскаго населенія перешло 134 города и мѣстечка, изъ которыхъ половина представляла собою настоящіе замки, затѣмъ 4200 деревень, слободъ, хуторовъ, колонизованныхъ боярами или шляхтой, наконецъ до 2000 млиновъ, составлявшихъ важную статью старостинскихъ доходовъ. Имущественныя потери Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Замойскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, уже не говоря о сотняхъ менѣе важныхъ шляхетскихъ родовъ, вычисляются многими милліонами. Много цѣнностей пошло съ дымомъ или было уничтожено въ слѣпой ярости; но масса драгоцѣнныхъ движимостей захвачена была и населеніемъ. Мѣстная шляхта была очень богата: панскіе дворы полны дорогихъ вещей; подъ самой убогой шляхетской крышей можно было найти какую-нибудь драгоцѣнную вещицу; въ костелахъ множество сосудовъ художественной работы, священныхъ предметовъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугами, рубинами, запасы золота и серебра. Все было расхищено до тла; даже изъ гробовъ выбрасывали трупы, чтобъ снимать съ нихъ драгоцѣнныя вещи.

Одинъ современникъ Альбрехтъ Радзивиллъ опредѣляетъ число людскихъ жертвъ этого времени въ милліонъ головъ. На чемъ основана эта цифра? Какъ велика степень ея достовѣрности? По всей вѣроятности, очень не велика. За болѣе достовѣрныя надо считать извѣстія еврейскихъ писателей-современ-

никовъ, оставившихъ описанія бѣдствій своего народа. По этимъ извѣстіямъ, при взятіи Немирова погибло евреевъ 6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, кромѣ менѣе значительныхъ погромовъ въ Заславлѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавлѣ и т. д., въ общемъ разорено до тла 300 еврейскихъ кагаловъ, считавшихъ до 250000 человѣкъ.

Однимъ словомъ, уже къ августу на территоріи Украины не осталось ни одного еврея, какъ не осталось католическаго священника или монаха, польскаго шляхтича или жолнѣра. Но пострадало и русское населеніе. Татары, какъ тотъ злой духъ восточной сказки, котораго такъ легко было вызвать на помощь и такъ трудно отдѣлаться, не могли удовольствоваться гетманами и 8000 рядовыхъ, которыхъ имъ отдалъ Хмельницкій послѣ Корсунской битвы Подъ предлогомъ готовности на помощь они держались въ предѣлахъ Украины, по среднему Бугу, и распускали свои загоны: захватывая шляхту,— женщины и дѣти всегда доставались имъ при дѣлежѣ добычи съ козаками,—они хватали мимоходомъ и хлоповъ, которые были гораздо многочисленнѣе, и уводили въ Крымъ свой ясыръ. Такова была татарская помощь. Но главная бѣда, которая висѣла надъ русскимъ населеніемъ края и скоро должна была обнаружиться во всѣхъ своихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ,—это была общественная дезорганизація вообще, экономическая въ частности. Населеніе огромной территоріи, сплошь земледѣльческое, въ слѣпомъ увлеченіи побросало въ лѣтніе мѣсяцы свои земли и ушло козаковать; къ каждому болѣе благоразумному и осторожному, кто оставался на мѣстѣ, относились съ презрѣніемъ, если не съ прямымъ недовѣріемъ. Какая бѣда могла быть по своимъ ближайшимъ результатамъ страшнѣе этой?

Какъ относился Хмельницкій къ тому, что творилось на Украинѣ? Все дѣлалось помимо него; но знать-то, конечно, онъ зналъ обо всемъ. Хорошій хозяинъ, онъ едва ли могъ видѣть безъ скорби водворявшееся хозяйственное запустѣніе и разореніе; совсѣмъ не врагъ шляхетской привиллегированности, какъ таковой, онъ не могъ сочувственно относиться къ хлопской завзятости, сносившей все привиллегированное, во что бы то ни

стало: онъ даже давалъ совѣты лично извѣстнымъ ему шляхтичамъ, какъ имъ дѣйствовать, чтобы спастись отъ гибели. Но останавливаться на всемъ этомъ ему было невозможно, некогда: потокъ событій властно уносилъ его, могущественнаго гетмана „Божіей милостью“, хотя со стороны могло казаться, что это именно онъ направляетъ событія—оптическій обманъ, постоянно наблюдаемый въ исторіи, какъ и въ жизни. Пока необходимо было сосредоточить все вниманіе на одномъ: на томъ, какъ дать отпоръ Польшѣ, которая, не смотря на междуцарствіе, спѣшила собрать всѣ свои силы въ видѣ посполитаго рушенья (земскаго ополченія). Но Польшу преслѣдовала ея злая судьба. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, необходимо было выбрать замѣстителей. Повидимому, въ выборѣ этомъ не могло быть колебаній. Все указывало на Іеремію Вишневецкаго, начиная съ того, что онъ былъ самымъ богатѣйшимъ и, слѣдовательно, наиболѣе лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ изъ украинскихъ магнатовъ, кончая той популярностью, доходившей до обожанія, какой онъ пользовался среди военнаго люда. Но варшавская политика рѣшила иначе. Во главѣ войска сталъ тріумвиратъ изъ людей, которые ни каждый порознь, ни, тѣмъ болѣе, всѣ вмѣстѣ совсѣмъ не годились въ полководцы: „перына“, по насмѣшливому выраженію Хмельницкаго, князь Доминикъ Заславскій, толстый бонвиванъ; „латына“ — ученый дипломатъ Остророгъ; „дытына“ — молодой Конецпольскій.

Польское войско сбиралось медленно: но за то оно представляло квинтъ-эссенцію шляхетской Рѣчи Посполитой. Паны точно сговорились сразить презрѣнныхъ хлоповъ видомъ своей роскоши, утонченности, блестящихъ костюмовъ, изысканныхъ принадлежностей бытового комфорта. Медленно шелъ имъ на встрѣчу отъ Бѣлой Церкви Хмельницкій, стягивая къ себѣ по дорогѣ загоны: онъ поджидалъ на помощь татаръ. Враги встрѣтились недалеко отъ Константинова, надъ рѣчкой Пилявой, подъ Пилявцами. Что произошло тамъ? Чѣмъ объяснить это позорное бѣгство поляковъ до битвы лишь подъ вліяніемъ слуха, и то невѣрнаго, о приближающейся татарской ордѣ? Самое внимательное изученіе историческихъ источниковъ, касающихся

этой столь несчастной для поляковъ кампаніи, которая продолжалась всего отъ 11 до 22 сентября, не даетъ никакого разъясненія. Кажется, правильнѣе всего отнести случившееся просто къ „панфобіи“, нервной заразѣ, случаи которой еще не разъ и потомъ проявлялись между поляками въ ихъ столкновеніяхъ съ украинскимъ народомъ. Пилявецкія „донативы“ (подарки) долго обращались потомъ по Украинѣ: драгоцѣнности продавались мѣшками за баснословно дешевыя цѣны, хлопы ѣли съ серебряныхъ тарелокъ...

Безъ малѣйшаго препятствія войска Хмельницкаго очутились подъ богатымъ Львовомъ, который откупился отъ осады деньгами, потомъ подъ Замостьемъ. Передъ украинскими хлопами лежала совершенно открытою Польша. Волна народной ненависти, которая донесла Хмельницкаго до Замостья, толкала его и дальше, въ глубь края; но эту волну перерѣзало сильное теченіе, царившее въ умахъ болѣе вліятельной части козачества и къ которому примыкалъ цѣликомъ самъ Хмельницкій. Нельзя порывать съ Польшей, такъ думали люди этого настроенія, чтобъ не попасть изъ огня да въ полымя: надо лишь пользоваться моментомъ, чтобы обезпечить Украинѣ тѣ права, въ которыхъ Польша ей отказывала. И вотъ Хмельницкій, стоя на территоріи беззащитной Польши, не только не предпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, постоянно увѣряетъ Варшаву, что онъ ждетъ только конца междуцарствія, ждетъ, съ полной вѣрой въ его правосудіе, новаго государя, чтобъ поступить согласно его волѣ, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному его королевской милости.

Между нѣсколькими кандидатами на польскій престолъ взялъ верхъ, согласно категорически выраженнымъ желаніямъ козачества, Янъ-Казиміръ, и Хмельницкій тотчасъ же отступилъ на Украину, чтобъ на мѣстѣ ждать прибытія коммиссіи, которую назначитъ король для урегулированія новыхъ отношеній Украины къ Польшѣ.

Коммиссія была снаряжена, съ Киселемъ во главѣ, Брацлавскимъ воеводой, магнатомъ русскаго рода и православной вѣры. Они пріѣхали на Поднѣпровье, въ Переяславль, въ на-

чалѣ 49-го года, послѣ торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ: въѣздомъ этимъ и Кіевъ какъ бы получилъ формальное подтвержденіе своихъ старыхъ правъ на званіе столицы православной Украины, и Хмельницкій утверждался всенароднымъ признаніемъ, освященнымъ церковію, во главѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, въ званіи украинскаго монарха, „illustrissimo principi". Сосѣднія державы признавали его за такового монарха, посылая къ нему пословъ. Дѣло украинскаго народа и его вождя своимъ необычайно быстрымъ успѣхомъ было разомъ вознесено на головокружительную высоту. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать польской коммиссіи, которая пріѣхала улаживать взаимныя отношенія на тѣхъ основаніяхъ, какія казались единственно возможными польскимъ кролевятамъ: не смотря на все случившееся, они допускали лишь нѣкоторыя уступки, но никакъ не радикальное измѣненіе отношеній. Да и какая дипломатія возможна была въ этой атмосферѣ, насыщенной жгучей ненавистью, въ какую попали коммиссары, какъ только вступили на почву Украины? Подъ сильной военной охраной прибыли они въ Переяславль; втеченіе десяти дней ихъ пребыванія здѣсь имъ ежечасно, ежеминутно грозила смерть отъ разъяренной толпы. На предложенія свои они слышали въ отвѣтъ лишь грозный окрикъ: „мовчить ляхи!" И, наконецъ, когда великодушно рѣшившись пожертвовать для несчастныхъ соотечественниковъ своей панской гордостью, они дошли до смиренныхъ просьбъ объ отпускѣ польскихъ плѣнныхъ, которыхъ было захвачено множество послѣ первыхъ битвъ и взятія Кодацкаго замка, они съ горечью увидѣли, что и смиреніе ихъ нисколько не трогаетъ торжествующаго врага. Коммиссія отложена была до Троицыной недѣли, „до травы"; но, очевидно, трава нужна была не для дипломатическихъ переговоровъ, а для военнаго похода. Слишкомъ отчетливо чувствовалось всѣми, что еще не наступилъ моментъ, когда можно что-нибудь рѣшать переговорами. Пришла новая весна, и украинскій народъ снова поголовно взялся не за плуги и рала, а за пики и рушницы: Хмельницкій сзывалъ народное ополченіе, а на помощь къ нему шелъ Крымскій ханъ. Въ то же время польское

войско, верховнымъ предводителемъ котораго считался самъ король, уже было на готовѣ, и какъ только на Волыни снова появились загоны, оно вступило, чтобъ разгонять ихъ: нѣкоторые города перешли назадъ въ руки поляковъ, въ томъ числѣ Баръ.

Непріятельскія силы встрѣтились снова на той же территоріи, что и въ предъидущемъ году. Осада Збаража, обложеннаго войсками Хмельницкаго и крымцами, такъ героически выдержанная поляками, которыхъ воодушевлялъ Іеремія Вишневецкій, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ польской исторіи; но подъ Зборовымъ, гдѣ украинско-татарское войско встрѣтило польскую армію, спѣшившую подъ предводительствомъ самого короля на выручку Збаража, опять чуть было не повторилась таже картина безудержнаго бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха. Результатомъ пораженія былъ Зборовскій мирный договоръ, заключенный нѣсколько поспѣшно подъ давленіемъ татаръ и представлявшій собою попытку разрубить положеніе, которое нельзя было распутать.

И такъ, Зборовскій договоръ, составленный и утвержденный подписью Яна-Казиміра въ августѣ 1649 г., характеризуетъ собою моментъ нѣкотораго временнаго затишья, втеченіе котораго дѣлаются попытки къ упорядоченію отношеній, къ выведенію ихъ изъ хаотическаго состоянія.

Польша признала козацкую Украину, въ предѣлахъ которой прекращало свое дѣйствіе польское право. Предѣлы эти отмѣчены были не тѣсно: съ запада—Горынь, Случъ и Днѣстръ до Ягорлыка; съ сѣвера—Припять, Днѣпръ по Деснѣ и Ипути, а съ востока и юга нечего было и ограничивать—просто до Московіи и Татаръ. Въ предѣлахъ этой территоріи, которой хватило бы на перворазрядное европейское государство, Украина дѣлилась на 16 полковъ, которые назывались по главнымъ городамъ (на правомъ берегу было 9 полковъ), а полки дѣлились на сотни и пользовались полной автономіей. Всего козацкаго войска, расположеннаго на этой территоріи, вписаннаго въ реестры, полагалось Зборовскимъ договоромъ 40000; но еслибъ эта цифра и соблюдалась, то все-таки она включала въ себѣ значительную массу населенія. Каждый реестровецъ втягивалъ въ

привиллегированный классъ всѣхъ своихъ родственниковъ, затѣмъ онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, или замѣстителей, пѣшаго и коннаго, которые вмѣстѣ съ своими роднями тоже входили въ составъ козачества. Но Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими русскими, ясно видѣлъ, какъ страшно трудно разбить всю возставшую и „окозачившуюся“ массу украинскаго народа, сбросившую съ себя всѣ старыя обязательства, снова на козаковъ и хлоповъ, то-есть какъ-никакъ, а все-таки на привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ. Однако миръ съ Польшей внѣ этого условія не былъ возможенъ; да едва-ли и самъ Хмельницкій думалъ, что осуществимъ иной общественный строй, исключающій такое раздѣленіе. И вотъ, чтобы облегчить переходное состояніе, онъ подъ-рукой еще устроилъ двадцать тысячъ резервнаго войска, которымъ предводительствовалъ его старшій сынъ, а тамъ, гдѣ видѣлъ сильное броженіе и недовольство, разрѣшалъ формировать сверхъ того и „охочіе“ полки. Но часть населенія все-таки должна была оставаться внѣ козачества, слѣдовательно, въ хлопствѣ; а главное—въ силу Зборовскаго договора паны могли возвратиться на свои земли. Какая часть населенія оставалась въ распоряженіи пановъ, возвращавшихся по приглашенію Хмельницкаго, видно, напр., хотя бы изъ сохранившихся книгъ гродскихъ земскихъ и поточныхъ житомірскаго повѣта за 1650 г., въ которыхъ оставшіеся на мѣстахъ подданные давали подъ присягой показанія, что въ панскихъ волостяхъ почти нѣтъ людей; что изъ ста хать едва остается 2—4 жилыхъ. О томъ, чтобы вернуть старыя права надъ подданными, панщины, произвольные поборы и т. п., которые водворялись было уже передъ Хмельнищиной на земляхъ стараго заселенія, паны не могли и мечтать пока: слава Богу, если хлопы соглашались платить десятину, да и той нелегко было добиться. А между тѣмъ народъ былъ крайне ожесточенъ уже однимъ появленіемъ польскихъ пановъ, съ которыми онъ надѣялся раздѣлаться на всегда: шляхта же, подъ личиной вынужденнаго смиренія, таила озлобленное недовѣріе и страхъ къ своимъ подданнымъ. Положеніе было крайне напряженное, которое не могло затянуться на долго. Въ то время начали ощущаться всѣ ужасы

голода. Уже два года, какъ поля были заброшены, старые запасы истощились, торговый подвозъ со стороны Московіи не могъ удовлетворить нуждъ такой большой территоріи, да у массы населенія не было и средствъ для покупки, такъ какъ все пріобрѣтенное при первомъ разграбленіи шляхетскаго добра и пилявицкая добыча—все успѣло разойтись въ два нерабочихъ года. Народъ выкапывалъ и ѣлъ коренья, ѣлъ листья, пухъ съ голоду и умиралъ во множествѣ по улицамъ и дорогамъ; ежедневно толпы тащились со всѣхъ сторонъ по направленію къ Заднѣпровью, надѣясь тамъ найти пищу. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ всюду по Украинѣ бродилъ страшный призракъ голодной смерти; Кіевщина, Волынь, Подолье пустѣли. Въ томительной атмосферѣ этого народнаго бѣдствія зловѣщимъ шепотомъ передавались разсказы о женщинѣ, которая съѣла своихъ родныхъ дѣтей, о другой, которая заманивала къ себѣ гостей, чтобы изъ мяса ихъ приготовлять обѣдъ своимъ домашнимъ... А рука объ руку съ голодомъ появились, какъ всегда, тяжелыя повальныя болѣзни, которыя какъ бы свили себѣ съ тѣхъ поръ постоянное гнѣздо на Украинѣ на долгіе годы: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргрода и далѣе къ Блацлавлю“, пишетъ одинъ современникъ. Мерзость запустѣнія начала водворяться въ краѣ, еще такъ недавно плѣнявшемъ своей цвѣтущей красотой; вмѣсто пѣнія птицъ слышенъ былъ лишь вой собакъ и волковъ, которые такъ разлакомились человѣческимъ мясомъ, что кидались на каждаго неосторожнаго, и жалобно выли, если не находили себѣ добычи... При такихъ-то обстоятельствахъ должны были водвориться на Украинѣ новые порядки, вытекавшіе изъ условій Зборовскаго договора.

А Польша между тѣмъ уже давно перестала презрительно трактовать украинскія дѣла, какъ простыя своеволія презрѣнной черни. Хлопъ превратился въ козака, а козакъ принялъ образъ какой-то многоголовой гидры, посягающей на самое существованіе шляхетской Рѣчи-Посполитой. И въ самомъ дѣлѣ, почти на всемъ пространствѣ государства шляхта чувствовала подъ своими ногами подземные толчки, сотрясающіе ту хлопскую

почву, на которой опиралось ея существованіе; на Литвѣ и въ Галиціи уже были хлопскіе бунты; отдѣльные загоны переходили изъ Волыни на территорію Польши: а что если и всюду изъ нѣдръ хлопства вылупится козакъ, и тотъ или иной Хмельницкій поведетъ чернь на шляхту? Зборовскій миръ не могъ успокоить этихъ опасеній; напротивъ, эта козацкая гидра получила свое законное логовище, откуда ей тѣмъ удобнѣе будетъ замышлять свои ковы на шляхетскую Польшу. Съ другой стороны, хотя Зборовскій договоръ и возвратилъ шляхтѣ ея права на земельную собственность въ предѣлахъ козацкой Украины, но пока эти права были совершенно фиктивными, а будущее... о какомъ свѣтломъ будущемъ подъ козацкимъ режимомъ могла мечтать шляхта? Всѣ же мечты, обширные планы и далекіе виды магнатовъ на захватъ и колонизацію новыхъ земельныхъ районовъ разлетались окончательно. Неудовольствіе было общее и крайнее. Тревожное настроеніе, въ которомъ раздраженіе мѣшалось со страхомъ, страхъ съ надеждой, все это питало легковѣріе во всѣхъ его видахъ. Слухи о всевозможныхъ ужасахъ ходили, какъ достовѣрныя извѣстія объ украинскихъ событіяхъ; разсказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ и чудесахъ не возбуждали никакого скептицизма, такъ какъ не могъ же божественный промыселъ безучастно относиться къ такому нарушенію предопредѣленнаго имъ порядка. Въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ, всѣ въ бѣлыхъ саванахъ и съ воплями: „отомсти, Боже нашъ, кровь нашу“! Въ Дубнѣ три распятія, обращенныя на востокъ, сами обернулись на своихъ подставахъ къ западу, т. е. отвернулись отъ козаковъ. Въ Сокалѣ Божія Матерь сама обѣщала монаху побѣду. Даже въ Крыму были небесныя знаменія, которыя, по словамъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, ханскіе знахари толковали, какъ обѣщающія побѣду поляковъ надъ козаками. Въ августѣ вернулся изъ плѣна польскій гетманъ Конецпольскій со страстной ненавистью къ козакамъ, со страстной жаждой отомстить имъ и тѣмъ смыть свой позоръ. Тотчасъ же вступилъ онъ въ исправленіе своихъ обязанностей и въ главѣ кварцянаго войска залегъ на Подольѣ, съ нетерпѣніемъ

выжидая случая, чтобъ вмѣшаться въ украинскія дѣла. Случай тотчасъ же дали пограничные споры: Подольскіе хлопы не хотѣли признавать границъ, поставленныхъ Зборовскимъ договоромъ, такъ какъ онѣ оказались внѣ козацкой Украины, и Брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ шляхетской Польши, не только набиралъ въ козаки изъ мѣстностей, лежащихъ внѣ указанныхъ предѣловъ, но и занялъ нѣкоторые пункты, не отходившіе къ козакамъ по договору.

Въ самомъ началѣ 1651 г. Калиновскій занялъ безъ сопротивленія Подольскіе замки Ямполь, Шарогродъ, Мурафу. Только въ Красномъ, гдѣ находился самъ Нечай, встрѣтилъ онъ отпоръ. Двое сутокъ обороняли козаки замокъ, и когда, наконецъ, враги ворвались, то въ одной изъ замковыхъ свѣтлицъ они нашли тѣло Нечая: у изголовья горѣли восковыя свѣчи, дьякъ читалъ надъ покойникомъ, а кругомъ молились его близкіе. Но таково было всеобщее ожесточеніе тѣхъ ужасныхъ временъ, что даже и этотъ торжественный видъ уже поконченныхъ счетовъ съ жизнью, не удержалъ жолнѣровъ. Всѣ присутствующіе были убиты; тѣло брошено на поруганіе. Надо отдать справедливость Калиновскому: онъ былъ сильно возмущенъ такимъ святотатствомъ. Подобные эпизоды глубоко западаютъ въ народную память; вѣроятно, благодаря этому имя и образъ Нечая, очень далекій, повидимому, отъ его реальныхъ чертъ, перешли и въ украинскія думы, и въ польскую поэзію. И такъ, польское войско захватило часть края, находившагося въ козацкихъ рукахъ, и теперь, ободренное успѣхомъ и обремененное провіантомъ и цѣнной добычей, двигалось вглубь „Бужскаго козачества“, прямо на Винницу, гдѣ заперся съ горстью козаковъ полковникъ Богунъ.

Изъ восьмидесяти дѣятелей, имена которыхъ дошли до насъ отъ перваго десятилѣтія Хмельнищины, Богунъ есть несомнѣнно самый замѣчательный. Умъ и энергія въ связи съ выдающимися военными способностями и большой независимостью характера отмѣчаютъ всѣ его дѣйствія; онъ никогда не запятналъ себя безцѣльной жестокостью, а, главное, въ его поступкахъ всегда ощущается присутствіе идеальныхъ мотивовъ, которыхъ какъ бы

не достаетъ иногда самому Хмельницкому. Въ столкновеніи подъ Винницей съ Калиновскимъ, къ которому пришелъ на помощь Брацлавскій воевода Ланцкоронскій, Богунъ въ первый разъ выступилъ на историческую сцену и выступилъ блестяще. Вытѣсненный изъ города и изъ замка, Богунъ со своей горстью держался въ монастырѣ, на надбрежной скалѣ. Безпрестанныя вылазки, фигли, на придумываніе которыхъ Богунъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ, сдѣлали то, что поляки рѣшились отступить, такъ какъ понесли большія потери. Но тутъ опять повторилось съ польскимъ войскомъ старое несчастіе: разнесся слухъ о томъ, что на помощь Богуну идетъ Хмельницкій съ татарами, и войско разбѣжалось въ паническомъ страхѣ, побросавъ всю свою добычу. Крайне изнуренные козаки Богуна даже не имѣли силъ преслѣдовать бѣглецовъ. Съ этихъ поръ Богунъ выступаетъ, какъ Брацлавскій полковникъ, т. е. предводитель Бужскаго козачества, глава всего Побужья.

Такимъ образомъ еще не наступила весна 1651 г., а уже на югѣ Украины открылись военныя дѣйствія. Но пока обѣ стороны дѣлали видъ, что принимаютъ все происходящее за частное столкновеніе, а сами энергично готовились къ войнѣ. Паны, только что начинавшіе устраиваться въ своихъ имѣніяхъ, снова спасались поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ Польшѣ сбиралось посполитое рушенье: шляхта шла съ необычайной готовностью, съ религіознымъ подъемомъ настроенія, самъ король предводительствовалъ войскомъ. И въ лагерѣ Хмельницкаго не было недостатка въ готовности, но былъ недостатокъ въ единодушіи. Прежде всего, русскіе горькимъ опытомъ убѣдились, какъ тяжело приходилось расплачиваться за помощь татаръ, которые опять пришли къ Хмельницкому съ ханомъ; а главное самъ украинскій народъ раскололся на козака и хлопа и чувствовалъ это.

Битва дана была „пидъ мистечкомъ та пидъ Берестечкомъ“, по словамъ украинской думы, на р. Стыри, въ іюнѣ. Это было первое и страшное пораженіе, которое нанесли поляки Хмельницкому. Причиной пораженія были татары. Ханъ Исламъ-Гирей явился на помощь козакамъ противъ воли, подъ давленіемъ

Турціи, которая разсчитывала пріобрѣсти протекторатъ надъ Украиной. Татары не только покинули украинцевъ въ критическую минуту, но захватили съ собой насильно Хмельницкаго, и такимъ образомъ украинское войско осталось безъ вождя. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ. Огромный украинскій таборъ, окопанный валами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой примыкавшій къ болоту, заключалъ въ себѣ до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей, стариковъ и духовенства. Изъ числа военнаго люду едва одна пятая состояла изъ реестровыхъ козаковъ; остальное — хлопы, хотя и подѣленные Хмельницкимъ на отряды и пристроенные къ полкамъ, но недисциплинированные, плохо вооруженные, а то и совсѣмъ безоружные. Въ этой пестрой массѣ, предоставленной въ крайне опасный моментъ самой себѣ, наступило разложеніе. Ярко вспыхнуло недовѣріе хлопа къ козаку; чернь подозрѣвала, что старшина выдастъ ее на жертву врагу; явилось нѣсколько партій, которыя боролись одна съ другой; духовенство, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли миротворца, усиливало своимъ вмѣшательствомъ раздоры. Богунъ, который выбранъ былъ массой изъ числа прочихъ семнадцати старшинъ какъ бы въ наказные гетманы, нѣсколько времени спасалъ положеніе своей необыкновенной энергіей: поддерживалъ кой-какой порядокъ внутри лагеря, дѣлалъ удачныя вылазки изъ табора, велъ переговоры съ королемъ и разсылалъ шпіоновъ за вѣстями о Хмельницкомъ, относительно судьбы котораго никто ничего не зналъ въ таборѣ. День и ночь не сходилъ онъ съ коня, пользовался каждой оплошностью врага, былъ всѣмъ—и вождемъ, и начальникомъ штаба, и инженеромъ. Но положеніе было слишкомъ трудно, и тянуть его дѣлалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ польскому войску подвезли большія пушки, которыя громили таборъ. Надо было уходить. Богунъ подготовилъ уходъ, перекинулъ мостъ черезъ рѣчку и плотину черезъ болото, которая намощена была изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, человѣческихъ труповъ. Все это онъ устроилъ втихомолку, втихомолку ночью и выбралась часть войска изъ лагеря. Но вдругъ хлопскую массу обхватила па-

нікa, въ основаніи которой лежалъ слухъ, что старшина съ козаками ее кидаетъ: народъ разомъ бросился на переправу, давили другъ друга, топили плотину и сами тонули въ болотѣ. Напрасно Богунъ, вернувшись на-встрѣчу, убѣждалъ и уговаривалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Тогда онъ прорвался съ своими козаками черезъ польскій отрядъ, заступившій дорогу, и ушелъ въ степь; за нимъ послѣдовали и другіе козацкіе старшины; хлопская масса въ самомъ дѣлѣ осталась „на мясныя ятки“. Двѣсти человѣкъ засѣли на болотной кочковинѣ и рѣшились защищаться до послѣдняго. Гетманъ, видя ихъ отчаянную рѣшимость, заявилъ, что оставляетъ имъ жизнь, но они не приняли милости, въ знакъ своей рѣшимости, въ виду войска, побросали въ воду всѣ свои деньги, а потомъ опять взялись за самопалы. Конница не могла съ ними ничего подѣлать; послали пѣхоту, которая оттѣснила ихъ въ болото. Но и здѣсь, стоя по поясъ въ болотѣ, они защищались отчаянно. Наконецъ, остался одинъ, но и тотъ не принялъ пощады, а держался нѣсколько часовъ, пока какому-то мазуру неудалось достать его и зарубить косой. Это изъ польскихъ разсказовъ о хлопской „завзятости“.

Такимъ образомъ къ концу лѣта 1651 г. положеніе Украины было критическое. Украинское войско все разсыпалось или истреблено, а между тѣмъ гетманы Потоцкій и Калиновскій съ своими жолнѣрами двигаются въ глубь края; съ сѣвера же идетъ имъ на встрѣчу съ литовскими войсками Радзивиллъ, который перешелъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый и уже взялъ Кіевъ. Правда, урожай этого лѣта предохранялъ населеніе отъ голодной смерти; но эпидеміи свирѣпствовали по-прежнему, а, можетъ быть, и сильнѣе прежняго, благодаря новому побоищу. А, главное, водворялась анархія въ народномъ настроеніи. Хотя Хмельницкій вернулся на Украину, откупившись отъ своего союзника, хана, но не вернулась съ нимъ та сила обаянія, какою онъ держалъ въ рукахъ украинскій народъ. Масса волновалась, приписывала Хмельницкому вину пораженія подъ Берестечкомъ, сбиралась черная (общенародная) рада на Масловомъ ставу и требовала, чтобъ гетманъ далъ на ней отчетъ въ

своемъ поведеніи; выдвигались другіе кандидаты на гетманство; внутренній расколъ и взаимное недовѣріе росли. Если прибавить къ этому, что Хмельницкій только что пережилъ тяжелую семейную драму, которая кончилась позорной казнью его молодой жены, бывшей подстаростины Чаплинской, и потерялъ въ военныхъ стычкахъ своихъ лучшихъ друзей, между прочимъ и Тугай-бея, то можно смѣло сказать, что едва-ли онъ переживалъ въ своей жизни болѣе тяжелыя, болѣе критическія минуты, чѣмъ теперь. И то, что онъ не потерялся въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, лучше всего доказываетъ, что онъ не былъ простымъ человѣкомъ случая. Одновременно устраиваетъ онъ свои семейныя и общественныя дѣла: вступаетъ въ третій бракъ съ немолодой уже вдовой Анной Филипповой, сестрой двухъ полковниковъ, корсунскаго и нѣжинскаго, братьевъ Золотаренокъ, подпираетъ какъ-то свою расшатавшуюся власть и ведетъ энергично съ поляками переговоры о новомъ мирѣ. Сопротивляться войскамъ, коронному и литовскому, которыя соединились въ глубинѣ Украины, подъ Васильковымъ, при такихъ обстоятельствахъ было прямой невозможностью. Надо было купить миръ какой-бы то ни было цѣной, лишь бы выиграть время. А будущее еще могло представить всякія возможности: недаромъ судьба убрала съ дороги какъ разъ въ такое тяжелое время самаго ожесточеннаго и самаго опаснаго врага украинскаго народа, Іеремію Вишневецкаго, который умеръ внезапно въ Паволочи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, повидимому, отъ холеры.

Конечно, поляки также сильно желали мира: и въ ихъ войскахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни.

Коммиссія, по прежнему съ Киселемъ во главѣ, прибыла въ Бѣлую Церковь, въ то время главный военный украинскій станъ. Этотъ форпостъ, выдвинутый въ дикую степь, превратился какъ бы въ огромный городъ: здѣсь кишѣла масса хлопства, стянутаго со всей козацкой Украины до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ, и посреди этой массы, коекакъ справляясь съ нею, дѣйствовала козацкая старшина. Хлопство не хотѣло слышать ни о какихъ коммиссарахъ, ни о какихъ соглашеніяхъ: конечно, теперь оно хорошо понимало, что

всякое соглашеніе кончится для него неизбѣжно панщиной. „Съ ума вы посходили, паны, что-ли"!—такъ привѣтствовалъ коммиссаровъ войсковой писарь Выговскій, „что пріѣхали въ огонь, къ хлопамъ? И мы, защищая васъ, пропадемъ"...

Пропасть старшина не пропала; но она, съ Хмельницкимъ во главѣ, должна была привести въ дѣйствіе всѣ свои силы, всю энергію, чтобъ уберечь коммиссаровъ отъ толпы. Разбивали хлопскіе черепа, снимали съ плечъ хлопскія головы, чтобы удержать чернь отъ штурма замка, гдѣ укрывались коммиссары; при появленіи поляковъ на улицѣ, надъ ними ругались, грозили, бросали камнями, пускали стрѣлы. И хотя въ концѣ концовъ ихъ отпустили живыми, но за то отняли все, что у нихъ было съ собой—деньги и драгоцѣнности, коней и шатры. Тѣмъ не менѣе Бѣлоцерковскій миръ былъ заключенъ: число реестровыхъ уменьшено до двадцати тысячъ, границы козацкой Украины съужены до предѣловъ одного Кіевскаго воеводства. Въ октябрѣ войско оставило Украину, что собственно только и было нужно Хмельницкому. О соблюденіи условій мира онъ не думалъ: да и можно ли было думать объ этомъ? Къ тому же и сама Польша дала на то формальное право: тотъ сеймъ, на которомъ должно было состояться утвержденіе договора, былъ сорванъ, и такимъ образомъ Бѣлоцерковскій договоръ не получилъ юридической силы.

Если Хмельницкій еще недавно допускалъ, что возможенъ modus vivendi между Украиной и Польшей, то теперь уже онъ не думалъ этого. Являлась неизбѣжной какая-нибудь иная политическая комбинація. Двѣ комбинаціи навязывались положеніемъ: одна—протекторатъ Турціи, другая—Московскаго государства. Обѣ, при положительныхъ сторонахъ, представляли и много отрицательныхъ. Выборъ былъ не легокъ, гетманъ колебался. Но, колеблясь, онъ поддерживалъ съ Москвой и Константинополемъ самыя тѣсныя отношенія, подготовляя свой послѣдній шагъ, но не рѣшаясь его сдѣлать ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ то же время онъ держалъ по отношенію къ Польшѣ видъ вѣрноподданнической покорности и соблюденія поставленнаго договора. Но этимъ видомъ онъ пользовался лишь

для проведенія своихъ собственныхъ цѣлей. Поляки требовали приведенія въ исполненіе условій Бѣлоцерковскаго договора: гетманъ на-встрѣчу ихъ требованіямъ слалъ жалобы, что такіе-то и такіе-то бунтовщики и вожаки своевольной черни не даютъ ему, гетману, несмотря на всѣ желанія, приводить въ исполненіе постановленныя условія. А на Украинѣ, дѣйствительно, появлялись отдѣльныя лица, которыя воплощали въ себѣ народное недовольство положеніемъ дѣлъ вообще, Хмельницкимъ въ частности. Согласно заявленіямъ Хмельницкаго, поляки послали на Украину судную коммиссію, и такимъ образомъ гетманъ, при помощи ихъ и до нѣкоторой степени на ихъ счетъ, раздѣлывался съ вожаками недовольныхъ. На украинскихъ рынкахъ катились головы враговъ гетмана; терроръ сдерживалъ нѣсколько проявленія недовольства; но положеніе дѣлъ не улучшалось. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже пришелъ къ убѣжденію, что положеніе, плохое въ настоящемъ, ничего не обѣщаетъ и въ ближайшемъ будущемъ, и двинулся за Днѣпръ. Втеченіе года, слѣдующаго за Бѣлоцерковскимъ миромъ, масса жителей Поднѣстровья и Побужья ушла и осѣла на берегахъ Донца, Удая, Коломака, Харькова: росла Украина Слободская, и пустѣла настоящая, исконная.

Но разыгрывая передъ поляками видъ покорности, Хмельницкій подъ рукой приводилъ въ исполненіе свои планы. Очереднымъ изъ этихъ плановъ, состоявшимъ, вѣроятно, въ связи съ турецкимъ протекторатомъ, было соединеніе Молдавіи съ Украиной путемъ брака старшаго сына Тимоша съ Розандой, дочерью господаря Лупулла. Ни Лупуллъ не хотѣлъ этого брака, ни Польша, его союзница. Калиновскій, послѣ бѣлоцерковскаго мира, стоялъ съ кварцянымъ войскомъ на Побужьѣ и рѣшилъ ни за что не пропускать сватовъ въ Молдавію. Для этой цѣли онъ расположился на берегу рѣки Буга, недалеко отъ Ладыжина у горы Батоги, а въ его войско собрался цвѣтъ польскаго рыцарства. Хмельницкій дѣлалъ видъ, что не принимаетъ ни въ чемъ участія, предупреждалъ Калиновскаго о сыновней затѣѣ, а на самомъ дѣлѣ пригласилъ на помощь татаръ и самъ организовалъ предпріятіе, и организовалъ такъ удачно, что польское

войско было окружено и потерпѣло ужасное пораженіе, самъ гетманъ Калиновскій убитъ. Дѣло было въ концѣ мая 1652 года. Тимошъ побѣдоносно прошелъ въ Молдавію, и Лупуллъ теперь желалъ только одного: какъ-бы поскорѣе удовлетворить сватовъ. Розанда, утонченная красавица, сдѣлалась женой простака Тимоша. Теперь поляки ясно увидѣли, какъ двусмысленна была относительно ихъ политика „хлопскаго гетмана“. Только что наступилъ новый 1653 г.; еще стояла зима, и потому никто не ожидалъ нападенія, какъ на Украину обрушился во главѣ десяти тысячъ кварцянаго войска Стефанъ Чарнецкій, коронный обозный, человѣкъ необыкновенной энергіи, большой опытности „въ козацкихъ фортеляхъ“, которымъ онъ обучился у самихъ козаковъ, и нечеловѣческой жестокости: укрощать грозой, топить хлопскій бунтъ въ хлопской крови—только этимъ онъ и руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ оставлялъ за собой пустыню, полную развалинъ и пепелищъ, страшную той тишиной, въ которой еще какъ-бы звучали предсмертные стоны замученныхъ людей. О жестокости козаковъ сохранилось много ужасающихъ свидѣтельствъ; но и этихъ козаковъ поражалъ Чарнецкій своей безчеловѣчностью. Не находили оправданій для дѣйствій короннаго обознаго и его соотечественники, какъ они ни были озлоблены противъ украинскаго народа. Въ Погребище Чарнецкій ворвался во время ярмарки, когда тамъ собралось множество народу: онъ вырѣзалъ всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей. Къ счастію, его успѣлъ задержать въ его страшномъ движеніи Богунъ: въ битвѣ подъ Монастырищемъ и самъ коронный обозный былъ опасно раненъ, и войско его все разсыпалось. Такимъ образомъ, вся эта военная экспедиція оставила лишь впечатлѣніе ужасовъ, которые произвелъ Чарнецкій: но терроризировать украинское населеніе было нелегкой, и можно сказать, даже неисполнимой задачей.

Теперь поляки сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы мѣшать Хмельницкому въ его Молдавской политикѣ. Тимошъ, отвезя молодую жену на Украину, возвратился съ козаками въ Молдавію и, конечно, руководясь отцовскими планами,

затѣялъ войну съ Валахіей. Но предпріятіе оказалось неудачнымъ, валашскій господарь соединился съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, получилъ помощь отъ поляковъ; Лупуллъ былъ свергнутъ съ престола, а потомъ и Тимошъ умеръ отъ раны, полученной имъ въ то время, какъ враги осаждали Сочаву, гдѣ онъ заперся. Хмельницкій не успѣлъ во-время придти на помощь. Вся молдавская политика кончилась ничѣмъ, или, точнѣе сказать, тяжелой потерей, смертью сына. Тѣмъ самимъ сошла со сцены и мысль о турецкомъ протекторатѣ. А между тѣмъ осенью, когда со смертью Тимоша пришли къ окончательной развязкѣ Молдавскія дѣла, польскій король самъ явился во главѣ войска на Поднѣстровье. На Поднѣстровьѣ же стоялъ и Хмельницкій, къ которому опять пришелъ на помощь татарскій ханъ. Но этотъ такъ называемый Жванецкій походъ обошелся безъ всякаго серьезнаго столкновенія воюющихъ сторонъ: Хмельницкій благоразумно предоставилъ полякамъ сражаться съ стихійными невзгодами: осенними ливнями, холодомъ, недостаткомъ крова и провіанта. Жолнѣры начали бунтовать и разбѣгаться. Состоялся, по настоянію татаръ, Жванецкій миръ. Условія его были, какъ бы и выгодны для украинскаго народа: имъ возвращался въ свою силу Зборовскій договоръ. Но въ числѣ этихъ условій было одно, позорное и для поляковъ, и для украинцевъ: татары выговорили себѣ право распустить свои загоны по Украинѣ, чтобъ набрать себѣ ясыръ въ видѣ контрибуціи. Еще лишній разъ видѣла Украина, какихъ союзниковъ имѣетъ она въ татарахъ. Однако кое-кто на Украинѣ уже зналъ, что гетманъ рѣшился, что послѣдній шагъ уже сдѣланъ, хотя пока еще и держится въ тайнѣ: Украина порываетъ съ Польшей и поступаетъ подъ протекторатъ Московскаго государства.

8 января 1654 г. состоялась Переяславская рада, которая дала окончательную санкцію уже заключенному договору; жизнь украинскаго народа пробивала себѣ новое историческое русло. Договоромъ этимъ количество войска запорожскаго опредѣлялось въ 60 000, а за Украиной обезпечивалась полная свобода суда и самоуправленія.

Рѣшеніе Переяславской рады соединиться съ Москвой не было выраженіемъ единодушной воли, единодушнаго согласія всего украинскаго народа. Высшее кіевское духовенство встрѣтило рѣшеніе съ тревогой и сомнѣніемъ; многіе принесли присягу, но вопреки своимъ убѣжденіямъ; были и такіе, что совсѣмъ отказались отъ присяги, напр. Сирко, позже знаменитый кошевой запорожскій, и брацлавскій полковникъ Богунъ. Но какъ-ни-какъ, а рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и логическія его послѣдствія наступили. Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ: одно московское войско двинулось на Литву, другое на Украину. Когда поляки узнали объ оппозиціи Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надѣясь такимъ образомъ удержать за собой Побужье, если не всю правобережную Украину. Богунъ велъ переговоры, затягивалъ ихъ, но это было съ его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богунъ не хотѣлъ московскаго протектората, то еще гораздо меньше хотѣлъ возвращенія къ Польшѣ. Наконецъ, и поляки увидѣли, что здѣсь имъ не на что надѣяться. Переговоры съ Крымомъ тоже затягивались. Хотя ханъ, въ виду соединенія Хмельницкаго съ Москвой, теперь становился естественнымъ союзникомъ Польши, но только къ осени поляки могли добиться высылки на помощь татарскаго войска, и то на тяжелыхъ условіяхъ: татарамъ отдавался на зимовье весь край между Днѣстромъ и Бугомъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ гарнизонъ былъ на половину польскій, на половину татарскій, чтобы рядомъ съ гетманомъ былъ султанъ-калга, рядомъ съ полковниками мурзы.

Лишь въ концѣ октября коронныя войска стали подъ Шарогродомъ, „украинскими воротами“, и принялись очищать Поднѣстровье. Въ авангардѣ снова шелъ свирѣпый Чарнецкій. Отпоръ встрѣтили въ Бушѣ. Заброшенная у сліянія рѣчекъ Морафы и Буши, окруженная скалами, Буша была столицею „левенцовъ“, или подольскихъ самозванныхъ козаковъ. Они были вытѣснены изъ Могилева и засѣли здѣсь. Всего укрывалось здѣсь до 16000 человѣкъ; однѣхъ женъ козацкихъ было тысячъ шесть. Взятіе Буши Чарнецкимъ принадлежитъ къ числу

самыхъ ужасныхъ эпизодовъ всей этой ужасной эпохи. Жители сами зажигали свои дома и умерщвляли себя; женщины кидались съ дѣтьми въ пламя или кидали дѣтей въ колодцы, бросались сами вслѣдъ. Жена сотника Завистнаго сѣла на бочку пороху и подпалила ее, хотя красавица Гандзя могла разсчитывать на пощаду. „Твердыя сердца русскія не имѣли надъ собой никакого состраданія“, говоритъ одинъ польскій историкъ, современный событіямъ. Все остальное высѣкъ, спалилъ, потопилъ Чарнецкій, не выпустилъ ни души. Огромныя богатства, собранныя въ Бушѣ, всѣ погибли въ огнѣ: если Чарнецкій и былъ корыстолюбивъ, то жестокость его брала верхъ надъ корыстолюбіемъ. Польскіе гетманы, по совѣту Чарнецкаго, разбросали по краю универсалы, требуя послушанія и грозя въ случаѣ отказа судьбой Буши. Но ничего не могли дождаться: села опустѣли, мѣстечки окопались, Побужье молчало, положеніе было такое, что весь край нужно было принуждать къ повиновенію штурмомъ.

Въ январѣ 1655 г, встрѣтилось войско польско-татарское съ козацко-московскимъ: это была такъ—называемая Ахматовская кампанія, разъигравшаяся на территоріи Бѣлой-Церкви. Народъ на своемъ образномъ языкѣ говорилъ, что встрѣча враговъ произошла „на Дрыжиполѣ“, такъ какъ дѣло было лютой зимой, и всѣмъ приходилось крайне страдать отъ холода. Обстоятельства встрѣчи сложились очень неблагопріятно для украинцевъ. Поляки окружили часть союзнаго войска, Хмельницкаго съ Шереметевымъ, въ то время, какъ главная масса московскаго войска, ничего не подозрѣвая, спокойно стояла себѣ съ Бутурлинымъ подъ Бѣлой-Церковью. Козакамъ пришлось съ большими потерями пробиваться сквозь непріятелей таборомъ. Таборъ былъ громадный: квадратъ изъ ста тысячъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда, скованныхъ цѣпями и уставленныхъ пушками, занималъ площадь до полмили въ длину. Пѣхота дѣйствовала около пушекъ, а въ срединѣ квадрата была заключена конница. Кругомъ этой подвижной крѣпости кипѣли польскія войска, бѣшено кидаясь на нее: послѣ страшныхъ усилій и потерь полякамъ удалось оторвать конецъ та-

бора, но таборъ все таки сомкнулся, и украинцы соединились подъ Бѣлой-Церковью съ московскимъ войскомъ. Поляки считали побѣду своей; но они понесли большія потери, а главное— все это для нихъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Край по прежнему лежалъ въ своемъ угрюмомъ и молчаливомъ отпорѣ, не страшась никакого террора, не трогаясь никакими просьбами и увѣщаніями. А между тѣмъ польскіе союзники татары, расположившіеся между Днѣстромъ и Бугомъ, выбирали здѣсь ясыръ, какъ въ завоеванной странѣ. Они хватали все молодое, сильное, красивое, что представляло какую-нибудь цѣнность на восточныхъ рынкахъ. Въ Студеницѣ, Ушицѣ, Бакотѣ, Рашковѣ не стало женщинъ; уводя съ собой, кромѣ того, огромныя стада коней и воловъ, татары еще требовали, чтобъ союзники давали имъ охрану. Но и охрана не спасала татаръ отъ Богуна, который залегъ съ своими „богуновцами“ въ дикихъ степяхъ, чтобъ отбивать у татаръ ихъ добычу.

Между тѣмъ мрачная грозовая туча облегла Польшу со всѣхъ сторонъ. Положеніе государства казалось безвыходнымъ. Послѣ Смоленска, московскія войска взяли Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ, Ковно, Минскъ и вступили въ Вильно: Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Шведы вторглись въ Польшу съ сѣвера и заняли почти все государство съ обѣими его столицами, Варшавой и Краковомъ. Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ, держа въ своихъ рукахъ не только Червонную, но и Холмскую Русь; взятъ былъ и Люблинъ. Таково было положеніе дѣлъ осенью того же 1655 года. Теперь во власти соединеннаго московско-украинскаго войска была судьба русскаго племени во всѣхъ его подраздѣленіяхъ и историческихъ оттѣнкахъ, и, повидимому, Хмельницкій понималъ все значеніе этого обстоятельства: но, къ несчастію, этого не понимали его союзники. Въ слѣдующемъ же 1656 г. московскій царь, плѣненный перспективой, которую выставили ему поляки, получить польскую корону, заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ, безъ всякаго участія украинцевъ. Этотъ оборотъ дѣла поразилъ всѣ сознательные и руководящіе элементы Украины, прежде всего, конечно, Хмельницкаго; мо-

сковскимъ симпатіямъ нанесенъ былъ серьезный ударъ: какъ положиться на такого неустойчиваго покровителя и союзника? какъ быть дальше? Опять появляется мысль о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ: Хмельницкій вступаетъ въ сношеніе съ шведами и венграми. При такомъ то положеніи дѣлъ, изъ котораго не видно было никакого удовлетворительнаго выхода, измученный заботой, умеръ Хмельницкій въ концѣ іюля 1657 года.

Между тѣмъ внутреннее состояніе украинскаго общества было тоже крайне смутно. Хозяйственная организація почти распалась; главное—земля лежала заброшенною: историческія обстоятельства отвратили отъ нея человѣка. Въ то же время соціальный строй втеченіе десяти лѣтъ уже успѣлъ утратить ту однородность и простоту, какая его характеризовала первое время послѣ революціи. Намѣтились классовыя различія, а съ ними и противоположность классовыхъ интересовъ. Изъ среды козачества выдѣлялась какъ-бы аристократія, заслуженные люди, заявлявшіе притязаніе на особыя права—полковники, асаулы, сотники; сюда примыкали люди, лично близкіе гетману и кое-кто изъ шляхты русской или даже и польской, вступившей въ союзъ съ козачествомъ. Подъ властью старшины состояла козацкая масса, вписанная въ реестры. Внѣ реестровъ оставались посполитые, но имъ тоже не хотѣлось возвращаться къ плугу: они осѣдали по мѣстечкамъ и образовывали собой городскую козацкую милицію—„городы“. Это терпѣлось, такъ какъ подобными запасными козаками наполнялись кадры полковъ, то и дѣло нуждавшіеся въ пополненіяхъ вслѣдствіе безпрестанныхъ военныхъ потерь. Но тѣмъ не менѣе кто-нибудь да долженъ же былъ оставаться при полевой работѣ. Козацкая старшина, сначала мягко, потомъ съ все растущей настойчивостью принуждала хлоповъ оставаться при землѣ. И, наконецъ, на ряду съ этими классовыми группами заявлялъ о своемъ существованіи пролетаріатъ, „голота“, чрезвычайно усилившійся въ смутное время классъ людей, утратившихъ свои общественныя связи и свое, такъ-сказать, общественное равновѣсіе. Они служили наймитами на безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ то время

чуть не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ, но предпочитали проводить время въ шинкахъ, ожидая созыва на посполитое рушенье, или случая примкнуть къ какому-нибудь гайдамацкому загону. Десятилѣтняя безпрерывная война, усиливъ эту группу, усилила въ ней и ея противообщественные инстинкты: дикость и жестокость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ необуздываемой свободѣ.

Обнаружившись въ этомъ направленіи, раздробленіе украинскаго общества обнаружилось и въ другомъ. Симпатіи къ Польшѣ и ея культурѣ, которыя всегда укрывались въ душахъ извѣстной части украинскихъ людей, начинали проявляться все сильнѣе и свободнѣе, особенно среди правобережной старшины. Въ то-же время обездоленные, по преимуществу голота лѣваго берега, проявляли тяготѣніе къ Москвѣ, которая привлекала ихъ неопредѣленныя симпатіи своимъ православіемъ и все уравнивающимъ монархическо-демократическимъ строемъ. Вотъ два болѣе ясныхъ политическихъ настроенія, но были и другія. Пока Хмельницкій былъ живъ, пока Украина имѣла въ немъ сильный руководящій центръ, всѣ отдѣльныя стремленія молчали; когда его не стало, все заговорило своими особыми голосами.

Юрій Хмельницкій, 16-тилѣтній сынъ Богдана, выбранный еще при жизни отца радой въ его преемники, не могъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Украина, удержать даже и призрака власти. Его опекунъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго былъ провозглашенъ гетманомъ „на тотъ часъ“.

Выговскій, овручскій шляхтичъ, женатый на новогрудской каштелянкѣ, находящейся въ родствѣ съ магнатскими родами Литовской Руси, былъ, вмѣстѣ съ переяславскимъ полковникомъ Тетерей, образованнѣйшимъ представителемъ польской культуры при чигиринскомъ дворѣ. Со свойственной ему осторожностью Выговскій скрывалъ свои польскія симпатіи; но какъ только онъ сталъ руководящей силой, дѣло сближенія съ Польшей приняло новый и рѣшительный оборотъ. Ревностный аріанинъ кіевскій подкоморій и овручскій староста Юрій Немиричъ, единственный оказавшійся представитель родовитаго панства при

чигиринскомъ дворѣ, много трудился надъ этимъ сближеніемъ. Оффиціальнымъ агентомъ съ польской стороны былъ волынскій каштелянъ Беніовскій. Между Полоннымъ, гдѣ жилъ Беніовскій, и Чигириномъ открылись энергическія сношенія; самъ чигиринскій дворъ принялъ польскій характеръ, этикетъ, языкъ. И хотя Выговскій продолжалъ вести двуличную политику, увѣряя Москву въ своей преданности, уже въ началѣ осени 1658 года, т. е. ровно годъ спустя послѣ избранія Выговскаго, былъ составленъ знаменитый гадячскій договоръ. Въ силу его, Польша признавала Украину за особое княжество, связанное съ ней, какъ и Литва, лишь федеральной уніей, съ собственнымъ управленіемъ, со своимъ особымъ урядомъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, съ 60-ю тысячами реестроваго войска. Повидимому, надъ Украиной занималась заря новой жизни, занималась... и тотчасъ потухла, какъ миражъ надъ безводной пустыней, какъ блуждающій огонекъ надъ гніющимъ болотомъ. Украина неудержимо катилась по своей роковой наклонной плоскости. Правъ или нѣтъ былъ Беніовскій, когда писалъ, что козачество, „gens tauro-scythica“, ничѣмъ нельзя удовлетворить; правъ или нѣтъ коронный обозный Андрей Потоцкій въ своихъ словахъ Яну-Казиміру, что у украинцевъ „главная задача, чтобъ не быть имъ ни подъ вашей королевской милостью, ни подъ царемъ, и они надѣются добиться своего, пугая вашу королевскую милость царемъ, а царя вашей королевской милостью“,—но можно-ли было винить украинскую массу, что она не могла повѣрить въ прочность союза съ Польшей, въ искренность ея намѣреній, какъ вѣрила старшина? Польша ликовала по случаю заключенія гадяцкаго договора; сеймъ 1659 г. осыпалъ милостями козаковъ, прибывшихъ въ Варшаву для заключенія договора и принятія присяги; нобилитаціи и пожалованія сыпались какъ изъ рога изобилія, особенно много щедротъ пришлось на многочисленную семью Выговскихъ; Юрій Немиричъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой сравнивалъ Украину съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся подъ кровъ отчій. И все было напрасно. Еще тою же осенью 1657 г., когда Выговскій былъ выбранъ гетманомъ, на лѣвомъ берегу поднялся старый Пуш-

каренко, дикій и неотесанный, но мужественный и опытный воинъ, любимецъ черни. Лѣвобережная голота видѣла въ немъ своего представителя и прочила ему гетманскую булаву. Все недовольное тянулось къ Полтавѣ, которая приняла видъ укрѣпленнаго лагеря. Болѣе 40,000 собралось подъ знамя Пушкаренка босыхъ и нагихъ „дейнаковъ“, безъ коней и оружія, съ рогатинами, кіями и косами. Съ трудомъ удалось Выговскому потушить возстаніе: Пушкаренко былъ изрубленъ побѣдителями, Полтава сожжена до-тла. Но какъ только разнеслась по Украинѣ вѣсть о заключеніи съ Польшей новаго договора, снова вспыхнуло волненіе, особенно на лѣвомъ берегу. Смута все усиливалась; Юрій Немиричъ палъ ея жертвой вмѣстѣ съ шляхтой, которая поселилась было на лѣвомъ берегу, полагая, что гадячскій договоръ обезпечиваетъ ея безопасность; то и дѣло появлялись новые претенденты на гетманскую булаву, чтобъ, пофигурировавъ на сценѣ одинъ день, исчезнуть. Всѣ эти Пушкаренки, Довгали, Безпалые, Золотаренки, Цецуры, Сомки, посылаютъ въ Москву жалобы, доносы и обвиненія другъ на друга, просятъ о помощи: отряды московскихъ войскъ проходятъ вдоль и поперекъ по несчастному краю; пламя войны снова вспыхиваетъ на правомъ берегу. Но польскія войска лишь слабо подкрѣпляютъ Выговскаго, и онъ видитъ, что долженъ уйти. Осенью 1659 г. Выговскій сложилъ булаву, и Юрась Хмельницкій, теперь уже достигшій совершеннолѣтія, объявленъ былъ гетманомъ. Козацкая рада, собранная около Терехтемирова на Жердевскомъ полѣ, постановила остаться подъ московскимъ протекторатомъ съ тѣмъ, чтобы расширены были автономныя права Украины: за образецъ для измѣненій въ этомъ смыслѣ взятъ былъ тотъ же самый гадячскій договоръ. Но Москва меньше всего думала объ увеличеніи украинскихъ правъ и вольностей. Трубецкой везъ на Украину такія инструкціи: чтобъ вся Бѣлоруссія и Сѣверщина съ Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ и Почепомъ были отобраны отъ Украины, а въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Брацлавлѣ и Умани рядомъ съ полковниками жили царскіе намѣстники. Опасаясь противодѣйствія со стороны правобережья, Трубецкой вызвалъ Юрася

Хмельницкаго со старшиной въ Переяславъ для заключенія новыхъ условій и присяги. Болѣе вліятельные изъ правобережныхъ полковниковъ, брацлавскій—Зеленскій, подольскій—Гоголь, паволоцкій—Богунъ, уманскій—Ханенко и друг. не поѣхали въ Переяславъ. И хотя договоръ былъ заключенъ въ желанномъ для Москвы смыслѣ, но послѣдствія этого насильственнаго заключенія обнаружились въ слѣдующемъ же 1660 году, когда произошло снова столкновеніе московско-козацкихъ войскъ съ польско-татарскими. Московскіе войска были разбиты подъ Чудновымъ, Шереметевъ, главный начальникъ ихъ, попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, а козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, передалось на сторону Польши. Чудновскимъ договоромъ козаковъ съ Польшей возобновлялась сила договора гадяцкаго. Но никакой договоръ не могъ обнаружить дѣйствія; анархія продолжала царить на Украинѣ.

А между тѣмъ та незамѣтная еще въ началѣ Хмельнищины трещина, которая дѣлила украинскій народъ на двѣ половины, восточную и западную, лѣвобережную и правобережную, успѣла за этотъ короткій, десятилѣтній, промежутокъ времени вырости до размѣровъ настоящей пропасти. Не смотря на весь внѣшній хаосъ, царящій повсюду, на кажущуюся противорѣчивость частныхъ стремленій, несомнѣнно ясно было все-таки, что лѣвобережная Украина тяготѣетъ къ Московскому государству, правобережная къ Польшѣ. Днѣпръ, эта извѣчная колыбель южнорусскаго племени, силою несчастныхъ историческихъ условій искусственно раздѣлилъ единую народную стихію. Гетманъ, выдвинутый лѣвобережной Украиной, могъ появиться на правомъ берегу; правобережный гетманъ, случалось, на одинъ моментъ завладѣвалъ вліяніемъ на лѣвобережьѣ; Янъ-Казиміръ, во главѣ польско-козацко-татарской арміи въ 1663—4 гг. побѣдоносно прошелъ по лѣвобережной территоріи. Но Украина объединялась ровно до тѣхъ поръ, пока на лицо была гнетущая сила; какъ только гнетъ устранялся, раздвоеніе опять вступало въ свои права.

Андрусовское перемиріе, состоявшееся между Москвой и Польшей въ 1667 г., закрѣпило этотъ фактъ, открыто разор-

вавъ Украину на двѣ половины: московскій царь увольнялъ обывателей правобережья отъ данной ему присяги. Лѣвобережная Украина со своей столицей въ Батуринѣ, окончательно оторвалась подъ власть Москвы, которая съ все растущей интенсивностью втягивала ее въ составъ своего государственнаго цѣлаго; правобережная продолжала свой анархическій путь.

Номинально край считается польскимъ по Днѣпръ. Но фактическія границы, гдѣ кое-какъ признавалась польская власть, были гораздо уже: едва половина подольской земли по Ушицу, потомъ Волынь и Кіевское Полѣсье до Чернобыля надъ Днѣпромъ. Все Брацлавское воеводство, большая половина Кіевскаго и юговосточная часть Подольскаго знать не хотѣли Польши, хотя все-таки сильно пропитаны польскими культурными вліяніями: старшина говоритъ по-польски, оффиціальный русскій языкъ усвоилъ себѣ польскіе обороты, названія урядовъ заимствованы отъ Польши; только католическая церковь снесена совершенно. На этой территоріи лишь въ отдѣльныхъ замкахъ постоянно держался, и то съ большими усиліями, польскій гарнизонъ: главнымъ образомъ въ Бѣлой Церкви, затѣмъ въ Дымирѣ, а по временамъ въ Барѣ. Но Польша все-таки не отказывалась отъ своихъ правъ, и потому здѣсь кипѣла неустанная борьба, смѣнявшаяся лишь на мгновенье грознымъ затишьемъ, полнымъ ожиданія новой бури. Не только каждый годъ, но чуть-ли не каждое время года имѣло свою особую исторію. Народъ и полковники выбирали себѣ гетмана: онъ то признавалъ власть Польши, то возмущался противъ нея, обращался ко всѣмъ сосѣдямъ поочередно, къ Москвѣ, Турціи, молдавскому или валахскому господарю, крымскому хану;—и исчезалъ, вытѣсненный другимъ, и успѣвъ лишь пролитой кровью запечатлѣть память о своемъ эфемерномъ владычествѣ. Татары хозяйничаютъ на правомъ берегу, какъ у себя дома, и свободно выбираютъ свою дань. Числятся пока еще слѣдующіе полки, а, слѣдовательно, и населенные округа: Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Паволоцкій, Брацлавскій, Тарговицкій, Уманскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Кальницкій и наказной Подольскій; упоминается, кромѣ того, Немировскій и Межибож-

скій; но населеніе уменьшается. Вотъ маленькіе отрывки изъ люстраціи 1665 г. Въ какой-то моментъ затишья удалось полякамъ сдѣлать опись государственныхъ имѣній части Подольскаго воеводства: „Летичевское староство—все опустошено, потому что лежитъ на самомъ шляху, по которому ходитъ каждый непріятель, отчего нѣтъ надежды удержать ни мѣщанъ, ни подданныхъ по деревнямъ". О Проскуровѣ и его волостяхъ: „мѣщанъ въ городѣ 12, ничего не платятъ, такъ какъ недавно сѣли здѣсь на свободу. Въ деревняхъ (такихъ-то) нѣтъ ни одного подданного, почему ставы и млины пусты, такъ какъ изъза наѣздовъ и нападеній не могутъ люди оставаться въ своихъ домахъ". То же староства Улановское и Хмельницкое; въ Вержбовецкомъ старостве „ни въ мѣстечкѣ, ни въ деревняхъ, къ нему принадлежащихъ, нѣтъ ни одного подданнаго" и т. д. Край пустѣетъ.

Послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій соединилъ было на одинъ моментъ обѣ Украины и тотчасъ же, почувствовавъ, насколько власть была ему не по-силамъ, отказался отъ нея и ушелъ въ монастырь (1660 г.), выступилъ въ правобережной Украинѣ гетманомъ Тетеря, зять Хмельницкаго. Тетеря былъ искренній сторонникъ Польши, и, еслибъ въ его силахъ было слить Украину съ Польшей, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы это. Но задача была не по-плечу даже и не такому заурядному человѣку, какъ Тетеря. Онъ счастливо справился съ самымъ замѣтнымъ изъ своихъ противниковъ Попенкомъ, который собралъ около себя заднѣпровскую голоту и выступилъ какъ ярый врагъ всего польскаго, но все-таки уже въ 1665 г. долженъ былъ сложить булаву. Тотчасъ послѣ его удаленія, появился на исторической сценѣ чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко. Дорошенку удалось на нѣсколько лѣтъ заслонить собой всѣ остальныя фигуры, всѣхъ этихъ Опаръ, Суховіевъ, Ханенокъ, которые параллельно выдвигались одинъ за другимъ изъ хаоса.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный человѣкъ. И сорока лѣтъ еще не было Дорошенку, когда правобережные полковники сдѣлали его своимъ гетманомъ. Онъ былъ не безъ образованія: изъ кіевскихъ школъ вынесъ онъ знакомство съ

„козацко-русскимъ“ письмомъ, но на умы окружающихъ онъ дѣйствовалъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ не школьнаго, а чисто народнаго склада, сильной діалектикой, прямо, безъ ухищреній, достигающей намѣченной цѣли. Наружность молодаго гетмана была самая подкупающая, и онъ умѣлъ украшать ее по шляхетски; вообще, ни въ чемъ не пренебрегалъ шляхетской обстановкой. Добродушіе, которое располагало къ нему простыя сердца, не исключало жестокости, если она требовалась обстоятельствами. А подъ всѣмъ этимъ укрывался политическій умъ, сильное честолюбіе, широкіе замыслы.

Дорошенко, слѣдуя традиціямъ политики Богдана Хмельницкаго, не пренебрегалъ никакой политической комбинаціей, лишь бы она сулила выгоды; но больше всего возлагалъ онъ упованій на союзъ съ мусульманами. Онъ надѣялся такимъ путемъ сохранить внутреннюю самостоятельность. Татарскій ханъ— постоянный союзникъ Дорошенка. Благодаря татарамъ, а также, конечно, и своимъ личнымъ способностямъ, Дорошенку удалось было даже взять верхъ надъ вліятельнымъ лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ и на одинъ моментъ опять соединить обѣ Украины; но Андрусовское перемиріе положило окончательный предѣлъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Дорошенка въ томъ направленіи. Онъ вынужденъ былъ ограничить свою дѣятельность правымъ берегомъ: надо было устраиваться здѣсь. Дорошенко былъ не прочь признать вассальную зависимость отъ Польши, еслибъ эта зависимость не влекла за собой никакихъ фактическихъ обязательствъ; но для Польши весь вопросъ заключался именно въ томъ, какъ реализовать свои номинальныя права. Столкновенія были неизбѣжны, и столкновенія невыгодныя для Польши, такъ какъ за Дорошенкомъ всегда стояла татарская орда. Но за то во главѣ военныхъ силъ польскихъ стоялъ въ это время такой въ высокой степени замѣчательный человѣкъ, какъ Янъ Собѣсскій, будущій король, пока еще великій коронный гетманъ. Его необыкновенная энергія, въ связи съ высокими дарованіями и исключительными свойствами характера, уравновѣшивали собою неравенство борющихся силъ. Въ годъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.) состо-

нлся между Дорошенкомъ и Собѣсскимъ Подгаецкій договоръ. Польша признавала за Дорошенкомъ титулъ гетмана его королевской милости войска запорожскаго; вся фактическая территорія козаковъ оставалась за ними, но шляхта могла возвратиться въ свои имѣнія. Такимъ образомъ договоръ этотъ заключалъ временныя уступки; но бѣда въ томъ, что ни та, ни другая сторона не думали серьезно объ его выполненіи. Польша ясно видѣла, что съ такимъ гетманомъ, какъ Дорешенко, ей не придти ни къ какому возможному для нея modus vivendi, и выдвинула ему соперника въ лицѣ уманскаго полковника Ханенка. Правобережная Украина распалась на два лагеря съ двумя столицами—одной въ Чигиринѣ, другой въ Умани. Дорошенко рѣшился на послѣдній шагъ: отдалъ Украину въ подданство Турціи на правахъ господарствъ молдавскаго и валахскаго.

Планы Дорошенка совпали съ настроеніемъ турецкой политики. Еще въ концѣ 1669 г. воинственный Магометъ IV, покончивши съ Кандіей, рѣшилъ, опираясь на предложенія украинскаго гетмана, покончить также и старые счеты съ Польшей. Турція приступила къ грандіознымъ приготовленіямъ. Конечно, въ Польшѣ не могли не знать, что дѣлается въ Турціи. Знали о приготовленіяхъ король и великій коронный гетманъ Собѣсскій, зналъ каждый, кто хотѣлъ знать. Но польскимъ государствомъ, при слабомъ Михаилѣ Корибутѣ, управляла шляхта, а она-то именно и не хотѣла ничего знать объ опасности. Ей больше нравилось представлять дѣло такъ, что всѣ домогательства короля и гетмана на счетъ предупредительныхъ мѣръ вытекаютъ изъ ихъ „деспотическихъ“ стремленій, изъ желанія усилить свою власть. Вѣдь всякія мѣры требовали со стороны шляхты жертвъ, и не малыхъ. А между тѣмъ Порта начала уже открыто заявлять протекторатъ. Шляхта все-таки продолжала упорно не вѣрить опасности, въ то время какъ на Украинѣ знали чуть не день и часъ, когда она должна наступить. Литовскіе татары, издавна поселенные надъ Нѣманомъ, пробирались на югъ, кидая свои пепелища, на встрѣчу подымающемуся на Польшу мусульманскому потоку.

Пока Магометъ IV стягивалъ въ свой лагерь съ Адріанополя огромныя силы анычаровъ и спаговъ, земское ополченіе европейскихъ и азіатскихъ владѣній, молдаванъ и валаховъ, добружскихъ и бѣлгородскихъ татаръ, липковъ (татаръ литовскихъ),—крымская орда, въ качествѣ авангарда, заливала край, вторгалась въ него по всѣмъ тремъ шляхамъ. Ханъ стоялъ съ Дорошенкомъ на Украйнѣ и разсылалъ универсалы съ требованіемъ покорности падишаху. Что было польскаго войска на Украинѣ, все было снесено. Хищники залили Подолье, проникли далеко въ глубь края по направленію къ сѣверо-западу, разорили русское воеводство, пробрались на Покуты въ такія мѣстности, которыя считались до тѣхъ поръ защищенными отъ татаръ горами и лѣсами: теперь впереди дикихъ татаръ шли знакомые съ мѣстными условіями липки и барскіе черемисы. До ста тысячъ людей досталось въ ясыръ. Наконецъ тронулась въ путь, въ началѣ іюня 1672 г., и пестрая трехсотъ-тысячная армія Магомета IV. Самъ султанъ со своимъ дворомъ сопровождалъ ее, выступая на покореніе невѣрнаго Лехистана; путь его былъ обставленъ всей возможной восточной роскошью. Армія въ своемъ движеніи растягивалась на нѣсколько миль; каждую ночь въ пунктѣ султанскаго ночлега выросталъ цѣлый городъ, удовлетворявшій всѣмъ утонченнымъ потребностямъ двора Немудрено поэтому, что только въ августѣ армія вступила въ границы Подолья. Теперь грозная опасность была ясна каждому. Но шляхта и здѣсь успѣла найти себѣ успокоеніе; она увѣрила себя въ неприступности Каменца. Напрасно убѣждалъ Собѣсскій, что мысль объ этой неприступности неосновательна, что крѣпость крайне нуждается въ поправкѣ укрѣпленій, въ усиленіи гарнизона, иначе она непремѣнно должна будетъ сдаться: его никто не слушалъ.

Всѣ турецкія силы направились на Каменецъ: лишь взятіе Каменца обезпечивало занятіе Подолья. На одного осаждаемаго воина приходилось больше сотни осаждающихъ; въ Каменцѣ не было такихъ пушекъ, какіе были у турокъ, всего было четыре человѣка знающихъ артиллеристовъ; не было даже боевыхъ снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ. „Только чудо могло

бы спасти Каменецъ, но вѣдь Господь Богъ не дѣлаетъ чудесъ безъ необходимости", писалъ по этому поводу Собѣсскій. Больше недѣли держался городъ; но дальнѣйшее сопротивленіе являлось при этихъ условіяхъ явной невозможностью. Каменецъ сдался; 30 августа Магометъ IV торжественно вступилъ въ столицу Подолья.

Вѣсть о взятіи Каменца поразила Польшу, какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба. Такъ велика была слѣпая вѣра польскаго общества въ неприступность Каменца, что не находили возможнымъ иначе объяснить случившееся, какъ измѣной, и въ безсмысленной ярости искали виновныхъ. Каменецъ взятъ, этотъ ключъ къ прекрасному Подолью, драгоцѣннѣйшему перлу польской короны. Маіоръ Геклингъ взорвалъ бастіонъ, гдѣ хранили порохъ, и погубилъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ собой до двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Володіевскаго, „подольскаго Гектора"; каменецкія церкви обращены въ мечети; множество женщинъ, и шляхтянокъ, и горожанокъ, и монахинь, погнано на далекій востокъ, на продажу въ гаремы; тысячи возовъ потащили къ Волощинѣ и къ Черному морю подольскія сокровища, свезенныя на сбереженіе въ Каменецъ со всего края... Вотъ вѣсти, которыя несли съ собой въ глубь Польши подольскіе бѣглецы, отъ тѣхъ поръ бездомные и безпріютные скитальцы, изъ которыхъ лишь болѣе счастливые успѣли захватить кое-что изъ своихъ драгоцѣнностей, родовыя иконы и останки предковъ. А, главное, вся Польша стоитъ открытой и беззащитной передъ страшною турецкой силой. И она, въ самомъ дѣлѣ, двинулась въ глубь края, по направленію къ Львову. Вкругъ главныхъ силъ турецкой арміи кишѣли татары и козаки: маленькими отрядами разбѣгались они во всѣ стороны, захватывая въ неволю безчисленныя жертвы. Втеченіе ста дней на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны, заглушаемые дикимъ крикомъ побѣдителей. Тридцать укрѣпленныхъ замечковъ пало къ ногамъ Магомета IV: нѣкоторые изъ нихъ геройски защищались, другіе прямо отдавались на милость врага. И если потокъ непріятельскій остано-

вился подъ Львовомъ, а не подъ Краковомъ или Варшавой, то не польское войско задержало его, а приближающаяся осень съ холодомъ и сыростью, невыносимыми для непривычныхъ южныхъ людей, изъ какихъ состояло турецкое войско. Но и добрый геній Польши еще бодрствовалъ надъ ней: онъ олицетворялся теперь Яномъ Собѣсскимъ. Гетманъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить бѣду; но когда всѣ его предсказанія сбылись почти съ математической точностью, онъ съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ до послѣдней степени испуганнаго, растерявшагося общества и завладѣлъ положеніемъ. Но пока можно было только одно: цѣной всякихъ жертвъ удалить врага. Въ октябрѣ 1672 года былъ заключенъ столь тяжелый для Польши Бучацкій договоръ: Подольское воеводство съ Каменцемъ дѣлалось турецкой областью, Украина собственно, т. е. Брацлавщина и Кіевщина, объявлялись козацкимъ владѣніемъ подъ турецкимъ протекторатомъ. Границы вновь созданнаго Подольскаго пашалыката включали въ себя Чортковъ и Ягельницу, шли далѣе по теченію р. Збручи и достигали до Чернаго шляха. На западъ и сѣверъ отъ этихъ границъ была Польша; на югъ и востокъ, по Днѣпръ, зависящая отъ Турціи козацкая Украина.

Что внесла собой для Украины эта новая политическая сила? Только усилила разложеніе, и ничего больше. Была или нѣтъ осуществима для Богдана Хмельницкаго идея украинскаго княжества подъ турецкимъ протекторатомъ, но для Дорошенка это было уже невозможно, слишкомъ поздно.

Взятіе Каменца оглушило Польшу, но въ слѣдующемъ же году Хотинская побѣда доказала, съ одной стороны, что Польша еще не безсильна, съ другой—сдѣлала королемъ Собѣсскаго. Польское государство слишкомъ было далеко отъ того, чтобы отказаться отъ своихъ правъ на Подолье и Украину.

Положеніе Украины сдѣлалось отчаяннымъ: ее терзали со всѣхъ сторонъ. Великій визирь Кара-Мустафа, приводя край въ повиновеніе, до-тла уничтожилъ Ладыжинъ и Умань, главные пункты края, опустошилъ почти всю Брацлавщину, захвативъ и часть Волынской земли; татары, разоряя всюду, съ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія своихъ союзниковъ, кото-

рые безразсудно тратили живой капиталъ: сколько денегъ можно было взять за даромъ перерѣзанныхъ жителей на цареградскихъ рынкахъ! Когда отступали татары и турки, появлялись польскіе отряды, тоже приводя къ покорности. Одна часть козаковъ признавала власть Ханенка и тянула къ Польшѣ, другая—Дорошенка и тянула къ Турціи; наконецъ лѣвобережный гетманъ Самойловичъ хотѣлъ воспользоваться смутой и высылалъ сюда свои отряды, чтобъ поддерживать своихъ сторонниковъ. Жизнь на Украинѣ сдѣлалась невозможной. Населеніе бѣжало во всѣ стороны: на западъ въ Червонную Русь, но больше всего на востокъ за Днѣпръ. Стали выселяться цѣлыми полками: въ 1674 г.—въ годъ, когда свирѣпствовалъ Кара-Мустафа, два полка, уманскій и брацлавскій, осѣли по р. Орели; въ слѣдующемъ году корсунскій полкъ со своимъ полковникомъ Кандыбой переправился за Днѣпръ. Ханенко увидѣлъ, что нѣтъ возможности ему въ данныхъ условіяхъ держаться на своемъ яко-бы гетманствѣ, тоже убѣжалъ за Днѣпръ, въ 1675 г. отдалъ свою булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свою старость на покоѣ въ Козельцѣ Черниговской губ. Наконецъ, и онъ, главный виновникъ событій, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что несбыточны были всѣ его планы, ошибочны всѣ разсчеты: Турція не могла послужить оплотомъ для новой украинской общественной организаціи. И Дорошенко вслѣдъ за народомъ правобережья тоже направился на лѣвый берегъ, отдался во власть московскаго государя и здѣсь, въ московской землѣ, кончилъ свои дни въ почетной ссылкѣ. Много бѣдъ принесли Украинѣ его широкіе замыслы; но и враги не рѣшаются утверждать, что его дѣйствія направлялись лишь личными побужденіями, своекорыстными разсчетами. Въ слѣдующіе (77—78-й) годы, годы осады Чигирина Турками и новыхъ татарскихъ нападеній, остатки населенія перебрались на лѣвый берегъ. На всей территоріи Украины оставался одинъ только козацкій полкъ, Подольскій, державшійся въ Брацлавщинѣ, съ полковникомъ Гоголемъ; но и тотъ, по приглашенію Собѣсскаго,

перешелъ на Кіевское Полѣсье, въ Димирское староство. Общественная организація козацкой Украины распалась совершенно.

Украина, т. е. подольское, брацлавское и большая часть кіевскаго воеводства, обратилась въ пустыню. Можетъ быть, десятка два тысячъ еще ютилось въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по окраинамъ этой пустыни, по берегамъ рр. Днѣпра и Днѣстра, не считая, конечно, большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они не составляли Украины. Были люди, но не было общества. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась уже совершенно безлюдной. Роскошныя нивы Украины заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина, только одичавшія собаки, размножившіяся до-невѣроятности, вели ожесточенную борьбу за существованіе съ господами степи волками; начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались было уже рѣдкостью, расплодились дикія козы, лоси и медвѣди. Лукьяновъ въ пять дней ѣзды черезъ Украинскую пустыню не встрѣтилъ живой души. Отъ Корсуня и Бѣлой-Церкви на Волынь, по словамъ Величка, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы которыхъ были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Всюду было полнѣйшее истощеніе. Подолье, со своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить пятнадцати тысячъ каменецкаго гарнизона: муку, овесъ, ячмень—все принуждены были турки доставать изъ Молдавіи и Валахіи. Подольскіе кмети, разбѣжавшіеся при нашествіи турокъ, опять начали было собираться понемногу: но насильственныя дѣйствія со стороны турокъ снова и окончательно разгоняли ихъ: съ тѣхъ поръ до полнаго водворенія турокъ, на Подольѣ ютились лишь разбойничьи липки и др. бродяги, которые жили наѣздами и грабежомъ сосѣднихъ польскихъ областей. На огромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ, тоже потерявшихъ привычки правильной осѣдлой жизни. Степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало теперь хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги, лишь немно-

гочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргородомъ, гдѣ пріютились восточные купцы, которые откупались отъ татаръ и которыхъ не трогали поляки, нуждавшіеся въ ихъ товарахъ.

Не стало населенія, не стало Украины. Три сосѣднихъ государства, еще такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ боровшіяся за ея обладаніе, остановились передъ неожиданной дѣйствительностью: не за что стало бороться. Этотъ фактъ, такъ удачно прекратившій борьбу, остроуміемъ дипломатовъ былъ возведенъ въ принципъ. Между условіями Бахчисарайскаго мира, заключеннаго въ 1681 г. между Россіей и Турціей, есть слѣдующее: „Обѣ стороны свято обязуются отъ Кіева до Запорожья, по сторонамъ Днѣпра, не устраивать городовъ и мѣстечекъ". А когда Россія заключала съ Польшей такъ называемый вѣчный миръ (1686 г.), то между сторонами и вышло затрудненіе на счетъ тѣхъ разоренныхъ замковъ и городовъ, которые были отъ мѣстечка Стаекъ внизъ по Днѣпру по рѣкѣ Тясмину, и этотъ пунктъ уладили такъ, что та мѣстность должна оставаться пустой, какой она и теперь есть.

Дипломатія рѣшила обратить территорію Украины въ вѣчную могилу, въ грандіозную надгробную плиту надъ свободолюбіемъ народа, который предпочелъ залить землю своей кровью и усѣять своими костями, лишь бы не подчиниться навязываемому ему подневольному режиму. Но жизнь не справлялась съ дипломатіей, и лишь только затихла вытоптавшая ее борьба, она всюду снова пустила свои отпрыски, такъ легко и быстро разроставшіеся на плодородной почвѣ Украины. И по мѣрѣ того, какъ жизнь снова возникала и укрѣплялась, она опять принимала старыя козацкія формы. Это и не могло быть иначе: вѣдь вплотную къ степной Украинѣ примыкало, съ одной стороны, насквозь козацкое Запорожье, съ другой, Кіевское Полѣсье, которое теперь выступило на первый планъ въ судьбахъ края.

Кіевское Полѣсье, какъ и Волынь, во время Хмельнищины дѣйствовало заодно съ остальной Украиной; но такъ какъ при-

виллегированный классъ—князья и земяне на Волыни, застѣнковая шляхта, т. е. бояре на Полѣсьѣ—былъ здѣсь несравненно сильнѣе, то и умиротвореніе, въ смыслѣ присоединенія къ Польшѣ, наступило здѣсь еще въ то время, когда въ степяхъ кипѣла ожесточенная борьба: конечно, этому способствовало и укромное положеніе края, лѣсного и лежащаго въ сторонѣ. Теперь Кіевское Полѣсье очутилось на границѣ, съ одной стороны, Подольскаго пашалыката, съ другой—разоренной дикой степи. На немъ лежала тяжесть пограничной сторожи отъ мусульманскихъ сосѣдей, тяжесть, которую еще недавно несла на себѣ степная Украина. Польское правительство, сознавая это, стремилось организовать здѣсь усиленную защиту, но, по обыкновенію, наталкивалось на недостатокъ средствъ. Нельзя сказать, какъ бы оно вышло изъ затрудненія, еслибъ былъ иной король Но Янъ Собѣсскій былъ страстный поклонникъ козачества, конечно, въ теоріи. Да и на практикѣ онъ охотно входилъ въ сдѣлки съ козаками, готовъ былъ смотрѣть снисходительно на ихъ преступныя, съ польской точки зрѣнія, дѣйствія, зналъ русскій языкъ, имѣлъ въ козацкой средѣ личныхъ хорошихъ знакомыхъ, если не друзей, и самъ пользовался между козаками такимъ расположеніемъ, что знаменитый кошевой запорожскій Сирко охотно помогалъ Собѣсскому, хотя Запорожье и тянуло вмѣстѣ съ лѣвобережной Украиной къ Москвѣ. Любимой мечтой Собѣсскаго, также какъ и его вѣрнаго помощника, великаго коронаго гетмана Яблоновскаго, было возстановить козачество, сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно привязанное къ Польшѣ, и сдѣлать изъ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ. Кіевское Полѣсье представлялось имъ удобной территоріей для осуществленія этой мечты. И вотъ Собѣсскій приглашаетъ Гоголя съ его козаками изъ Брацлавщины въ Димирское староство, какъ уже было сказано выше, и они переселяются, около тысячи человѣкъ: козаки должны были подчиниться власти коронаго гетмана, которую представлялъ польскій коммиссаръ или региментарь, и получали жалованье и сукно или право выбирать провіантъ съ населенія. Кромѣ того, королевская канцелярія выдавала „заповѣдные листы“ отдѣльнымъ лицамъ на

право формировать вольныя козацкія дружины. Сначала эти листы выдавались только шляхтичамъ, потомъ только старымъ опытнымъ козакамъ, когда правительство убѣдилось, что шляхтичи выбиваются изъ послушанія мѣстнымъ военнымъ властямъ. Полки росли, какъ грибы послѣ дождя; но государству отъ нихъ было мало пользы, а краю—рѣшительное разореніе. На первомъ планѣ въ составѣ этихъ полковъ стояли обыватели шляхетскихъ околицъ (хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ разсчитывалъ Собѣсскій, такъ какъ эти бывшіе когда-то русскіе бояре уже привыкли смотрѣть на себя, какъ на польскихъ шляхтичей, и считали унизительнымъ служить въ козацкихъ вольныхъ дружинахъ); затѣмъ всякій сбродъ изъ-за Днѣпра, съ Запорожья, мѣщане, бѣглые хлопы и т. д. Всегда стѣсненное въ средствахъ польское правительство предоставляло этимъ дружинамъ, вмѣсто жалованья, право выбирать съ обывателей „борошно“, т. е. обыватели обязывались не только кормить козаковъ, но и одѣвать, однимъ словомъ—удовлетворять всѣ ихъ потребности, а потребности, конечно, вещь растяжимая: къ нимъ могъ относиться не только провіантъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мука, крупа, сухари, но и возы, упряжь, порохъ, свинецъ—на случай похода, и даже пиво, водка, медъ. Отсюда вытекали безконечныя столкновенія и злоупотребленія правомъ сильнаго. Козаки, число которыхъ быстро увеличивалось, дѣйствовали въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Мѣстная шляхта вопила къ трону о защитѣ и правосудіи, но тамъ дѣлали видъ, что ничего не слышатъ и не знаютъ: слишкомъ сильно было желаніе короля и стараго гетмана имѣть свое собственное козачество. На самомъ дѣлѣ, это импровизированное козачество совсѣмъ не имѣло въ себѣ ничего козацкаго, кромѣ внѣшнихъ формъ, приближаясь скорѣе къ подворнымъ панскимъ козацкимъ милиціямъ, чѣмъ къ настоящему козачеству. Оно не имѣло и не могло имѣть въ себѣ козацкаго духа, такъ какъ ничѣмъ внутренно не было связано съ территоріей, на которой дѣйствовало, ни съ ея населеніемъ, не было ни въ какомъ смыслѣ его представителемъ, какимъ было настоящее козачество. Немудрено поэтому, что подобное искусственное козачество легко

вырождалось чуть что не въ разбойничьи шайки, для которыхъ не было своихъ и чужихъ, которыя равно охотно бились съ басурманами, какъ обдирали сосѣднихъ земянъ, кметей или даже себѣ подобныхъ козаковъ. Но это полѣсское, или „лѣсное“, козачество имѣло большое значеніе для той вновь зарождающейся жизни въ степяхъ, о которой мы говорили выше. Какъ только степнымъ козакамъ становилось слишкомъ трудно держаться на своей одичалой Украинѣ, они являлись на Полѣсье, получали здѣсь необходимую имъ поддержку и опять исчезали въ дикой и вольной степи. Такой поддержкой Полѣсья выросъ и Палій, въ лицѣ котораго въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло къ жизни украинское козачество.

Такую роль играло Полѣсье, а слѣдовательно и Польша, во вновь возникающей жизни на Украинѣ. Но и Турція не могла оставаться безучастной. Турки не видѣли никакихъ выгодъ отъ Бучацкаго договора, такого, на взглядъ, блестящаго: пустынный край не только ничего не приносилъ, но требовалъ еще большихъ расходовъ. Естественно было туркамъ подумать о какихъ-нибудь мѣрахъ для измѣненія положенія. Въ 1682 г. султанъ передалъ Украину вмѣстѣ съ гетманскимъ достоинствомъ молдавскому господарю Дукѣ съ обязательствомъ жить здѣсь. Дука дѣятельно принялся за колонизацію своихъ новыхъ владѣній. Колонизація пошла успѣшно. Изъ-за Днѣстра двигаются молдаване и селятся вдоль береговъ рѣки; изъ-за Днѣпра возвращаются цѣлыми громадами „прочане“ и расходятся по Украинѣ, стремясь въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ пользовались козацкою волей. Переселяясь на лѣвый берегъ Днѣпра, они обращались большею частію въ посполитыхъ, и теперь, на призывъ Дуки, недовольные лѣвобережными порядками, они охотно шли назадъ на свои пепелища. Это обратное переселеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что лѣвобережный гетманъ Самойловичъ приходитъ въ тревогу и принимаетъ чрезвычайныя мѣры. Козаки Самойловича пытаются силою задержать народъ; на переправахъ происходятъ настоящія битвы, съ кровопролитіемъ и трупами, но это не помогаетъ, какъ не помогаютъ дипломатическіе переговоры. Украина оживаетъ: Брацлавъ, Чигиринъ, Бо-

гуславъ, Хвастовъ, Черкассы снова заселяются настолько, что появляются полки соотвѣтствующихъ названій, отстраиваются села, появляются и церкви, и колокольный звонъ заставляетъ забывать, что дѣло идетъ о турецкой территоріи. Дука, человѣкъ тихій, мягкій, къ тому же обезпеченный доходами молдавской земли, ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своей власти; а Турки только что пережили Вѣну. Немудрено поэтому, что колонизація началась такъ удачно.

Это удачное начало турки задумали укрѣпить и развить, обратившись за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Въ 1685 г. султанскимъ фирманомъ вызывается къ существованію новое удѣльное княжество Сарматія, и, какъ выходецъ изъ давно заброшенной и позабытой могилы, появляется на историческую сцену новый украинскій гетманъ съ титуломъ удѣльнаго князя Сарматіи Юрій Хмельницкій, ничтожный сынъ своего отца. Ограниченный, тщеславный, эпилептикъ, онъ уже и своимъ образованіемъ на панскую ногу былъ оторванъ отъ народной среды, а во время своихъ долгихъ скитаній на чужбинѣ, по преимуществу въ Турціи и Крыму, растратилъ тѣ остатки нравственныхъ понятій, какія могли еще его связывать съ родною почвой. Конечно, не на такой опорѣ могла Турція создать что-нибудь прочное: сверхъ всего, Хмельницкій возбуждалъ къ себѣ недовѣріе и презрѣніе русскаго населенія, какъ разстрига. Не смотря на громкій титулъ, территоріальный районъ его владѣній былъ ограниченный. За годъ до возникновенія княжества Польша отдала въ распоряженіе козачества всѣ земли между рр. Тясьминомъ, Тикичемъ и Кіевскимъ Полѣсьемъ, т. е. бывшую территорію полковъ чигиринскаго, каневскаго, корсунскаго, черкасскаго, уманскаго, кальницкаго и бѣлоцерковскаго. Отсюда не слѣдуетъ заключать, конечно, что эти земли были въ полномъ распоряженіи Польши; но можно заключить, что польское вліяніе было здѣсь сильнѣе турецкаго, и, слѣдовательно, Сарматія не могла имѣть сюда никакихъ дѣйствительныхъ притязаній. Оставалась для нея лишь территорія полка брацлавскаго и небольшая часть Подоліи,

остававшаяся за предѣлами пашалыката. Столицей княжества былъ Немировъ, раньше многолюдное мѣстечко, отъ котораго къ описываемому времени сохранились лишь развалины, гдѣ ютилось нѣсколько несчастныхъ полуодичалыхъ еврейскихъ семей. Князь явился въ свое княжество подъ охраной военнаго отряда, состоящаго частью изъ турокъ, частью изъ всякаго сброда, липковъ, волохъ, босняковъ, болгаръ, бѣглыхъ червонорусскихъ кметей и т. д.; построилъ кое-какое помѣщеніе для себя, своего двора и гарема, который онъ держалъ, какъ истинный вассалъ султана. Надо было княжить, а главное жить. Но чѣмъ, т. е. на чей счетъ, жить? Территорія княжества, и въ указанныхъ выше, ограниченныхъ, предѣлахъ, все же была довольно обширна; но населеніе было крайне скудно, и главное— совсѣмъ не расположено платить, и постоянно готово сняться со своихъ еще ненасиженныхъ, какъ слѣдуетъ, мѣстъ. По этому поводу вышло столкновеніе съ брацлавскимъ полковникомъ Коваленкомъ, котораго Хмельницкій убилъ собственноручно; русское поселеніе было возмущено окончательно. Пробовалъ Хмельницкій дѣлать грабительскіе набѣги со своимъ сбродомъ на Червонную Русь, но Польша находилась въ періодѣ подъема своего духа, и всюду была такая бдительность и осторожность, что эти набѣги не могли ничего дать. Оставалось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ родѣ прямого обдирательства своихъ подданныхъ. Такихъ подданныхъ, которыхъ стоило бы обдирать, конечно, было немного, но они были. Въ Немировѣ жилъ богатый еврей Аронъ, или Орунъ, торговецъ невольницами; онъ-то и сдѣлался жертвой Хмельницкаго. Однако такая внутренняя политика князя не понравилась туркамъ; они вызвали Хмельницкаго и казнили его. Такимъ образомъ княжество Сарматія покончило черезъ два года свое эфемерное существованіе.

Трудно сказать, сколько правды заключается въ этомъ эффектномъ эпизодѣ столкновенія Хмельницкаго съ Оруномъ, такъ какъ южнорусскіе, польскіе и армянскіе писатели различно разсказываютъ исторію окончательнаго исчезновенія Юрія Хмельницкаго съ исторической сцены. Но самъ Орунъ, какъ типъ,

если не какъ индивидуальность, есть несомнѣнная горькая историческая правда. Да нѣтъ основаній заподозрѣвать Оруна и какъ личность, такъ какъ народъ Украины еще въ половинѣ настоящаго столѣтія пѣлъ о немъ:

Буде дивка, Орунъ купыть,
Колыбъ тильки гарна...

Такъ ужасно одичала жизнь на Украинѣ, что матери продавали своихъ малолѣтнихъ дочерей тому или другому Оруну, знакомому съ секретами калотехники, который воспитывалъ изъ простыхъ сельскихъ дивчатъ съ ихъ безъискусственной красотой настоящихъ гаремныхъ одалискъ: создавая цѣлыми годами усилій и соотвѣтствующихъ приспособленій утонченную красоту, онъ въ то же время систематически убивалъ въ своихъ воспитанницахъ нравственное чувство, такъ что подобная гурія, вышедшая изъ искусныхъ рукъ своего воспитателя, уже и не мечтала ни о чемъ, кромѣ лѣни и роскоши гарема.

Торговля людьми была до сихъ поръ лишь принадлежностью крымскихъ татаръ; теперь и на Украинѣ стали появляться люди, достаточно предпріимчивые и безсовѣстные, чтобъ сдѣлать изъ торговли своими братьями источникъ наживы. Можно указать, напр., на Шпака, одного изъ ватажковъ или полковниковъ, который, пользуясь смутой, царившей на Украинѣ въ началѣ 18-го в., уводилъ толпы украинцевъ и продавалъ ихъ въ крымскихъ владѣніяхъ. Имя Шпака до сихъ поръ держится въ народной памяти въ названіи Шпаковаго шляха по направленію отъ Немирова къ Балтѣ.

Турція еще пыталась было и послѣ Юрія Хмельницкаго назначать отъ себя гетмана, но уже въ 1688 г. въ Немировѣ жилъ въ качествѣ наказного козацкаго атамана шляхтичъ Куницкій, поставленный Собѣсскимъ. Районъ турецкаго вліянія, все съуживаясь, наконецъ заключается въ Каменцѣ-Подольскомъ, не выходя за предѣлы его стѣнъ; самъ городъ находится въ такой блокадѣ, что турецкій гарнизонъ не могъ, какъ говорится, показать носа за эти стѣны. Такимъ образомъ, когда въ силу Карловицкаго мира, заключеннаго въ 1699 г., край былъ возвращенъ Польшѣ, то туркамъ оставалось только выступить изъ Каменца и ничего больше.

И такъ, къ началу 18-го в. положеніе дѣлъ было такое. Украина снова принадлежала Польшѣ, теперь уже на правахъ завоеваннаго края. Но жизнь, между тѣмъ, успѣла пустить ростки по всей роскошной территоріи Украины, и ростки отъ стараго корневища—тѣ же упорные, русско-козацкіе, не совмѣстимые съ существованіемъ польскаго общественнаго строя. Новое населеніе опять вязалось въ полки, выбирало полковниковъ и не хотѣло и слышать о подданствѣ: „сама натура каждаго хлопа, особенно въ тѣхъ краяхъ, между козаками, всегда побуждаетъ къ бунтамъ противъ пановъ“, какъ выражается одинъ польскій современникъ-шляхтичъ. А въ хаотическомъ броженіи чувствовалось присутствіе направляющаго начала, исходящаго отъ сильной личности одного человѣка, который, безъ всякаго уполномочія, признанія гетманскаго титула, былъ главнымъ руководящимъ двигателемъ украинской жизни въ данный моментъ. Мы подразумѣваемъ хвастовскаго полковника Семена Палія.

Вмѣстѣ съ талантами дипломата, администратора и полководца Палій соединялъ въ себѣ ту особую силу, которая окружаетъ извѣстныхъ людей обаяніемъ, дѣйствующимъ на души не только современниковъ, но и потомства. У Палія это его обаяніе связано было несомнѣнно съ той его характерной чертой, что онъ не допускалъ противопоставленія козацкихъ интересовъ хлопскимъ, всюду являясь сторонникомъ не козацкой привиллегированности, а общенародной независимости. Палій утвердился въ степной части Кіевскаго воеводства, примыкающей къ Полѣсью, укрѣпился въ Хвастовѣ и колонизовалъ Хвастовщину. Но ему было, вѣроятно, все таки трудно держаться въ степи, и въ 1689 г. онъ появляется на Полѣсьѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое здѣсь оказывалось козачеству. И не только въ степи, но и на Полѣсьѣ Палій утвердился такъ прочно, не смотря на жалобы шляхты, на неудовольствіе мѣстнаго козачества, что къ нему и народъ, и шляхта обращались, какъ къ высшей инстанціи: шляхтичи просили помощи у „вельможнаго пана Палія“ не только въ своихъ затрудненіяхъ по отношенію къ подданнымъ, но и во взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Стало и лѣсное козачество примыкать къ степовой „паліив-

щинѣ". Остальные полковники организующихся украинскихъ полковъ, Самусь, Искра, Абазинъ видѣли въ Палiѣ свой центръ и подчинялись ему. Свободное степовое козачество росло и крѣпло, а Польша, имѣя подъ бокомъ Турцію, относилась къ этому росту съ благосклонной снисходительностью. Положеніе рѣзко измѣнилось съ полнымъ вытѣсненіемъ турокъ: къ тому же умеръ и покровитель козачества Собѣсскій, за три года до Карловицкаго мира. Тотчасъ же за заключеніемъ этого мира появляется сеймовая конституція, совершенно уничтожающая козачество на всей территоріи польскаго государства, слѣдовательно, не только Полѣсья, но и вновь присоединеннаго Подолья и Украины. Тѣмъ самымъ все населеніе Украины обращалось въ подданство панамъ, которые тотчасъ же должны были явиться, чтобы занять свои старыя имѣнія. Но невозможно было и предположить, чтобъ на этой почвѣ, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дѣло могло обойтись мирно. Борьба была неизбѣжна. Уже въ 1702 г. снова все было въ огнѣ, и Кіевщина, и Брацлавщина, и Подолье, весь край вплоть до Волыни, гдѣ многочисленные земяне успѣли съорганизоваться во-время и удержать хлоповъ. И Польша, терзаемая снова внутренней войной, не могла справиться съ своими бунтующими подданными: Палій былъ сломленъ лѣвобережнымъ гетманомъ Мазепой. Но еще нѣсколько лѣтъ длились волненія, которыя питались политической смутой, царившей эти годы на сѣверо-востокѣ Европы подъ именемъ великой сѣверной войны. Наконецъ, затихли и эти внѣшніе толчки, волновавшіе несчастный край,— все затихло; старая жизнь замерла окончательно. Но тотчасъ же на смѣну ея ворвалась новая торжествующая волна, которая залила и погребла подъ собой, вмѣстѣ съ козачествомъ, и русскую національную стихію Украины.

IV. Передъ паденіемъ Польши.

Въ началѣ 18-го вѣка, первыя два его десятилѣтія, Украина на-ново переживаетъ то, что уже переживала когда-то, послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но какъ

различны были условія тогда и теперь! Тогда польскій элементъ, привлекаемый просторомъ и непочатыми природными богатствами Украины, шелъ сюда бодро и радостно, полный вѣры въ свою культурную миссію, полный надежды на свѣтлое будущее, и на первыхъ порахъ не наталкивался здѣсь ни на вражду, ни на отпоръ, въ худшемъ случаѣ лишь на выжидающее недоумѣніе. И теперь Украина была по-прежнему прекрасна и изобильна, по-прежнему зеленѣли и благоухали ея безбрежныя степи, но ея роскошная растительность укрывала пепелища и бѣлѣющія кости; а безобразныя развалины, которыя еще не успѣла спрятать мать-земля, разсказывали безконечныя легенды объ ужасахъ братоубійства. Атмосфера была насыщена воспоминаніемъ недавняго кроваваго прошлаго. И людскія души питали въ себѣ это воспоминаніе, какъ свое дорогое наслѣдство. Скудное населеніе Украины встрѣчало пришельцевъ съ чувствомъ безсильной и глубоко затаенной злобы. Тѣ являлись съ смѣшанными чувствами страха, ненависти и злораднаго торжества. На такой нездоровой психологической почвѣ предстояло создавать на-ново общественную жизнь.

Поляки начали возвращаться на Украину тотчасъ „post hosticum“, т. е. послѣ удаленія турокъ. Но движеніе это было задержано новыми волненіями, о которыхъ была рѣчь выше. Только послѣ 1711—13 гг., т. е. послѣ Прутскаго мира и новаго массоваго выселенія жителей Украины на лѣвобережье, край сдѣлался польскимъ: русское государство окончательно отказалось отъ всякихъ на него притязаній. Украина была открыта не только для польской политики, но и для польскаго права: слабое, кое-гдѣ разбросанное населеніе уже не представляло никакого сопротивленія. Шляхетство могло устраиваться по своему.

Не надо забывать, что уже больше полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ украинскіе владѣльцы покинули свои имѣнія. Огромное большинство ихъ умерло, не дождавшись возвращенія на родину; и только дѣти и внуки изгнанниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ Рѣчи-Посполитой, вскормленные мечтами о благословенной Украинѣ, текущей медомъ и млекомъ, могли

увидѣть обѣтованную землю. Конечно, это относится не къ магнатамъ, а къ рядовой шляхтѣ. Какіе-нибудь Конецпольскіе могли совсѣмъ не интересоваться своими заброшенными и пустынными украинскими латифундіями. Но шляхетская масса, вытолкнутая изъ Украины народными волненіями, не имѣла владѣній въ глубинѣ Литвы или Польши; а какъ-нибудь устроиться такому безземельному шляхтичу на территоріи, и безъ того переполненной шляхтой, конечно, могло быть лишь дѣломъ исключительнаго счастливаго случая: всякій трудъ, кромѣ войны и хозяйства, считался для шляхтича позоромъ, который могъ лишить человѣка даже шляхетскаго достоинства со всѣми его огромными прерогативами. Не мудренно поэтому, что возвращеніе на Украину было для огромнаго большинства изгнанниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратомъ къ прочному общественному положенію, обезпеченному завтрашнему дню, благосостоянію, и все это къ тому же облеченное въ таинственную и заманчивую неизвѣстность, гдѣ въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ образахъ и краскахъ рисовалась роскошная Украина. Да и въ самомъ дѣлѣ она была неисчерпаемо богата со своею плодородной почвой, отдохнувшей цѣлые полвѣка отъ плуга, куда достаточно было бросить беззаботной рукой горсть зерна, чтобъ получить богатый урожай, съ лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, съ изобиліемъ всякой дичи—и звѣря, и птицы, и рыбы, которая безпрепятственно размножалась все это долгое время. Естественно, что изгнанники тосковали за своей Палестиной и рвались къ ней. Но на встрѣчу этимъ радужнымъ надеждамъ шли тяжелыя разочарованія. Конечно, каждый возвращающійся думалъ прежде всего о своемъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ не могъ не предполагать, что оно запущено, разорено; но мысль, что оно существуетъ въ какомъ бы то ни было видѣ, была большой отрадой для бездомнаго скитальца. Каково же бывало пораженіе, когда возвращающіеся не только не находили гнѣзда или его остатковъ, но часто не находили слѣда того, что оно существовало когда-нибудь на свѣтѣ. На мѣстѣ защищеннаго и благоустроеннаго панскаго двора, окруженнаго бѣлыми хатами, разукрашенный образъ котораго крѣпко держался въ семейной традиціи, была холмистая

поляна или лѣсъ, выросшій изъ запущеннаго сада, и только деревья привѣтствовали бѣднаго пришельца, отыскивающаго свой родной уголъ. Цѣлыя большія поселенія исчезли такъ, что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ, и, случалось, даже самое имя пропадало, а вмѣстѣ съ нимъ и всецѣло воспоминаніе о томъ, что было когда-то на данномъ мѣстѣ. Но главная бѣда была не въ огорченіяхъ и разочарованіяхъ, а въ тѣхъ безконечныхъ юридическихъ затрудненіяхъ, какія вытекали изъ указаннаго положенія вещей. Чѣмъ и какъ было доказывать свои владѣльческія права? Настоящихъ магнатовъ эти затрудненія опять-таки не касались. Ихъ территоріи, захватывавшія по нѣсколько уѣздовъ, легко поддавались опредѣленію: какія затрудненія могли встрѣтить, напр., Потоцкіе, которымъ прямо и просто принадлежало Поднѣстровье отъ Смотрича за Могилевъ? Совсѣмъ иное было положеніе рядовой шляхты, которая владѣла, на правахъ-ли собственности, или заставнаго державства, небольшими имѣніями. У многихъ пропали документы: извѣстно, съ какой ожесточенной ненавистью истреблялъ украинскій народъ всѣ шхялетскія бумаги. Но чѣмъ могли помочь и документы, если не было фактической опоры для утвержденія владѣльческихъ правъ на опредѣленный участокъ: не было старожиловъ, на показаніяхъ которыхъ можно было основаться, не было межевыхъ или граничныхъ знаковъ, не сохранилось, случалось, даже старыхъ названій урочищъ. Отсюда вышло то, что и должно было выйти—безконечный правовой хаосъ. Часто возвращающійся шляхтичъ совсѣмъ не могъ найти своего наслѣдства; иногда онъ его заставалъ уже захваченнымъ другимъ лицомъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ, расширившимъ не въ мѣру свои границы, или заставнымъ державцей, который яко-бы получилъ землю подъ капиталъ отъ третьяго лица—и нечѣмъ было отстранить этихъ фактическихъ владѣльцевъ. На каждый земельный кусокъ являлось нѣсколько, а, случалось, и нѣсколько десятковъ претендентовъ; безспорныхъ владѣльцевъ, можно сказать, не было вовсе. Сыпались безконечныя жалобы, манифесты, дѣлались заѣзды; сутяжничество развилось до самой высокой степени. Жалкіе украинскіе „гроды“, только что начавшіе

оправляться отъ разоренія, были полны юристами-сутягами, кормившимися этой безурядицей, и наслѣдниками, которые рады были отступиться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы получить за нихъ хоть что-нибудь наличными деньгами.

Не лучше было возвратившейся шляхтѣ и въ экономическомъ отношеніи. Шляхетское благосостояніе опиралось исключительно на трудъ зависимаго населенія, подданныхъ. А между тѣмъ населеніе на владѣльческихъ земляхъ Кіевщины, Брацлавщины и Подолья было крайне скудно. Напр., въ Кіевщинѣ „Хвастовъ, Черногородка и деревни, принадлежащія къ Хвастову, такъ опустошены, что нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ 8 подданныхъ въ Черногородкѣ“; или на Подольѣ, въ Могилевскомъ ключѣ, состоящемъ изъ большого мѣстечка и 4 селъ, оказалось, по счисленію коммиссара Потоцкихъ, всего на-все 178 душъ обоего пола, „хозяевъ, женъ ихъ, вдовъ, наробковъ и дѣвокъ“. Трудно было приняться за хозяйство при такомъ состояніи „живаго реманента“. Да и это скудное населеніе надо было эксплуатировать осторожно, такъ какъ ему, при данномъ пустынномъ положеніи края, очень легко было уйти отъ владѣльца, которымъ оно было недовольно. Быть или не быть украинской шляхтѣ стало въ зависимость отъ того, успѣетъ-ли она привлечь и удержать хлопа.

Магнаты, располагавшіе большими средствами, не зависѣли отъ своихъ украинскихъ имѣній и здѣсь нашли выходъ изъ затрудненія. Они стали привлекать населеніе изъ другихъ областей Польскаго государства и даже изъ-за границы. Замойскіе вывели себѣ подданныхъ съ надъ Вислы; Сѣнявскіе, Ржевусскіе и иные подольскіе паны вызывали людей изъ Галиціи, съ территоріи Пшемысла и Санока, такъ что цѣлыя деревни на Подгорьѣ запустѣли; Любомірскій привлекъ въ свои Шаргородскія имѣнія мазуровъ, а на Побережье волоховъ, которые очень охотно стали переселяться на лѣвый берегъ Днѣстра; призывали выходцевъ изъ-за Днѣпра, не забывшихъ своей правобережной родины, даже великорусскихъ раскольниковъ, такъ-называемыхъ филипоновъ. Но все это поглощалось панскими латифундіями, да и тамъ составляло каплю въ морѣ: громадныя

пространства земли все-таки лежали пустыми. А заурядному шляхтичу ничего не оставалось, какъ заманивать къ себѣ какими-нибудь способами простого украинскаго хлопа или отъ своихъ собственныхъ сосѣдей, или изъ ближайшихъ мѣстностей болѣе густаго заселенія. Такими мѣстностями были по отношенію къ собственной Украинѣ Волынское, Русское, Бельзское воеводства и сѣверная часть Подольскаго.

Всѣ способы заманиванія группировались около одного главнѣйшаго—„слободы“. Владѣльцы, желавшіе имѣть свои земли заселенными, должны были приманивать населеніе обѣщаніемъ свободы отъ обязательствъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки эти обращались между 15 и 30-ю годами, при чемъ кратчайшіе сроки были на Подольѣ, и, все удлиняясь по направленію къ востоку, они въ Кіевщинѣ достигали своего максимума. На все это время владѣлецъ ограничивался нѣсколькими злотыми годоваго чинша и нѣсколькими днями лѣтней работы; бывала и полная свобода отъ обязательствъ, но, повидимому, лишь какъ исключеніе.

Надо было во чтобы то ни стало приманивать хлопа, удерживать его въ сладкой надеждѣ, что хоть и длиненъ срокъ свободы, а все таки онъ кончится, и изъ полувольнаго слобожанина вылупится подданный, предоставленный польскимъ правомъ на полный произволъ его пана. Не могъ не знать грозящей ему участи и украинскій народъ, но онъ, закрывая глаза, шелъ ей на встрѣчу. Да что-же бы, впрочемъ, ему оставалось дѣлать? Вѣдь въ силу господствующаго теперь права посполитый не могъ быть владѣльцемъ земли, а долженъ былъ садиться на чужую землю и тѣмъ поступать въ подданство землевладѣльца. Исторія дала украинскому хлопу небольшую отсрочку, и онъ старался воспользоваться ею возможно шире. Изъ всего этого создались на Украинѣ на цѣлые полвѣка, пока истекли сроки послѣднихъ „слободъ“—что имѣло мѣсто лишь въ началѣ второй половины столѣтія—особыя условія.

Шляхтичъ, желавшій призвать людей на свою пустующую землю, поручалъ обыкновенно это дѣло опытному человѣку, какому нибудь заслуженному дворянину (служащему при панскомъ

дворѣ) простонароднаго происхожденія или мелкому оффиціалисту изъ тѣхъ, кому приходилось, по обязанностямъ своего званія, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Необходимымъ условіемъ успѣха было то, чтобы агентъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и всѣ способы ихъ уловленія. Такой вербовщикъ набиралъ съ собой запасъ хлѣба и горѣлки и ѣхалъ въ мѣстечко на ярмарку, на престольный праздникъ—туда, гдѣ можно было встрѣтить много народа. Тамъ, на людномъ пунктѣ, онъ вбивалъ жердь съ дощечкой, на которой написаны были условія предлагаемой „слободы“, а самъ, стоя подъ жердью, приглашалъ всѣхъ желающихъ на хлѣбъ и горѣлку. Прохожіе останавливались; кто-нибудь, чаще всего дьячекъ, читалъ написанное; начинались разговоры, вербовщикъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ соблазнительномъ видѣ богатство земли, всѣ ея необычайныя удобства для поселенія, исключительную доброту пана. И разстояніе-то до мѣста рукой подать, и топлива сколько угодно—цѣлые дубовые лѣса, и водопой въ самой деревнѣ, громадный какъ озеро ставъ, гдѣ и рыбы, сколько хочешь, и мельницъ на немъ можно устроить хоть нѣсколько. Однимъ словомъ, все являлось въ описаніяхъ вербовщика фантастически окрашеннымъ въ самые идеальные цвѣта; а обильное угощеніе располагало умы къ довѣрію. Впрочемъ, являлся обыкновенно на сцену и достовѣрный свидѣтель, какой-нибудь подготовленный Иванъ или Петръ, который собственными глазами видѣлъ этотъ земной рай и готовъ былъ расписывать его красоту. Не бѣда, если вмѣсто лѣса оказывался корявый кустарникъ въ буеракѣ на голой степи, а вмѣсто рыбнаго става болото: главное дѣло было сдѣлано, условія написаны писаремъ, который былъ у вербовщика на готовѣ, и народъ двигался на условленное мѣсто. Положимъ, что, обманутый и разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ часто кидалъ мѣсто своей новой осѣдлости; но это было съ его стороны уже противозаконнымъ дѣйствіемъ.

Но такое свободное зазываніе на „слободы“ могло практиковаться лишь первое время, пока еще были люди, не имѣвшіе осѣдлости на панскихъ земляхъ, и пока еще не подвергалось

такимъ строгимъ преслѣдованіямъ переманиваніе хлоповъ отъ сосѣдей. Но мало-по-малу это переманиваніе „живаго ременанта“ приняло характеръ злостнаго противообщественнаго преступленія, возбуждавшаго усиленное преслѣдованіе со стороны закона и общественное негодованіе. Но часто экономическая необходимость все-таки заставляла его совершать, хотя и кондрабандным способомъ. Вотъ тогда-то и появились на свѣтѣ тѣ контрабандные торговцы запретнымъ живымъ товаромъ, которые назывались „выкотцами“.

„Выкотца“—это беззастѣнчивый человѣкъ, который брался за извѣстное вознагражденіе доставить владѣльцу пустыхъ земель столько-то кметей, способныхъ къ работѣ. Занимались этимъ непочетнымъ и небезопаснымъ дѣломъ бѣдные шляхтичи и евреи. Шляхтичъ пріѣзжалъ въ намѣченную деревню верхомъ, яко-бы отыскивая себѣ службу; еврей притаскивался въ корчму на возу подъ предлогомъ скупки чего-нибудь, напр.—овчинокъ. Переходя изъ хаты въ хату, выкотца уговаривалъ крестьянъ оставить свою осѣдлость и перейти на новую, обѣщая всякія блага. Сама по себѣ соблазнительна была уже мысль начать свой срокъ слободы съ начала, если онъ на старомъ мѣстѣ былъ въ значительной долѣ выжитъ. Если выкотца добивался согласія, то условливались, когда приступать къ опасному предпріятію: конечно, крестьянамъ надо было нѣкоторое время, чтобъ ликвидировать свои дѣла. Въ означенный срокъ выкотца являлся съ подводами, забиралъ охотниковъ и съ большою осторожностью, окольными дорогами, велъ ихъ въ назначенное мѣсто. Ремесло выкотца было несомнѣнно выгоднымъ ремесломъ: за доставку семьи изъ Гусятина до Ходоркова шляхтичъ уплатилъ, въ извѣстномъ случаѣ, напр., 120 злотыхъ; за крестьянскую чету, выведенную отъ Брацлавля подъ Бердичевъ, другой предлагалъ 70 злотыхъ: очень вліяло на увеличеніе платы количество дѣтей. Но за то жъ приходилось и тяжело расплачиваться за эти выгоды, если случай отдавалъ выкотцу въ руки обиженнаго имъ владѣльца. До суда обыкновенно не доводили дѣла: владѣльцы расправлялись сами. Слава Богу, если выкотца отдѣлывался побоями, могло быть и хуже—до висѣлицы, включительно. Въ

одномъ случаѣ шляхтичъ, поймавши двухъ такихъ выкотцевъ, которые увели у него цѣлый поселокъ, распорядился такъ: взыскать съ нихъ всѣ свои убытки, а чтобы принудить ихъ къ выполненію, кромѣ лишенія сообды, присудилъ одного изъ нихъ, шляхтича, получать каждую пятницу по двадцать ударовъ—на коврѣ, чтобы не нанести ущерба шляхетскому достоинству, а другого, еврея, запрягалъ вмѣстѣ съ клячей въ соху и борону и заставлялъ пахать. Таковъ былъ самосудъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ между землевладѣльцами и хлопами шла неустанная партизанская война. Шляхтичи пускали въ ходъ всякія хитрости, чтобъ словить уходящихъ хлоповъ; тѣ, съ своей стороны, употребляли еще болѣе усилій, чтобы выскользнуть изъ разставленныхъ имъ силковъ. Конечно, это говорится о гуртовомъ выселеніи, цѣлыми партіями. Въ одиночку хлопу уйти было не трудно: окольными дорогами, минуя деревни и мѣстечки, проводя ночи въ лѣсахъ или бурьянахъ,—конечно, терпя и холодъ и голодъ, держалъ онъ путь на полдень и обыкновенно не обманывался въ разсчетѣ на пріютъ, который на первое время всегда оказывался гостепріимнымъ. Иное дѣло, если приходилось уходить таборомъ. Тутъ шляхтичи поднимались въ погоню съ надворными отрядами и выслѣживали бѣглецовъ съ тѣми пріемами, съ какими плантаторы выслѣживали бѣглыхъ негровъ. Когда догоняли, дѣло нерѣдко доходило до кровопролитной стычки. Но на одной сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, а на другой только палки и колья, и дѣло обыкновенно принимало невыгодный для этой другой стороны оборотъ. Бѣглецамъ приходилось тяжко выкупать свою предпріимчивость: ихъ били, лишали всѣхъ льготъ и сажали на тяжкую панщину, а изувѣченныхъ въ битвѣ отсылали въ замки, гдѣ они должны были работать при тачкахъ. Но если хлопскій таборъ достигалъ назначеннаго мѣста, тутъ уже выходило иначе: шляхтичъ, на землѣ котораго садились бѣглецы, самъ выступалъ на ихъ защиту противъ преслѣдователей, и начиналась битва по всѣмъ правиламъ искусства.

А рядомъ съ войной изъ-за хлопа возникла и охота на хлопа. Бѣдный шляхтичъ, у котораго была земля, а не было денегъ, чтобы ее заселить, находилъ такой выходъ изъ затрудненія: конно, самъ-другъ или самъ-третей, отправлялся онъ выслѣживать краснаго звѣря, т. е. хлопа, мѣняющаго осѣдлость. Укрываясь за придорожной могилой или въ лѣсу, выжидалъ такой шляхтичъ бѣглеца, нападалъ на него неожиданно, захватывалъ и подъ угрозой пули велъ его къ себѣ, чтобъ поселить на своей землѣ. Бывало и еще хуже. Шляхетская застѣнковая бѣднота сбиралась партіями и устраивала облавы на переселяющихся хлоповъ съ простой цѣлью грабежа, чтобъ поживиться добромъ, которое тѣ несли съ собой на мѣсто новой осѣдлости. Все это если и не считалось въ шляхетской средѣ рыцарскимъ и почетнымъ дѣломъ, то сходило все-таки за дозволенное: вѣдь бѣглый хлопъ былъ, по польскому праву, persona vagabunda, лицо внѣ закона, отданное тѣмъ самымъ на произволъ перваго встрѣчнаго, достаточно сильнаго, чтобъ имъ овладѣть. Жестокіе нравы и нелюдскія отношенія выростали на почвѣ Украины, отравленной потоками пролитой крови. Украинскій шляхтичъ дичалъ и деморализировался въ этой безславной борьбѣ, въ которой и тѣни не было идеальныхъ мотивовъ, въ видѣ ли защиты христіанства отъ басурманъ, или культуры и государственности отъ варварства и анархій. Украинскій крестьянинъ утрачивалъ то, на чемъ держится въ осѣдлой земледѣльческой массѣ ея нравственная крѣпость: привязанность къ своей землѣ, къ родному углу. Страхъ передъ крѣпостнымъ подданствомъ, въ которое попадалъ крестьянинъ, какъ только кончался договорный срокъ, гналъ его изъ одной мѣстности въ другую, по преимуществу въ юго-восточномъ направленіи. Обитатели сѣверныхъ частей Украины тянулись на Подолье, подольскіе поселенцы двигались въ Брацлавщину, брацлавскихъ точно выпирала какая-то сила въ кіевскія степи... Трудъ дѣлался постылымъ земледѣльцу, который вѣчно мечталъ о какомъ-то отдаленномъ земномъ раѣ, его ожидающемъ, если у него хватитъ отваги и счастья порвать связывающія его узы; осѣдлое населеніе развивало вновь утраченные было имъ кочевые инстинкты.

Такъ прошло полвѣка. Въ періодъ между 1715 и 1730 гг. движеніе достигло своего апогея; затѣмъ начало слабѣть, хотя не прекращалось почти все столѣтіе, въ концѣ его выливаясь уже за предѣлы Рѣчи посполитой, въ новороссійскія степи.

Какъ бы то ни было, Украина заселялась. Ея населеніе было неустойчиво, непрочно, но оно было, и на роскошной украинской почвѣ быстро размножалось. Съ прекращеніемъ сроковъ слободъ земля стала усиленно повышаться въ своей цѣнности. То, что въ началѣ столѣтія переуступалось за безцѣнокъ, въ половинѣ его уже составляло часто значительное имущество. Янъ-Александръ Конецпольскій въ завѣщаніи, писанномъ въ 1702 г., оцѣнилъ свои огромныя украинскія пустыни всего лишь въ 50,000 злотыхъ; лѣтъ 20—30 спустя эти пустыни перешли къ Любомирскимъ уже за милліонъ злотыхъ; въ концѣ же столѣтія Любомирскіе продали одну лишь четвертую ихъ часть за 60 милліоновъ, но это были уже, конечно, не пустыни.

Магнаты въ первый періодъ новаго заселенія края совсѣмъ пренебрегали своими украинскими имѣніями. Всѣ эти Сѣнявскіе, наслѣдниками которыхъ были Чарторижскіе, Потоцкіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Замойскіе—жили въ столицѣ или въ другихъ своихъ имѣніяхъ въ глубинѣ Рѣчи-Посполитой, все предоставляя своимъ оффиціалистамъ. Оффиціалисты того или другого магнатскаго дома, напр. дома Потоцкихъ, были такъ многочисленны, что составляли своего рода обособленную группу среди украинской шляхты. Во главѣ оффиціалистовъ стояли губернаторы, которые держали себя по образцу своихъ вельможныхъ принципаловъ. Они жили въ укрѣпленныхъ дворахъ, или замкахъ, имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерію, состоящую изъ нѣсколькихъ пушекъ, и надворную милицію, пѣшую и конную, а, главное, владѣльцы передавали имъ всѣ свои огромныя права надъ подданными до права жизни и смерти включительно. Въ особенности велики были полномочія губернаторовъ болѣе отдаленныхъ и угрожаемыхъ юго-восточныхъ окраинъ. Но по мѣрѣ того, какъ край заселялся и имѣнія пріобрѣтали прочную, и притомъ съ страшной быстротой возрастающую, цѣнность, и магнаты начали все больше и больше удѣлять вниманія своимъ

украинскимъ латифундіямъ Въ концѣ-концовъ, украинское магнатство, опираясь на эти латифундіи, сдѣлалось главной руководящей силой Рѣчи-Посполитой, рѣшительницей ея судебъ. Здѣсь, на украинской территоріи, и были окончательно рѣшены эти судьбы.

Пышнымъ экзотическимъ цвѣткомъ со всѣмъ его блескомъ и дурманомъ развернулась на Украинѣ панская жизнь.

Прежде всего надо сказать, что украинское панство было теперь уже сплошь польскимъ и католическимъ. Еще въ началѣ описываемаго періода можно было встрѣтить кое-гдѣ, въ особенности на Волыни, дворянина православнаго, а слѣдовательно—и помнящаго свою національность. Это уже не магнатъ, но еще и не какой-нибудь захудалый обыватель шляхетской околицы: случалось, хотя какъ большая рѣдкость, попадался даже и на сеймѣ православный посолъ. Въ качествѣ анахронизма можно встрѣтить волынскаго православнаго дворянина еще и во второмъ десятилѣтіи описываемаго вѣка. Но логика исторіи дѣлаетъ свое жестокое дѣло, неумолимо разворачивая дальше и дальше цѣпь причинъ и слѣдствій. Еще немного—и православный дворянинъ дѣлается уже невозможностью, соціальной нелѣпостью. Православіе, какъ и прочіе аттрибуты русской національности, соединяются неразрывно съ низшимъ, зависимымъ, презираемымъ общественнымъ положеніемъ. Русскіе дворянскіе роды, въ своемъ стремленіи возможно скорѣе и цѣльнѣе забыть свои старыя связи, не стѣсняясь ни здравымъ смысломъ, ни историческими фактами, фабрикуютъ самыя нелѣпыя генеалогіи. Фабрикаціей этой занимаются обыкновенно ученые спеціалисты изъ монаховъ, напр.—бердичевскіе кармелиты. Эти генеалогіи возводятъ родословныя дерева обыкновенно не ближе, какъ къ Попелю, миѳическому польскому королю, а то къ какому-нибудь еще болѣе миѳическому Литталеону, правителю Литвы, который жилъ чуть-чуть что не до Рождества Христова; переселеніе же протопластовъ рода на Русь никакъ не предполагалось позже 12—13 в.в.

Украина представляла собой теперь нѣсколько самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. На первый планъ

между украинскими магнатами выдвигались, конечно, Потоцкіе и Чарторижскіе, съ именами которыхъ такъ неразрывно связана вся послѣдняя эпоха исторіи Польши,—представители и главы двухъ лагерей, двухъ политическихъ теченій, своимъ антагонизмомъ подготовившихъ окончательную гибель государства. Украинскія имѣнія Потоцкихъ занимали большую часть Брацлавскаго воеводства; они разбросаны были въ треугольникѣ, углы котораго отмѣчаются Тарговицей, Могилевомъ, Тульчиномъ. Впрочемъ, эти земельныя богатства долго были раздроблены между отдѣльными вѣтвями дома Потоцкихъ, и только во второй половинѣ столѣтія соединились въ рукахъ кіевскаго воеводы Франциска Салезія, котораго современники не даромъ звали „русскимъ королькомъ“, а затѣмъ сына его Щенснаго-Потоцкаго, сыгравшаго такую большую и неудачную роль въ послѣднихъ судьбахъ Рѣчи-Посполитой. Съ Чарторижскими могли равняться во всемъ Польскомъ королевствѣ развѣ одни только Радзивиллы. Колыбелью рода Чарторижскихъ была Клевань на Волыни. Извѣстный Адамъ-Казиміръ, генералъ земель подольскихъ,—который былъ подготовленъ въ преемники къ Августу III—кромѣ огромныхъ литовскихъ имѣній, земель въ Коронѣ и Русскомъ воеводствѣ, родовой Клеванщины, владѣлъ еще Грановщиной въ воеводствѣ Брацлавскомъ и большими имѣніями на Подольѣ: Межибожемъ съ его территоріей и гродовыми староствами Каменецкимъ и Литичевскимъ. На Волыни никто, конечно, не могъ потягаться земельнымъ богатствомъ съ наслѣдникомъ князей Острожскихъ, княземъ Сангушкой; но этотъ ничтожный человѣкъ, въ половинѣ столѣтія, раздарилъ или распродалъ, словомъ, разбросалъ свои громадныя богатства, хотя и не имѣлъ на это права, и ихъ разобрали украинскіе магнаты и ихъ кліенты, во главѣ съ Чарторижскими: такимъ образомъ Чарторижскимъ достались еще и Старо-Константиновскія волости князей Острожскихъ. Немногимъ уступало владѣніямъ Потоцкихъ и Чарторижскихъ по величинѣ территоріи, хотя и уступало по доходности, Побережское государство Любомирскихъ, занимавшее огромныя пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, такъ-называемые Бужскій и Днѣстровый тракты: земли Любо-

мирскихъ начинались подъ Винницей и кончались подъ Ягорлыкомъ и Конецполемъ. Надо, впрочемъ, сказать, что имѣніе Любомирскихъ, какъ пріобрѣтенное куплей, а не наслѣдствомъ или вѣномъ, не могло сообщить своимъ обладателямъ, въ глазахъ современниковъ, всего должнаго престижа. Если къ этому счету присоединить еще Ржевусскихъ и Яблоновскихъ—огромныя имѣнія тѣхъ и другихъ разбросаны были по всей Украинѣ, то вотъ почти и всѣ магнатскіе роды, дѣлившіе между собой господство надъ Украиной. Изрѣдка случалось, что достигалъ магнатскаго значенія и не магнатъ по происхожденію: такимъ значеніемъ пользовался, напр., одно время кіевскій воевода Стемпковскій.

Владѣнія магнатовъ дѣлились, въ административныхъ и экономическихъ видахъ, на ключи, размѣры которыхъ были различны, смотря по особенностямъ территоріи, густотѣ населенія и типу поселеній, характеру хозяйства. Одно дѣло сѣверная Волынь съ ея тѣсными старыми поселеніями и лѣснымъ хозяйствомъ, другое—безконечный степной просторъ заселяющейся южной Украины. Клеванскій ключъ Чарторижскихъ, со всѣми его неисчерпаемыми лѣсными богатствами, состоялъ всего изъ одного мѣстечка и десяти деревень,—а въ Грановскомъ, степномъ, ключѣ считалось 26 большихъ поселеній, хотя главный доходъ ключа составляли не эти поселенія, а степи, гдѣ свободно гуляло стадо изъ 700 кобылицъ, а волы выпасались тысячами. Побережское государство князей Любомирскихъ состояло изъ 11 ключей: къ Немировскому ключу, напр., относился Немировъ и пятьдесятъ деревень.

Въ каждомъ магнатскомъ государствѣ была, конечно, столица; случалось, и не одна. По крайней мѣрѣ, резиденцій у болѣе притязательныхъ пановъ, тянувшихся за тѣмъ, чтобъ воспроизводить образъ жизни владѣтельныхъ особъ, бывало до четырехъ, и между ними распредѣлялъ такой панъ свой годъ по сезонамъ. Въ главной резиденціи былъ, само собой разумѣется, дворецъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій магнатскому достоинству. Правда, все это пришлось возводить на ново, но бога-

тая Украина легко доставляла средства, а панъ не жалѣлъ ихъ для такой цѣли.

Теперь панскому дворцу не зачѣмъ было представлять собою феодальный замокъ; ничто не угрожало безопасности его обитателей, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ края. Но искусственная традиція не легко уступала свое мѣсто. Немудрено, что старый дворецъ степнаго Тульчина, позднѣйшей главной резиденціи Потоцкихъ, былъ защищенъ валами и бастіонами, у которыхъ стояли огромныя гранатныя бомбы, съ висѣлицей у воротъ. Но и дворецъ Яблоновскихъ въ тихихъ и безопасныхъ Ляховцахъ надъ Горынью, выстроенный въ половинѣ столѣтія, имѣлъ тотъ же феодальный видъ. Стѣны и глубокіе рвы, окружающіе массивный, неуклюжій пятиугольникъ, были сверхъ всего защищены огромнымъ прудомъ, воды котораго разливались вокругъ замка въ болота и топи. Подъемный мостъ, въѣздная брама съ башнями и стрѣльницами, бастіоны, снабженные пушками, все было разсчитано на средневѣковый замокъ,—кромѣ необходимости и цѣлесообразности всѣхъ этихъ приспособленій. Впрочемъ, иные магнатскіе дворцы позднѣйшаго сооруженія уже свободны отъ этихъ феодальныхъ затѣй. Новый великолѣпный Тульчинскій дворецъ Потоцкихъ, на которомъ была знаменательная надпись: „чтобъ всегда былъ жилищемъ вольныхъ и честныхъ“, поражалъ современниковъ роскошной мебелью, хрусталемъ, бронзами, картинной галлереей, заключавшей въ себѣ драгоцѣнные оригиналы, нумизматическимъ кабинетомъ, обширной библіотекой, изящнымъ театромъ, садомъ съ руинами, прудами и водопадами, съ померанцевыми и ананасными оранжереями. Въ изящномъ Лабуньскомъ дворцѣ Стемпковскаго вниманіе останавливалось, прежде всего, на роскошной бальной залѣ и искусно разбитомъ садѣ, полномъ клумбъ и газоновъ, рощицъ и бесѣдокъ—идиллическихъ уголковъ, разсчитанныхъ на „амуретки“. Движимость Подгорецкаго дворца Ржевусскихъ оцѣнивалась ни больше, ни меньше, какъ въ 2800000 золотыхъ. Главная резиденція Чарторижскихъ была не на Украинѣ, а въ Коронѣ: когда русскіе сожгли ихъ дворецъ въ Пулавахъ, то вмѣстѣ съ естественно-историческимъ музеемъ погибла и ихъ

библіотека, состоявшая изъ 40,000 томовъ. Вообще можно сказать, что въ дворцахъ украинскихъ пановъ была собрана масса произведеній искусства и наукъ, остатки которыхъ пошли потомъ на украшеніе перворазрядныхъ музеевъ и галлерей въ столицахъ.

Образъ жизни магнатовъ соотвѣтствовалъ ихъ обстановкѣ. Магнатъ—человѣкъ не изъ дюжины; въ немъ самомъ и въ окружающихъ жило сознаніе этой его недюжинности, какъ бы лучъ величія, почивающаго на главахъ избранниковъ и помазанниковъ; онъ чувствовалъ себя призваннымъ выражать каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ шагомъ, что онъ есть монархъ въ миніатюрѣ, король in partibus.

Дворы магнатовъ по многолюдству, богатству, этикету, конечно не уступали дворамъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. При дворѣ тульчинскаго самодержца было больше четырехсотъ придворныхъ слугъ и дворянъ. Сорокъ солдатъ постоянно держали стражу при замковой брамѣ; по мѣстечку то и дѣло сновали придворные козаки, разбѣгаясь въ разныя стороны съ порученіями отъ центральнаго управленія—двѣ сотни козаковъ исполняло эту службу поочередно; собственные уланы пана Потоцкаго охраняли порядокъ. Все указывало на пребываніе владѣтельнаго лица. А внутри замка, въ магнатскихъ покояхъ, толпилась одѣтая въ цвѣтныя ливреи куча слугъ, цѣлый легіонъ дворянъ ждалъ панскаго кивка, чтобы летѣть сломя голову, другой легіонъ прибывшихъ по какому-нибудь дѣлу или просто на поклонъ жилъ при дворѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, пока магнатъ удостоитъ ауденціи или вообще какого-нибудь знака вниманія. И придворные дворяне, и пріѣзжая шляхта садились за панскій столъ, проводили время, какъ хотѣли, забавлялись музыкой въ постные дни, танцами въ разрѣшенное церковью время: многочисленный женскій штатъ ясновельможной пани, ея „фрауцимеръ“, доставлялъ въ изобиліи дамъ. Такимъ образомъ, при магнатскомъ дворѣ шелъ вѣчный пиръ: будни ничѣмъ не отличались отъ праздничныхъ дней. Магнатъ и его супруга могли по цѣлымъ недѣлямъ не показывать своихъ ясныхъ очей ни дворянамъ, ни гостямъ. Охоцкій въ своихъ скандалезныхъ,

но тѣмъ не менѣе крайне интересныхъ, мемуарахъ разсказываетъ, что двѣ недѣли прожилъ при дворѣ прежде, чѣмъ ему удалось увидѣть тульчинскаго монарха и робко изложить свою просьбу. Но такъ какъ магнату, въ его политическихъ видахъ, нельзя было слишкомъ открыто третировать шляхту, то онъ держалъ при своемъ дворѣ ловкихъ и умныхъ людей, чтобъ принимать и занимать гостей, подслащая всякими способами горькую пилюлю, преподносимую шляхтетскому достоинству магнатскимъ высокомѣріемъ. Вообще, магнаты старались украшать свои дворы резидентами, или „вѣчными гостями“ изъ людей, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи: хорошими разскащиками и балагурами, артистами, учеными, въ особенности—поэтами: почти всѣ настоящіе магнатскіе дворы имѣли своихъ „бардовъ“. Надо сказать, что, при общихъ чертахъ, жизнь каждаго магнатскаго двора имѣла и свой индивидуальный характеръ, зависѣвшій отъ личности самого монарха. При Тульчинскомъ дворѣ все было широко и пышно, но чинно и однообразно. Въ то же время при Лабуньскомъ дворѣ у воеводы кіевскаго Стемпковскаго шелъ уже не пиръ, а просто разгулъ, непрерывная вакханалія. Не „бардъ“ былъ здѣсь предметомъ вниманія, а пьяница, который могъ выпить разомъ кубокъ въ восемь бутылокъ; охота смѣнялась картежной игрой и танцами, а рядомъ, въ отдаленныхъ комнатахъ, въ тѣни лимонныхъ и апельсинныхъ двревьевъ, въ бесѣдкахъ, увитыхъ плющемъ, завязывались и развязывались нескромные романы. Въ Чудновскомъ дворцѣ кн. Адама Понинскаго, сосѣда воеводы—тоже одного изъ украинскихъ магнатовъ—шла самая отчаянная азартная игра, и жизнь прожигалась такъ, что въ концѣ-концовъ оказалось, что на имѣніяхъ князя лежитъ ни больше, ни меньше, какъ 83 милліона злотыхъ долгу. А въ скучномъ Ляховецкомъ дворцѣ кн. Яблоновскаго, между тѣмъ, царствовала невыносимая натянутость и этикетъ, доходившій до высокаго комизма. Каждый шагъ былъ точно опредѣленъ и тонко разсчитанъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ не произошло какого-нибудь ущерба княжескому достоинству владѣльца. Пріемъ вассаловъ—такъ называлась зависимая шляхта—былъ точной копіей съ пріемовъ при

настоящихъ дворахъ коронованныхъ особъ: князь сидѣлъ на тронѣ въ горностаевой мантіи, вассалы, являясь на торжественную аудіенцію, должны были три раза преклонить колѣно и потомъ цѣловать руку; самымъ тяжелымъ наказаніемъ для вассала было недопущеніе къ панскому лицезрѣнію втеченіе такого-то времени. Соотвѣтственно была устроена и вся жизнь князя. Впрочемъ, надо сказать, что подобная утрировка магнатскаго положенія возбуждала уже въ современникахъ порицаніе и насмѣшки.

Такъ жили магнаты дома. Конечно, когда они появлялись въ Варшавѣ, они держали себя иначе: даже Щенсный-Потоцкій оставлялъ дома свою угрюмость и высокомѣріе и дѣлался доступнымъ и привѣтливымъ. Магнаты были прежде всего люди политики, а политика требуетъ приспособленія. Но путешествія ихъ, а особенно по своимъ владѣніямъ, были обставлены тѣмъ же церемоніаломъ и пышностью. Когда кн. Адамъ Чарторижскій дѣлалъ въ 1782—3 гг. осмотръ своихъ украинскихъ имѣній, онъ имѣлъ при себѣ дворъ изъ 200 человѣкъ, а обозъ его везло 400 лошадей и еще нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ походными шатрами. Вообще, подобный панъ никуда не выѣзжалъ безъ вооруженной стражи и множества слугъ, безъ того, чтобъ за его тяжелой каретой еще не слѣдовала какая-нибудь брика съ кухней, погребомъ, съѣстными припасами, всѣми принадлежностями домашняго комфорта.

Такой образъ жизни обусловилъ собой огромные расходы. Расходы предполагали соотвѣтственные доходы. Доходы съ земельныхъ имуществъ, о размѣрахъ которыхъ было сказано выше, тоже не могли не быть огромными. Правда, Щенсный-Потоцкій получалъ съ 3 милліоновъ морговъ и 130,000 крестьянскихъ хозяйствъ всего-на-все два милліона злотыхъ годового дохода; но не здѣсь находился главный источникъ доходности его имѣнія, а въ торговлѣ водкой. Кромѣ того, каждое украинское панское хозяйство отправляло на сѣверъ, главнымъ образомъ въ Данцигъ, стада рогатаго скота и огромныя партіи разнаго хлѣба, особенно пшеницы. Доходы Любомирскихъ съ ихъ $2^1/_2$ милліоновъ морговъ были не такъ значительны. Но доходы Чарторижскихъ

во всякомъ случаѣ равнялись, если не превышали, доходы Потоцкихъ, хотя количество крестьянскихъ хозяйствъ на ихъ земляхъ было нѣсколько меньше. За то въ ихъ имѣніяхъ господствовалъ образцовый порядокъ, и хозяйство шло, какъ машина. Главнымъ рычагомъ этой машины была строгая отчетность и точная хозяйственная статистика, для веденія которой былъ знающій, опытный и добросовѣстный люстраторъ. До сихъ поръ сохранилось до 60 фоліантовъ, заключающихъ подробныя люстраціи имѣній Чарторижскихъ втеченіе 30 лѣтъ. Въ нихъ мы находимъ описаніе хозяйственныхъ построекъ и инвентаря, перечисленіе дохода съ арендъ, млиновъ и ставовъ, затѣмъ реестры подданныхъ съ ихъ повинностями и въ заключеніе множество замѣтокъ экономическаго и историческаго характера. Имѣя всегда подъ рукой столь точный матеріалъ, хозяйственная администрація могла легко и свободно направлять движеніе хозяйственнаго механизма. Славился хозяйственностью и Щенсный-Потоцкій, но его заботы были направлены на другое: на разнаго рода хозяйственныя амеліораціи. Онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о заведеніи садовъ, распространялъ въ краѣ фруктовыя деревья, выписалъ изъ Молдавіи милліоны тополей, заботился также объ улучшеніи рогатаго скота, дѣлалъ опыты скрещиванія венгерской породы съ молдавской, выписывалъ дорогихъ мериносовъ, довелъ до высокой степени совершенства лошадей своихъ заводовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность отражалась на хозяйственной культурѣ края. Вообще, можно сказать, что украинскіе магнаты,—по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ представители,—понимали, что они не свободны отъ извѣстной нравственной отвѣтственности за всѣ тѣ огромныя прерогативы, которыми они пользовались, благодаря своему соціальному положенію. Надо замѣтить, что магнаты стояли, въ общемъ, значительно выше рядовой шляхты по своему образованію, къ которому прилагались большія заботы. Магнаты добровольно брали на себя починъ въ такихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какія обыкновенно лежатъ на государствѣ.

И то сказать, впрочемъ: вѣдь значительный процентъ въ массѣ ихъ земельной собственности составляли королевщины,

староства, державства, т. е. государственныя имущества, въ которыхъ они были, по настоящему, лишь распорядителями, и только путемъ узурпаціи и принадлежащихъ имъ правъ выступали собственниками. Какъ бы то ни было, Щенсный-Потоцкій былъ не единственнымъ образцомъ магната, который думаетъ и заботится о вещахъ, полезныхъ и нужныхъ не только ему, но и окружающему обществу, краю. Типографіи на Украинѣ были лишь въ панскихъ имѣніяхъ; ученыя изслѣдованія дѣлались только магнатами, по ихъ почину и на ихъ средства: такъ, Дзѣдушицкій—частью подольскій, но главнымъ образомъ галицкій магнатъ—взялъ на себя, и не только расходами, но и личнымъ трудомъ и рискомъ, нелегкое дѣло изслѣдованія Днѣстра въ цѣляхъ пользованія имъ для навигаціи; на счетъ Ржевусскихъ предпринято было изслѣдованіе флоры Подолья. Но не на это направлены были, главнымъ образомъ, средства и силы магнатовъ, а на политику. Политика заслоняла собой все. Можно-ли видѣть въ этомъ одно лишь стремленіе каждаго магната стать у того источника благъ, откуда изливались всѣ эти староства, державства, широкое пользованіе которыми такъ питало магнатское могущество? Надо полагать, что было частью и такъ. Но при этомъ нельзя отрицать, что лучшіе представители магнатства безкорыстно полагали, что на нихъ лежитъ нравственная отвѣтственность за направленіе государственнаго корабля, и что потому они имѣютъ не только право, но и обязанность вести политику за собственный страхъ и рискъ. Сколько всяческихъ стараній прилагаемо было, чтобы усилить политическое значеніе своего рода путемъ установленія связей съ коронованными особами, съ другими сильными родами; какихъ жертвъ стоило это иногда; какія трагедіи разыгрывались на этой почвѣ за толстыми стѣнами магнатскихъ замковъ: самъ Щенсный-Потоцкій всю жизнь носилъ на себѣ отпечатокъ угрюмости и меланхоліи, вынесенный имъ изъ впечатлѣній молодости, отравленной трагической смертью его первой любимой жены, которая пала жертвой политическихъ разсчетовъ его отца, гордаго „королька Руси“.

По строю польскаго государственнаго механизма, политическія права принадлежали всему польскому народу, подразумѣвая, конечно, лишь народъ шляхетскій, шляхту. Роль магнатовъ заключалась въ томъ, чтобъ направлять слѣпую силу этой шляхты въ тѣхъ или иныхъ, своихъ, политическихъ видахъ.

Конечно, магнаты сдѣланы были изъ того же тѣста, что и остальная шляхта. Они были плоть отъ плоти и кость отъ кости всей массы шляхетскаго народа, насквозь пропитаннаго сознаніемъ своей чрезвычайной привиллегированности, возносящей ея голову чуть-что не на высоту коронованныхъ головъ, свободно, весело и открыто попирающей право, особенно здѣсь, на Украинѣ, легкомысленной и буйной, своевольной и заносчивой. Были, какъ это всегда водится въ каждомъ обществѣ, многочисленныя промежуточныя ступени, которыя вязали первѣйшаго изъ магнатовъ съ послѣдними представителями шляхетской бѣдноты, съ какимъ-нибудь ходачковымъ или загоновымъ шляхтичемъ, который развѣ только тѣмъ напоминалъ о своей привиллегированности, что неохотно брался за плугъ и предпочиталъ, бросивши свой клочекъ, пристроится куда-нибудь на службу, а то и просто промышлять чужимъ добромъ, по большимъ дорогамъ. Какіе-нибудь Чацкіе или Велегорскіе, Гижицкіе, Ильинскіе, Мнишки могли не имѣть ни богатствъ, ни политическаго вѣса Потоцкихъ или Чарторижскихъ, но, тѣмъ не менѣе, могли не только равняться съ ними, но и превосходить роскошью своихъ баловъ и пріемовъ, изысканностью кухни, качествомъ художественныхъ произведеній, украшающихъ ихъ дворцы. Но и небогатая шляхта тянулась изъ послѣдняго, чтобъ обставить себя сообразно своему достоинству.

Вотъ, напр., передъ нами захудалый княжескій родъ князей Четвертинскихъ на Волыни. Обширное жилище надъ живописной Горынью все-таки напоминаетъ замокъ, и замкомъ зоветъ его окрестное населеніе: дворъ обнесенъ квадратной стѣной, по угламъ неуклюжіе приземистые бастіоны со стрѣльницами. Большую залу украшали турецкіе ковры, козацкіе бунчуки, какъ военные трофеи, шлемы и проч.; между окнами висѣли фамильные портреты, а колонны, поддерживающія тяже-

лые своды, обвѣшены были кругомъ небольшими венеціанскими зеркалами въ тяжелыхъ бронзовыхъ рамахъ. По стѣнамъ лавки, обтянутыя коврами, посреди дубовый столъ, вокругъ него тяжелыя кресла, украшенныя вырѣзанными гербами, на столѣ громадный пергаментовый свитокъ съ генеалогіей рода. Но послѣдній грошъ изъ скудныхъ доходовъ тратился на содержаніе приличной по количеству службы, которая могла бы въ случаѣ нужды быть надворнымъ войскомъ: такимъ образомъ, человѣкъ тридцать толкалось по дому и двору. Во главѣ этой службы стояло нѣсколько человѣкъ резидентовъ съ военными титулами неизвѣстнаго происхожденія; правда, все это было одѣто въ потертое платье, выѣзжало въ поле на очень скромныхъ и скромно убранныхъ лошадяхъ, но за то было буйно и крикливо, вѣчно готово какъ ухватиться за саблю, такъ и выпить добрую чарку.

Къ той же „кармазиновой"—въ противоположность сѣрой, ходачковой, или загоновой—шляхтѣ принадлежала еще и масса „одновеськовыхъ" (весь—деревня), „двувеськовыхъ" владѣльцевъ, всюду въ изобиліи разсѣянныхъ по Украинѣ. Они не могли содержать „службы", а жены ихъ „фрауцимера"; они личнымъ трудомъ должны были участвовать въ веденіи своего маленькаго хозяйства; но они все-таки носили, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей шляхетской привиллегированности сознаніе своей личной независимости. Конечно, они должны были въ общественныхъ дѣлахъ примыкать къ тому или другому магнату, но это было дѣломъ ихъ свободнаго выбора. Магнатъ долженъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, заискивать передъ ними, склоняя ихъ на свою сторону, привлекать ихъ „czarką и parką, trunkiem и rosałunkiem" (шапкой и хлѣбомъ, напиткомъ и поцѣлуемъ).

И такъ, вся эта шляхта разныхъ степеней богатства и знанія добровольно группировалась около того или другого магната, поддерживала его на сеймикахъ, сеймахъ и въ трибуналѣ, а за то получала его вліятельное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи должностей, званій, знаковъ отличія. Но на ряду съ этой независимой шляхтой стоялъ огромный контингентъ шляхты зависимой, тѣсно связавшей свою судьбу узами подчиненія или денежныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ магнатскимъ до-

момъ, такъ что для нея уже не было свободы выбора. Отношенія, связавшія эту шляхту съ магнатами, разнообразны.

Каждый магнатскій дворъ былъ полонъ шляхтой. Большая часть этой шляхты состояла просто на положеніи слугъ и получала жалованье: такой шляхтичъ ѣлъ за панскимъ столомъ, хоть и на нижнемъ концѣ, а за провинность могъ потерпѣть и тѣлесное наказаніе, правда, не на голомъ полу, а на диванѣ или коврѣ. Выше этихъ слугъ стояли „пріятели“ магнатскаго дома: это шляхтичи, не лишенные самостоятельнаго матеріальнаго обезпеченія, но предпочитавшіе проводить весело и привольно жизнь при дворѣ магната, которому они умѣли быть чѣмъ-нибудь полезными или пріятными. Постоянные „резиденты“ имѣли вблизи панскаго двора отведенные имъ самостоятельные дворики, гдѣ они могли проживать даже съ семьей. Затѣмъ панскій дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ оффиціалистовъ, т. е. шляхтичей, отправлявшихъ тѣ или другія обязанности въ громадныхъ магнатскихъ имѣніяхъ: губернаторы, подстаросты, лѣсничіе, ловчіе, люстраторы, скарбники и т. д. и т. д. Оффиціалисты дома Потоцкихъ или Чарторижскихъ составляли на Украинѣ силу, и много значительныхъ панскихъ домовъ выросло изъ ихъ среды. И, наконецъ, еще была одна группа шляхты, зависящей вполнѣ отъ того или другого магнатскаго дома: это такъ называемые „державцы“, своего рода арендаторы. Шляхта съ разныхъ концевъ Рѣчи Посполитой въ цѣляхъ наживы являлась на Украину, чтобъ „ходить державцами“. Такой шляхтичъ продавалъ свою тощую, выпаханную родовую землю, пріѣзжалъ на Украину и помѣщалъ свой капиталецъ у магната, получая за то кусокъ земли. Не смотря на страшный ростъ колонизаціи, свободныхъ земель было все-таки много, такъ что магнаты даже сами разыскивали подобныхъ державцевъ. Щенсный-Потоцкій каждой своей поѣздкой въ Варшаву пользовался, чтобъ разыскать ихъ тамъ человѣкъ до десяти и больше. Иногда онъ не требовалъ даже и внесенія капитала, замѣняя это обезпеченіе рекомендаціей извѣстнаго ему лица. Кромѣ этихъ „заставныхъ державцевъ“, были еще и безплатные державцы, которые получали отъ магнатовъ землю,

случалось, и заселенную, какъ выраженіе магнатскаго благоволенія за какую-нибудь услугу. Въ заключеніе укажемъ еще на способъ, какимъ независимые по положенію шляхтичи привязывали свои утлыя ладьи къ магнатскимъ кораблямъ. Если у шляхтича появлялся капиталъ, то онъ не зналъ другого способа дать ему вѣрное и доходное помѣщеніе, какъ внести „на провизію“ въ кассу того или другого магната. Такимъ образомъ, всѣ эти „интересанты“, державцы—полноправные осѣдлые земяне—составляли главную политическую силу магната на сеймикахъ, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ пословъ на сеймъ или депутатовъ въ трибуналъ.

Но что же представлялъ собой этотъ шляхетскій народъ, оттѣснившій и подтоптавшій себѣ подъ ноги тотъ настоящій народъ, который дѣлалъ до сихъ поръ украинскую исторію?

Украинская шляхта первыхъ десятилѣтій 18-го в. была очень груба и невѣжественна, особенно на отдаленныхъ окраинахъ, брацлавскихъ, кіевскихъ и подольскихъ. Одичаніе было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, о которыхъ была рѣчь выше. Даже мѣстное духовенство, этотъ всегдашній носитель просвѣщенія, раздѣляло съ паствой ея темноту: преоры, префекты школъ, пробощи, уніатскіе попы, монахини, на обязанности которыхъ лежало образованіе шляхетскихъ дочерей,—все это едва умѣло подписать свое имя. Одни іезуиты составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться. Съ ростомъ колонизаціи и упорядоченіемъ отношеній на Украинѣ появились магнаты, и магнатскіе дворы сдѣлались источниками просвѣщенія для окружающей шляхты. Положимъ, просвѣщеніе это не захватывало глубоко: оно касалось больше смягченія формъ жизни, лоска и утонченности въ обстановкѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Дѣло шляхетскаго образованія пошло успѣшнѣе, когда за него взялись піаре и базиліане, которые вытѣснили изъ Украины іезуитовъ. Параллельно замѣчается идущее crescendo развитіе французскаго вліянія. Къ концу столѣтія вліяніе это проникло до самыхъ отдаленныхъ окраинъ, изгоняя изъ шляхетской среды національный обычай. Распространилась игра на цитрѣ, арфѣ

или гитарѣ, танцы, мода начала забирать свою неограниченную власть надъ внѣшними формами жизни. Румяна и бѣлила, духи и пудра вошли въ общее употребленіе въ самыхъ отдаленныхъ шляхетскихъ деревушкахъ. Мѣсто четокъ и молитвенника замѣнили сочиненія г-жи Жанлисъ. Литература, печатная и писанная, въ видѣ стиховъ разнообразнаго содержанія, сатиръ, газетъ, заграничныхъ и варшавскихъ, начала входить въ обыденный обиходъ у самой захолустной шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли, конечно, полный доступъ въ шляхетскую среду и французскія идеи, служившія ферментомъ для жизни и мысли всей Европы. Но имѣя полный доступъ, онѣ, эти идеи, не имѣли тѣмъ не менѣе никакого вліянія. Ни liberté, ни egalité не были для шляхтича какими-нибудь новыми понятіями: онъ самъ постоянно кричалъ на сеймикахъ въ защиту „золотой вольности“ шляхетскаго народа, и послѣдній шляхтичъ на огородѣ зналъ, по пословицѣ, что онъ равенъ воеводѣ. Но не смотря на это, а, можетъ-быть, именно поэтому, истинный гуманный смыслъ французскихъ идей былъ совершенно чуждъ украинскому шляхтичу. Мало того: тѣ гражданскія чувства, въ которыхъ мы не можемъ отказать шляхтѣ стараго времени, какъ-бы вымираютъ въ шляхтѣ 18-го в.. Въ политическихъ вопросахъ украинскіе шляхтичи слѣпо слѣдуютъ указаніямъ магнатовъ, которые группируютъ ихъ около себя приманками разныхъ выгодъ. Такой шляхтичъ, въ интересахъ того или другого лица, свободно беретъ на себя презрѣнную роль тормаза общественной жизни, „срывача“ сеймиковъ; выбранный въ послы, готовъ онъ нести на сеймѣ, въ угоду своему магнату, безконечно длинныя, безмѣрно скучныя рѣчи; безъ всякой критики, безъ всякаго обращенія къ своей совѣсти и своему личному убѣжденію, поворачиваетъ онъ за всѣми поворотами магнатскаго корабля. Однако корыстный разсчетъ могъ побудить шляхтича и отцѣпиться отъ своего магната: извѣстно, какъ много украинской шляхты всѣхъ партій перешло на сторону политическихъ русскихъ симпатій, руководствуясь стремленіемъ получить свою долю въ выгодахъ отъ подрядовъ по поставкѣ провіанта и фуража для русскихъ войскъ. На такой нездоровой почвѣ ложно

направленной общественной жизни развилось въ средѣ украинской шляхты мелочное честолюбіе, стремленіе къ титуламъ, званіямъ, знакамъ отличія. Стемпковскій, пользуясь исключительной благосклонностью короля Понятовскаго, держалъ при помощи этой приманки въ своихъ рукахъ всю шляхту кіевскаго воеводства. Онъ не способенъ былъ указывать другимъ дорогъ чести и патріотизма, такъ какъ самъ не зналъ ихъ, но шляхта тѣмъ не менѣе готова была идти за нимъ куда угодно: за то же около Стемпковскаго не было шляхтича, хотя бы изъ одновеськовыхъ, который бы не былъ украшенъ какой-нибудь ленточкой.

Чувство привиллегированности выродилось въ шляхетской массѣ въ чудовищный сословный эгоизмъ. Отечество есть каста гербовныхъ, осыпанная съ головы до ногъ привиллегіями; свѣтъ созданъ на то, чтобъ доставлять шляхтичу возможно больше всякихъ удобствъ, которыми онъ имѣетъ право пользоваться, не давая себѣ труда двинуть пальцемъ; никто не въ правѣ требовать у него ни малѣйшей жертвы, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе отечества: таковъ былъ общепринятый кодексъ шляхетскихъ понятій. Шляхтѣ принадлежитъ только легкая, веселая и выгодная сторона жизни. Однако, можетъ-ли правильно двигаться общественная жизнь, если руководящія его единицы кладутъ въ основаніе своихъ дѣйствій подобные принципы? Очевидно, нѣтъ; это было слишкомъ ясно. Но здѣсь на выручку явилась оригинальная формула: Polska stoi nierządem (т. е. Польша держится безпорядкомъ), слѣд.—поведеніе, неумѣстное и пагубное въ иныхъ мѣстахъ, въ шляхетской Польшѣ какъ разъ правильно и спасительно. Жизнь разбила эту иллюзію, выросшую на почвѣ грубаго сословнаго эгоизма.

Что же дѣлалъ между тѣмъ народъ, не благородный шляхетско-польскій, католическій народъ, а тотъ украинскій гминъ, закостенѣло-упрямый въ преданности къ своему хлопскому языку и своей хлопской вѣрѣ? Конечно, онъ былъ лишь подстилкой подъ шляхетскими ногами, той сѣрою почвой, которая предназначена была свыше питать и взращивать радужный цвѣтъ шляхетской культуры. Но—увы! онъ слишкомъ часто прини-

малъ въ глазахъ шляхты и ея легко воспламеняющемся воображеніи образъ огненнаго дракона, рыкающаго льва... Гербовные, правда, безпечно ѣздили на этомъ чудовищѣ; но лишь только дикій звѣрь показывалъ зубы,—что случалось время отъ времени—паническій ужасъ смѣнялъ вчерашнюю веселую беззаботность.

О правовомъ положеніи украинскаго народа не можетъ быть серьезной и рѣчи: удѣломъ его было полное безправіе, граничащее съ безправіемъ раба въ любомъ варварскомъ обществѣ. „Крестьяне едва смѣютъ дышать безъ воли своихъ пановъ, они не имѣютъ никакого права, они не могутъ никоимъ способомъ уклониться отъ притѣсненій или жестокости, уже не говоря о несправедливостяхъ, которыя они терпятъ постоянно“.. Такъ пишетъ изъ Украины Костюшко, этотъ великій патріотъ, недосягаемо высоко поднимавшій свою благородную голову надъ шляхетскою массой. Польское право во всемъ отказывало украинскому хлопу; но жизнь вырывала у этого права нѣкоторыя смягченія и уступки, правда, ограниченныя мѣстомъ и временемъ; въ общемъ, конечно, фактическое положеніе тяготѣло къ правовому, какъ къ своему естественному предѣлу.

Главнѣйшія данныя для характеристики фактическаго, собственно экономическаго, положенія украинскаго народа уже даны выше, при описаніи новаго заселенія Украины. Только въ началѣ второй половины столѣтія истекли послѣдніе сроки слободъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ были подданные—правда, во все убывающемъ по направленію съ сѣверозапада на юго-востокъ количествѣ—которые пользовались почти полной свободой отъ экономическихъ обязательствъ. Затѣмъ, конечно, тяготы панщины наступали не вдругъ: паны имѣли осторожность наблюдать нѣкоторую постепенность. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ можно было наблюдать на территоріи Украины много различій въ экономическомъ положеніи населенія: въ то время, какъ на отдаленныхъ юго-восточныхъ окраинахъ богатые крестьяне Щенснаго-Потоцкаго благоденствовали, на Подольи и Волыни мы встрѣчаемъ такія степени обремененія, которыя заставляютъ уже задумываться о физическихъ предѣлахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ грубыхъ мотивовъ разсчета и страха

могло удерживать зауряднаго шляхтича въ его стремленіи выжимать изъ подданныхъ возможно больше средствъ, такъ необходимыхъ ему на удовлетвореніе его все возрастающихъ жизненныхъ потребностей? Общій шляхетскій взглядъ на подданнаго находилъ себѣ на Украинѣ поддержку и какъ бы оправданіе въ той обоюдной враждебности, которую воспитала недавняя кровавая исторія, въ взаимной ненависти „кателыка“ и „схизматика“, постоянно поддерживаемой политикой прозелитизма, враждой темнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что масса шляхты, особенно темной шляхты первой половины вѣка, искренно не могла видѣть въ украинскомъ хлопѣ человѣка, точно такъ, какъ не видѣлъ его американскій плантаторъ въ негрѣ.

„Инвентари имѣній“ даютъ намъ очень вѣрныя, точныя описанія и очень краснорѣчивыя въ своей сухой безыскусственности свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи украинскаго подданнаго. Подданные дѣлились на очиншованныхъ и неочиншованныхъ, т. е. оброчныхъ и барщинныхъ, по русской терминологіи; всѣ, кромѣ того, по размѣру живаго инвентаря, подраздѣлялись на паровыхъ, поединковъ и пѣшихъ.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ инвентарь 1760 г. положеніе чиншеваго крестьянина подъ Каменцомъ Подольскимъ. Паровой крестьянинъ вносилъ, вмѣсто повинностей работой и натурой, въ панскую казну 46 злотыхъ 68 грошей; кромѣ того десятину отъ пасѣки, 2 куръ, 20 яицъ, 20 пасомъ прядива. Въ переводѣ на рабочіе дни, по тогдашнимъ цѣнамъ рабочаго дня, принятаго инвентаремъ, это составляетъ 218 годовыхъ дней. Положеніе нечиншеваго крестьянина такъ опредѣляется инвентаремъ того же времени и той же Подольской территоріи, а именно одного имѣнія около Шаргорода: паровой крестьянинъ отрабатывалъ ежегодно 104 дня панщины, давалъ, сверхъ того, одного каплуна, 2 куръ, 12 яицъ, мотокъ пряжи, что все въ совокупности составляло 111 дней. А сверхъ всего шли всѣ эти безчисленные „заорки, объорки, закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заграбки, ограбки, завозки, обвозки“—отдѣльные рабочіе дни, яко-бы въ силу экстренной необходимости вырываемые панской властью у хлопской беззащитности. Въ ма-

ленькихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльческій контроль, а, слѣдовательно, и вымогательство были легче, владѣльцы заставляли хлопа платить за всякую мелочь: четвертый кошъ грибовъ, третью кварту земляники, орѣховъ и т. д.

Это были середнія цифры для такой середней территоріи, какой было Подольское воеводство, и для половины столѣтія, серединнаго пункта описываемой эпохи. Отсюда видно, какими гигантскими шагами шелъ процессъ обращенія крестьянъ въ рабочее „быдло“: еще на кіевской Украинѣ не выжиты были окончательно сроки слободъ, какъ на Подольѣ уже экономическое отягощеніе приближалось къ своимъ крайнимъ предѣламъ.

Но было еще одно условіе, которое чрезвычайно ухудшало матеріальное положеніе украинскаго народа: это посредничество евреевъ.

Какое-то естественное сродство, какъ-бы законъ роковой внутренней необходимости, дѣлалъ для польскаго шляхтича вообще, для украинскаго въ частности, помощь еврея совершенно неизбѣжной. И евреи тянулись на Украину упорно, постоянно забывая, что они всегда дѣлались первыми жертвами народной ненависти. Они заполняли мѣстечка, захватывали въ свои руки всю мелкую торговлю, развозили спиртные напитки, спаивая народъ, часто на свою собственную гибель. Неутолимая страсть къ наживѣ дѣлала изъ трусливаго еврея отчаянную голову, которая не отступала даже передъ ножемъ. Въ описываемую эпоху евреи затянули всю Украину сплошной сѣтью арендъ. Дѣло въ томъ, что всюду на Украинѣ былъ обычай отдавать въ аренду извѣстные виды доходовъ съ имѣнія. Къ такимъ по обычаю арендуемымъ доходамъ принадлежали продажа водки, „мита“, т. е. пошлина отъ проѣзда или провоза товаровъ, помолъ, разные виды попаса. Никто, кромѣ еврея, не могъ и не умѣлъ пользоваться этими арендами, извлекая изъ нихъ большіе доходы для пана, еще большіе для себя. Но для народа эти аренды являлись самымъ тяжелымъ и несноснымъ обдирательствомъ. Назойливый еврей совалъ свой носъ въ каждый возъ, въѣзжающій въ городъ, считалъ каждую штуку скота, выведеннаго на продажу, разбрасывалъ сухую рыбу, сторожилъ при

вѣсахъ, чтобы ни одинъ гарнецъ хлѣба не проскользнулъ безъ оплаты; а притѣсненія при помолѣ? Всякое выраженіе неудовольствія еврей зажималъ угрозой пожаловаться въ замокъ; а наготовѣ всегда былъ и доносъ о бунтѣ: онъ не стѣснялся извлекать доходы и изъ политики.

Больше всего выгоды для пана и еврея, больше всего разоренія и всяческаго зла для подданнаго вытекало, конечно, изъ питейной аренды. Жидовская корчма, ненавистная и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо привлекательная, была самымъ яркимъ и типическимъ явленіемъ, выражающимъ собою весь ужасъ положенія, созданнаго исторіей для несчастнаго украинскаго народа. Евреи и панскій дворъ обнаруживали самую трогательную солидарность въ извлеченіи доходовъ изъ спаиванія народа. Всѣ взаимныя отношенія по этому предмету оговаривались и обусловливались. Разумѣется, всякое стремленіе крестьянина какънибудь обойти своего арендатора преслѣдовалось очень жестоко. Если у крестьянина не было денегъ на-пропой, опять-таки арендаторъ не долженъ былъ страдать отъ этого: онъ могъ смѣло давать пить въ долгъ, дворъ гарантировалъ ему уплату до извѣстной цифры, напр. отъ 16 злотыхъ для пароваго до 4 злотыхъ для пѣшаго. Но это не значило, что дворъ уплачивалъ уговоренную сумму за должниковъ, беря на себя разсчетъ съ нами; это значило только, что дворъ обязывался назначить „экзекуцію для выплаты долговъ“. „Экзекуціей же называлось слѣдующее: дворъ высылалъ на неисправныхъ должниковъ своихъ слугъ, которые должны были жить на счетъ этихъ должниковъ до уплаты долга, при чемъ допускались разные вымыслы“, по выраженію документовъ, т. е. вымогательства. Въ силу аренднаго договора арендаторъ не имѣлъ права брать въ уплату долга скотъ—куда бы годился крестьянинъ безъ инвентаря,—но за то могъ свободно брать все остальное: хлѣбъ, живность, одежду и пр. Точно также въ силу договора крестьянинъ имѣлъ право пить „могаричъ“ только въ корчмѣ: если припомнить, что такое могаричъ въ крестьянскомъ быту, то понятно, какимъ это отзывалось лишнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. И этому-то ненавистному притѣснителю, жиду, крестьянинъ

долженъ былъ то давать по полѣну съ каждаго воза дровъ, вывезеннаго изъ лѣсу, то поставлять пахолка въ его корчму, то, наконецъ, даже давать ночную сторожу, особенно въ безпокойное время. Мудрено-ли, что сторожа эти, случалось, грабили корчму, сваливая потомъ вину на неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые яко-бы успѣли скрыться; но еще не успѣвали очистить стѣнъ корчмы отъ еврейской крови, которою онѣ были забрызганы, какъ уже водворялся въ ней новый арендаторъ, и все шло по-старому. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ оскорбленій для украинской женщины было назвать ее „жидовской наймычкой“; однимъ изъ самыхъ энергическихъ проклятій: „о, щобъ ты жидамъ воду носыла“!—такъ глубоко назрѣла въ народной душѣ ненависть къ этому племени.

Едва ли не единственнымъ исключеніемъ изъ среды украинскаго дворянства былъ Щенсный-Потоцкій: онъ уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ еврейскія аренды, желая уменьшить среди подданныхъ пьянство. Впрочемъ, этимъ не ограничивались его заботы о народѣ: онъ уменьшилъ панщину и потомъ совсѣмъ уничтожилъ ее, замѣнивъ очень легкимъ чиншомъ; устроилъ администрацію, простую и удобную по отношенію къ контролю надъ притѣсненіями подданныхъ со стороны панскихъ оффиціалистовъ. Конечно, изъ всего этого едва-ли выходила арендная идиллія, описанная Хржонщевскимъ, который увѣряетъ, что подданные Потоцкаго сами рвались къ работѣ, а дивчата платили надсмотрщикамъ, чтобъ тѣ выгоняли ихъ на панщину. Однако традиція о благожелательствѣ магната къ подданнымъ до сихъ поръ живетъ въ средѣ мѣстнаго населенія. На матеріальномъ благосостояніи не останавливался Потоцкій, по крайней мѣрѣ въ идеалахъ и планахъ: онъ думалъ, что благосостояніе вызываетъ потребность въ просвѣщеніи, а просвѣщеніе неизбѣжно приведетъ къ ополяченію. На лицо были и историческія доказательства въ томъ процессѣ, коимъ русскія земли обратились въ польскую шляхту. Иначе не умѣли думать и благороднѣйшіе изъ польскаго шляхетства.

Несомнѣнно, положеніе украинскаго народа въ описываемую эпоху не было въ общемъ хорошо, а, главное, оно ухуд-

шалось съ чрезвычайною быстротой. Но и независимо отъ этого, могъ-ли народъ такъ скоро забыть свою исторію и безропотно тянуть накинутое на него ярмо? Положимъ, что населеніе было сплошь сдвинуто съ своихъ мѣстъ; но богатый запасъ словеснаго народнаго творчества и въ особенности пѣсни и думы, съ ихъ носителями кобзарями и лирниками, легко поддерживали въ воспріимчивой народной душѣ живую нить исторической традиціи.

Козачество въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой было уничтожено. Въ силу указа Петра Вел. 1711 г. часть козаковъ выселилась на лѣвобережье, часть сбѣжала на Запорожье; но осталась горсть, разсѣянная по всѣмъ воеводствамъ, которая не захотѣла покинуть родину, но не захотѣла и перейти на незавидное положеніе панскихъ подданныхъ. Это былъ первый ферментъ для того длительнаго явленія, которое подъ названіемъ гайдамачества характеризуетъ собою украинскую жизнь втеченіе всего столѣтія.

Несомнѣнно, гайдамачество не могло бы существовать— по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало— еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически-самостоятельнаго Запорожья и его дикихъ и раздольныхъ степей. Запорожскія паланки съ ихъ многочисленными, разбросанными въ степяхъ хуторами-зимовниками, пасѣками и другими пристанищами доставляли въ изобиліи предпріимчивыхъ людей, которые составляли ядро каждаго гайдамацкаго отряда. Какъ только наступала весна, эти степныя пристанища высылали или рыболовныя ватаги на Бужскій, Днѣпровскій и Тилигульскій лиманы, или военные отряды на сѣверъ, на разоренье и гибель ляхамъ и жидамъ. Въ предѣлахъ Польши отрядъ подкрѣплялся мѣстными жителями, и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шелъ пускать дымомъ села и панскія усадьбы, убивать, грабить добро ненавистныхъ притѣснителей. Не было деревни, которая не имѣла бы воспоминаній объ этихъ кровавыхъ посѣщеніяхъ; не было въ краѣ католической святыни, которая бы не подверглась ограбленію. Въ особенности привлекали гайдамаковъ костелы, славившіеся чудотворными иконами, которыхъ

было особенно много на Подольѣ, и ни одна изъ этихъ святынь не миновала гайдамацкаго нападенія и грабежа. Съ награбленной добычей, навьюченной на лошадяхъ, „батовней“, съ стадами отогнаннаго панскаго скота, поспѣшно скрывались гайдамаки въ запорожскую степь и тамъ наевали добычу. Край жилъ подъ вѣчной угрозой гайдамацкаго нападенія. Какъ только наступалъ, такъ сказать, гайдамацкій сезонъ, всѣ, кто имѣлъ основаніе опасаться гайдамаковъ, т. е. не русское и не православное населеніе края, приходило въ тревогу. Кто не могъ спасаться подъ военной охраной, тотъ выискивалъ какихъ-нибудъ иныхъ способовъ: напр., на ночь уходили изъ домовъ въ степь, попрятавши цѣнное имущество и скрываясь другъ отъ друга, по одиночкѣ, изъ опасенія, чтобы другой, хотя и близкій, человѣкъ не выдалъ гайдамакамъ въ мукахъ пытки.

Въ меморіалѣ кн. Чарторижскаго русскому послу убытокъ отъ гайдамакъ для десятилѣтія 1750—60 гг. вычисляется въ 4 милліона, такъ какъ за это, относительно спокойное, время было разорено 80 деревень, 14 мѣстечекъ и убито 600 человѣкъ.

Въ иные годы, когда въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ и бужскихъ очеретахъ накопилось слишкомъ много бродячаго населенія, которое нуждалось въ пищѣ и одеждѣ, гайдамацкое нападеніе принимало видъ татарскаго набѣга. Гайдамаки разбѣгались по краю небольшими, но многочисленными партіями, загонами: слѣдуя традиціонной хищнической тактикѣ, загоны эти не дѣлали нападеній вблизи границъ, а пробирались въ глубь края, широко пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ мѣстнаго населенія. Если было въ виду трудное предпріятіе, напр. надо было овладѣть богатымъ мѣстечкомъ, маленькія партіи соединялись въ одну. Но такія предпріятія предполагали организацію. Во главѣ ихъ долженъ былъ стоять опытный и вліятельный ватажокъ, который долженъ былъ составлять планъ кампаніи. Онъ могъ и не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а сидѣлъ гдѣ-нибудь въ Черномъ лѣсѣ: тамъ устраивалась засѣка, а то закладывался настоящій кошъ, куда сбѣгались загоны и сносилась добыча. Типическимъ ватажкомъ гайдамацкимъ былъ, напр., запорожецъ Медвѣдевскаго

куреня Игнатъ, который прозванъ былъ Голымъ за то, что при дѣлежѣ добычи оставлялъ себѣ лишь ничтожную часть, ни въ чемъ не нуждаясь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, на цѣлый годъ одна рубаха, вымоченная въ дегтю, самопалъ, немного свинцу, тютюнъ и люлька—вотъ и всѣ его потребности. Иванъ Голый дѣйствовалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и пользовался большой популярностью между гайдамаками и народомъ, который много разсказывалъ о его смѣлости и жестокости. Вообще, гайдамацкимъ ватажкомъ могъ быть только человѣкъ отчаянной храбрости, ловкій въ разныхъ тонкостяхъ степныхъ фиглей и фортелей, знающій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ яры, очерета и пущи.

Что же дѣлало Польское государство, чтобы побороть это хроническое зло, подтачивавшее жизнь ея окраинъ? Да почти ничего, или очень мало. „Украинская партія“ постояннаго войска съ региментаремъ во главѣ должна была держаться на Украинѣ; но силы эти были слишкомъ ничтожны по сравненію съ огромной линіей открытой для набѣговъ границы. Главная забота предоставлена была панамъ. Правда, магнаты дѣйствовали не только какъ частные собственники, но въ качествѣ старостъ и какъ органы государственной власти: въ ихъ рукахъ находилась цѣпь старостъ—Хмельницкое, Чигиринское, Бѣлоцерковское, Богуславское и Черкасское, — которая обхватывала Украину съ юго-востока.

Первое мѣсто по организаціи защиты занимали Потоцкіе и Любомирскіе, какъ могущественные владѣльцы самыхъ опасныхъ окраинъ. Но и мелкій владѣлецъ нѣсколькихъ деревушекъ не могъ не содержать на свой счетъ хоть нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей: таково было положеніе.

Типъ организаціи былъ приблизительно одинаковъ. Панская милиція состояла изъ пѣхоты и конницы. Пѣхота служила гарнизономъ для замковъ и мѣстечекъ и состояла почти всегда изъ поляковъ или нѣмцевъ. Конница состояла изъ надворныхъ козаковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ жителей, тѣхъ же самыхъ подданныхъ. Пѣхота была немногочисленна: 60—100 человѣкъ для укрѣпленія. Исключенія составляли лишь большіе

замки, напр.—Барѣ, гдѣ Любомирскіе держали 200 человѣкъ инфантеріи, или Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ Потоцкіе имѣли гарнизонъ даже въ 500 челов.

Многочисленнѣе и важнѣе по своему значенію, въ силу мѣстныхъ условій, была козацкая конница. Извѣстное число дымовъ, т. е. податныхъ единицъ, должно было поставлять на козацкую службу одного человѣка: этотъ человѣкъ освобождался отъ панщины и другихъ обязательствъ, получалъ отъ панскаго двора обмундировку, оружіе, состоявшее изъ копья, рушницы и пистолетовъ, коня, а иногда еще, сверхъ того, небольшое жалованье. Но важнѣе жалованья была добыча, отнятая отъ гайдамакъ, которая предоставлялась въ пользу такого надворнаго козака. Козаки эти дѣлились на сотни: во главѣ отряда стоялъ непремѣнно полякъ, шляхтичъ, но сотники и поручики (начальники полсотенъ) выбирались изъ самихъ же козаковъ. Заслуженнымъ козакамъ магнаты давали, случалось, въ державу деревушку—двѣ, и такимъ образомъ они получали сами какъ-бы значеніе шляхтичей: бывали случаи и настоящей нобилитаціи, по ходатайству магнатовъ. Подобнымъ шляхетскимъ положеніемъ пользовался на службѣ у Любомирскихъ извѣстный Савва Чалый, который палъ жертвою преданности долгу своей службы отъ руки упомянутаго выше Игната Голаго; также и злосчастный Гонта, еще болѣе извѣстный уманскій сотникъ. Кіевскій воевода Салезій Потоцкій обратилъ цѣлую уманскую волость въ своего рода военное поселеніе: съ ней обыкновенно выбиралось для военной службы больше трехъ тысячъ человѣкъ; Грановщина князей Чарторижскихъ тоже отбывала только козацкую службу. Для охраны Побережскаго государства князей Любомирскихъ служило около трехъ тысячъ козаковъ, кромѣ маленькой польской хоругви, предназначенной собственно для наблюденія за этими козаками, и волошскихъ отрядовъ, набираемыхъ изъ волоховъ, поселенныхъ вдоль Днѣстра.

Надворные козаки были главной силой въ преслѣдованіи гайдамакъ. Никто другой не могъ такъ хорошо выслѣдить загонъ въ степяхъ, предусмотрѣть какой-нибудь фортель, отбить ватовню, захватить гайдамаковъ врасплохъ при дѣлежѣ до-

бычи. Только такой козацкій отрядъ могъ рѣшиться разыскивать гайдамаковъ даже въ глубинѣ запорожской степи, „разгонять шершней въ самомъ ихъ гнѣздѣ“, какъ это дѣлалъ, напр., Савва Чалый. Но эти же козацкія милиціи были, съ другой стороны, и Ахиллесовой пятой въ системѣ панской военной обороны края.

Въ самомъ дѣлѣ, надворные козаки, соблазняемые выгодами своего привиллегированнаго положенія, могли преслѣдовать гайдамаковъ, ревностно сторожить захваченныхъ, спокойно глядѣть, какъ болтались на шибеницѣ передъ стѣнами замка трупы казненныхъ, забывая, что все это братья по крови и вѣрѣ. Такъ было въ обыкновенное, спокойное время. Но наступилъ моментъ возбужденія, когда народная масса поднималась, обхваченная общей идеей, общимъ чувствомъ,—и это искусственное козачество разомъ забывало и о выгодахъ своего положенія, и о долгѣ службы, вязавшемъ его съ панскимъ дворомъ, и тогда наступала катастрофа, ужасный образчикъ которой мы видимъ въ Уманской рѣзнѣ.

Не одинъ разъ въ теченіе столѣтія поднимался украинскій народъ. Волненія эти всегда примыкали къ гайдамачеству, имѣли его своимъ базисомъ; но обнаруживали въ своемъ развитіи и нѣкоторыя особенности. Самое главное то, что народъ поднимался лишь тогда, когда получалъ толчки со стороны политическихъ событій и непремѣнно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи со стороны Россіи. Что-то фатальное было въ этомъ отношеніи въ его судьбахъ.

Въ 1734 г. русскія войска вступили на Украину, чтобъ поддерживать избраніе Августа III: между украинской шляхтой было много противниковъ „Саса“, сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Русскій полковникъ Поляновскій расположился квартирой въ Умани и сдѣлалъ обращеніе къ надворнымъ козакамъ, чтобъ они организовались въ полки и дѣйствовали противъ сторонниковъ Лещинскаго. Обращеніе это было принято украинскимъ народомъ, какъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ“. Всѣ три украинскихъ воеводства сразу были охвачены волненіемъ. Къ надворнымъ коза-

камъ и волошскимъ отрядамъ, которые тоже поднялись, руководимые жаждой добычи, присоединились подданные въ надеждѣ на свободу. Главнымъ вождемъ возстанія былъ Верланъ, волошскій полковникъ службы князей Любомирскихъ. Возставшій народъ, разумѣется, нисколько не думалъ о сторонникахъ Лещинскаго или Саксонскаго курфирста: для него существовали только паны вообще, и какъ ихъ дополненіе, евреи. Въ одномъ брацлавскомъ воеводствѣ было убито девяносто владѣльцевъ. Масса цѣнной движимости и денегъ перешла въ руки бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ обращали преимущественное вниманіе на костелы и вообще католическія святыни; другіе на имущества крупныхъ пановъ; третьи занимались тѣмъ, что грабили и крестили евреевъ; наконецъ были и такіе, какъ напр. наказный атаманъ Грива, которые всю свою ненависть обращали на шляхетскія бумаги. Множество мелкихъ загоновъ разбѣжалось по краю; на Подольѣ собралось и настоящее войско бунтовщиковъ въ количествѣ десяти тысячъ. Вообще, это волненіе, очень широкое по захваченной территоріи, не отмѣчено большими жестокостями, тѣми кровопролитіями и всяческими ужасами, какими такъ часто отмѣчалъ свои вспышки украинскій народъ. Больше всего отличались жестокостью не украинцы, а волохи. Въ самый разгаръ движенія появилось распоряженіе начальника русскихъ войскъ, расположенныхъ на Украйнѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ войска, какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя, т. е. поднявшіеся козаки, обязаны охранять шляхту, такъ какъ она признала власть Августа III. Волненіе было подавлено при дѣятельномъ содѣйствіи русскихъ войскъ. Цѣлый край покрылся сѣтью шибеницъ и палей. Спеціальные суды boni ordinis или causarum exorbitantiarum такъ же, какъ и всѣ гродскіе суды, были завалены работой. А сколько виновныхъ было просто повѣшено безъ всякаго суда на первой попавшейся вѣткѣ; если же жаль было веревки, то такого несчастнаго просто кидали въ степи съ переломанными ребрами, чтобъ издыхалъ себѣ понемножку... Но страхъ потери „живого реманента“ превозмогалъ иногда въ шляхетской душѣ даже и мстительное чувство. Когда подольскій воевода Гумецкій вытѣснилъ изъ яровъ между

Рашковымъ и Смотричанскимъ Устьемъ засѣвшую тамъ вольницу, которая отдалась на его произволъ, и хотѣлъ приступить къ экзекуціи, къ нему явилась шляхта съ просьбой отдать ей виновныхъ. Шляхтичи просили воеводу „знаковать“ преступниковъ, подрѣзать имъ уши; но тотъ, человѣкъ добраго сердца, рѣшилъ такъ отпустить плѣнниковъ, предоставивъ панамъ самимъ расправляться съ своими подданными. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ палей, четвертованій, шибеницъ,— одними батогами, да и то не черезмѣрными, такъ какъ ремонентъ требовалъ вниманія: зато уже было покончено разомъ и навсегда съ свободами и иными льготами.

Значительно меньше по району захваченной территоріи, но несравненно сильнѣе по размѣрамъ было народное волненіе 1768 г., такъ называемая коліивщина, кульминаціонный пунктъ которой извѣстенъ подъ именемъ Уманской рѣзни: оно захватило лишь Кіевщину и Брацлавщину, почти не тронувъ Волыни и Подолья.

Въ началѣ 1766 г. выступила Барская конфедерація съ своимъ вооруженнымъ протестомъ противъ короля Понятовскаго и его русской политики, въ результатѣ которой была сеймовая конституція, возвратившая права диссидентамъ, слѣдовательно, и православнымъ. Всѣ польскія военныя силы Украины стянуты были подъ Баръ. Туда же двигались и русскія войска на помощь войскамъ королевскимъ. А между тѣмъ на Украинѣ, предупреждая открытіе военныхъ дѣйствій, ходила вѣсть, что русская царица намѣрена дать волю украинскимъ хлопамъ, и, слѣдовательно, они должны рѣзать жидовъ и ляховъ. Богуславскій сотникъ Шелестъ, точныя показанія котораго дошли до насъ, обстоятельно разсказываетъ, какъ еще за четыре мѣсяца до разыгравшейся катастрофы вѣсти эти ему сообщили запорожцы, предлагая участвовать въ военной экспедиціи противъ жидовъ и ляховъ. Шелестъ, человѣкъ положительный, долго раздумывалъ, какъ ему быть, и наконецъ надумался: если правда, что царица хочетъ дать свободу польскимъ хлопамъ, то объ этомъ долженъ знать кіевскій намѣстникъ. До Кіева рукой подать, разомъ можно и мощамъ святымъ поклониться: и вотъ Шелестъ

идетъ въ Кіевъ и прямо направляется за разъясненіями къ генералъ-губернатору Воейкову. Тотъ похвалилъ козака за его предусмотрительность и сказалъ, что „монархиня россійская очень далека отъ того, чтобы покровительствовать преступникамъ“. Шелестъ вернулся домой и во время волненія твердо стоялъ на польской сторонѣ. Но такіе благоразумные люди были рѣдки даже и между старшиной надворныхъ козацкихъ отрядовъ.

Располагалъ къ довѣрію и источникъ, изъ котораго выходили слухи на этотъ разъ.

На югѣ Кіевской Украины, выходя за ея предѣлы и примыкая къ Днѣпру, начинался и тянулся рядъ лѣсовъ. Всѣ эти лѣса, мотренинскій, лебединскій, смилянскій, лисянскій, звенигородскій, уманскій, корсунскій, каневскій, таращанскій, соединяющіеся между собой цѣпью зарослей, подходили подъ Кіевъ. Здѣсь лежалъ тотъ путь или „гайдамацкое окно“, черезъ которое можно было совсѣмъ незамѣтно проникать изъ запорожскихъ степей въ глубину края. Лѣса эти кишѣли людомъ, которому не было мѣста подъ польскимъ правовымъ строемъ. Надъ обрывистымъ же берегомъ Днѣпра или на его островахъ были разбросаны небольшіе православные монастырьки, скиты: въ скитахъ этихъ, а въ особенности на укромныхъ хуторахъ и мельницахъ по днѣпровскимъ притокамъ, гдѣ жили монастырскіе подданные, также былъ свободный пріютъ этому люду. Вотъ отсюда-то, изъ этихъ скитовъ, какъ бы освященная благословеніемъ церкви, и пошла по Украинѣ пагубная вѣсть.

Игумену монастыря, расположеннаго въ мотренинскомъ лѣсу, Мельхиседеку Значко-Яворскому приписываютъ большую роль въ появленіи и распространеніи этой вѣсти. Вѣроятно, въ этомъ есть своя доля правды. Мельхиседекъ былъ человѣкъ образованный, предпріимчиваго характера, какъ правитель украинскихъ церквей, глубоко заинтересованный въ торжествѣ православія на Украинѣ, возбужденный столкновеніями съ темнымъ уніатскимъ духовенствомъ, которое съ своей стороны предпринимало разныя наступательныя дѣйствія на „шизму“, отражая на себѣ толчки отъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но могъ-ли Мельхиседекъ благословлять

толпу на рѣзню? поддѣлывалъ-ли золотую грамоту, якобы манифестъ Екатерины, однимъ словомъ какой-то документъ, который былъ несомнѣнно въ рукахъ у вожаковъ возстанія? Повидимому, ничто подобное не могло имѣть мѣста уже по одному тому, что Мельхиседекъ былъ въ то время, когда разыгривалась буря, не въ своемъ монастырѣ, а въ Переяславлѣ. Яростная вспышка народнаго гнѣва о мести, извѣстная подъ названіемъ коліивщины, такъ поразила умы, что дала поводъ для множества всяческихъ вымысловъ, наряду съ массой и точно констатированныхъ фактовъ. Кто не писалъ о ней въ свое время? И темные монахи, и мѣщане, и оффиціалисты, и даже женщины; писали не только прозой, но и стихами: нѣсколько томовъ составилось бы изъ этихъ разсказовъ современниковъ, обнародованныхъ и необнародованныхъ. Но тѣмъ не менѣе полнаго изслѣдованія этого событія, изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ исторической безпристрастности, до сихъ поръ нѣтъ.

Весь этотъ ужасный эпизодъ разыгрался съ необычной быстротой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ, напавшій на Жаботинъ, по пути въ Смѣлу выросъ до 300 человѣкъ; по дорогѣ къ Лисянкѣ въ немъ насчитывали уже больше тысячи. Толпа росла, какъ катящаяся съ горы лавина, росла не только съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Подъ Уманемъ было уже двадцать тысячъ народу; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсья, на югъ до Дашева, Кальника, Балты. Сопротивленіе оказывала только надворная пѣхота. Козацкія милиціи почти всѣ безъ исключенія покинули свои польскія знамена. Шляхта не проявила ни малѣйшей готовности къ отпору, никакой энергіи. То-ли, что лучшіе ея представители были въ войскахъ конфедераціи, то-ли, что вообще въ ея средѣ мужество шло на убыль, только она ничего не съумѣла сдѣлать лучшаго, какъ попрятаться за укрѣпленіями Умани или бѣжать вмѣстѣ съ евреями, сломя голову. На всемъ захваченномъ волненіемъ пространствѣ нашелся только одинъ шляхтичъ на Волыни, гродскій судья Дубровскій, который собралъ горсть охотниковъ и оказалъ съ ними противодѣйствіе бунту: онъ охранилъ Житоміръ, Бердичевъ и цѣлый

Овручскій повѣтъ, а потомъ съ Полѣсья двинулся и въ степь; наряду съ нимъ дѣйствовали для усмиренія волненія не шляхтичи, а нѣсколько человѣкъ надворныхъ козаковъ, въ ихъ числѣ упомянутый выше сотникъ Шелестъ.

Нечего останавливаться на тяжелыхъ подробностяхъ Уманской рѣзни, которая воспроизводитъ собою ужаснѣйшіе изъ эпизодовъ хмельницины. Она была описана много разъ. Исторія возлагаетъ отвѣтственность за всѣ эти потоки пролитой крови на головы Желѣзняка и Гонты, справедливо-ли это? Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло просто съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, извѣстныхъ исторіи, случаевъ коллективнаго безумія, когда человѣческія души моментально обхватываются неутолимой жаждой мукъ и крови? Рядомъ съ этими, далеко не ясными, фигурами яко-бы главныхъ вождей возстанія, стоятъ Швачка и Неживый, страшные, обагрытые кровью фантомы—въ польскихъ изображеніяхъ, мужественные и самоотверженные борцы и защитники угнетеннаго православнаго люда—по украинскимъ думамъ и преданіямъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, лишь минутные герои своей увлеченной толпы.

Укрощеніе волненія опять таки выпало на долю русскихъ войскъ: извѣстно, какъ дѣйствовалъ подъ Уманью генералъ Кречетниковъ. Ловчій коронный Брацкій, исполнявшій обязанности регементаря, стоялъ на Днѣстрѣ; его помощникъ, коронный обозный Стемпковскій, дѣлалъ видъ, что занятъ усмиреніемъ, но на самомъ дѣлѣ лишь таскался то съ отрядами Кречетникова, то Апраксина. И тотъ и другой представитель польской военной силы нашли болѣе удобнымъ все предоставить русскимъ, на себя же взяли болѣе легкое дѣло вершителей правосудія. Оба эти человѣка были настоящія дѣти своего времени, времени упадка, безнравственные эпикурейцы, для которыхъ въ жизни было только два дѣйствительныхъ побужденія, успѣхъ и чувственное наслажденіе. Они предпочитали, сидя спокойно на мѣстѣ, „гасить украинскій пламень въ хлопской крови“...

Кречетниковъ прислалъ изъ-подъ Умани семьсотъ человѣкъ болѣе виновныхъ, и въ томъ числѣ Гонту, въ деревню

Сербы, недалеко отъ Могилева. Браницкій отправился наблюдать за исполненіемъ казни надъ этими виновными. Они были сбросаны въ огромныя ямы: до сихъ поръ можно еще видѣть среди поля слѣды этихъ ямъ въ нѣсколько десятковъ сажень длины. Конная стража и полкъ пѣхоты стерегли эти ямы. Дальше шли длиннымъ рядомъ висѣлицы, единичныя для болѣе важныхъ преступниковъ, и общія для менѣе важныхъ. Посреди висѣлицъ былъ остроконечный, тонкій и высокій столбъ, паля, на которой долженъ былъ кончить свою жизнь Гонта. За висѣлицами подъ лѣсомъ бѣлѣлись шатры, гдѣ расположился панъ ловчій съ порядочной свитой войсковыхъ чиновъ. Здѣсь онъ задавалъ скромные обѣды и вечеринки, на которые приглашалась шляхта изъ окрестностей. Все это ѣло и очень много пило, слушая вопль несчастныхъ... Милое развлеченіе продолжалось двѣ недѣли.

Казалось-бы, какой еще надо мести? Но для шляхты этого было слишкомъ мало. Ея традиціонная ненависть, скрытый страхъ передъ дикимъ звѣремъ, страхъ, отъ котораго она никогда не могла отдѣлаться,—все вырвалось теперь въ слѣпомъ порывѣ неутолимой мстительной злобы. „Всѣ сосѣди“, пишетъ тотъ-же Браницкій королю по этому поводу, „шляхта, жиды бѣгутъ ко мнѣ; одни совѣтуютъ четвертовать ихъ, другіе жечь, вбивать на колъ, вѣшать безъ милосердія... Возьми, распни!“ Только нѣсколько позже, когда чувства поостыли, выступила на сцену старая забота о живомъ реманентѣ.

На другомъ концѣ края, на сѣверѣ его, въ Житомірѣ засѣдалъ родъ экстренной судебной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше Дубровскаго, который вмѣстѣ съ Браницкимъ и Стемпковскимъ имѣлъ дарованное отъ короля jus gladii, право меча. Дубровскій былъ человѣкъ отважной души, неумолимый судья для виновнаго хлопа, но все-таки судья: онъ отсылалъ осужденныхъ въ Кодню, мѣстечко, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Житоміра, гдѣ ихъ принималъ для экзекуціи Стемпковскій, которому больше нравилась роль палача.

Но Стемпковскій не могъ ограничиться только исполненіемъ судебныхъ приговоровъ; онъ хотѣлъ и самостоятельно

воспользоваться своимъ правомъ меча для пользы края и его благородныхъ „обывателей“. Какъ ангелъ-истребитель прошелъ онъ по Полѣсью. Путь свой онъ обозначалъ висѣлицами; хлопъ шелъ на висѣлицу по самому ничтожному подозрѣнію. У него не было рѣчи о судѣ, о томъ, чтобы разбирать степени виновности: стоилъ-ли хлопъ, чтобъ утруждать себя такими мелочами? Всѣ его подначальные заняты были тѣмъ, что разыскивали подозрительныхъ людей по Полѣсью. Всякій, кто укрывался, былъ подозрителенъ, слѣдовательно, преступникъ, слѣдовательно, достоенъ смертной казни.

Такимъ образомъ, въ Коднѣ набралось нѣсколько тысячъ людей, частью присланныхъ изъ Житомiра, т. е. осужденныхъ, частью нахватанныхъ безъ всякаго слѣдствія и суда. Никого изъ важныхъ преступниковъ, изъ козацкой старшины, изъ вожаковъ возстанія здѣсь не было; наоборотъ, было не мало стариковъ, дѣтей, даже женщинъ. Все это подъ-рядъ шло подъ топоръ. Палачи смѣняли одинъ другого, щербились топоры на хлопскихъ шеяхъ, наблюдающіе за казнью теряли счетъ отрубленнымъ головамъ, а панъ обозный все сидѣлъ на удобномъ креслѣ надъ ямой, куда бросались отрубленныя головы, и курилъ свою трубку. Цѣлый курганъ высится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ падали эти несчастныя головы. Нѣсколько дней тянулась экзекуція. Сколько головъ пало тамъ? Противные лагери разно опредѣляютъ эту утрату: польскіе писатели принимаютъ ихъ въ 1000—2000, русскіе—въ 4000; первая цифра, повидимому, слишкомъ мала, другая слишкомъ велика. Шляхта сама пошла просить обознаго о пощадѣ, по крайней мѣрѣ такъ заявилъ Стемпковскій, да и не мудрено: эти казни происходили уже въ сентябрѣ, т. е. три мѣсяца спустя послѣ совершеннаго преступленія: можно было поостыть и обдуматься. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ принесть въ жертву Немезидѣ весь реманентъ, то сами гербовные, сотворенные для короны и сабли, должны будутъ ходить за плугомъ: перспектива печальная... И шляхта умоляла Стемпковскаго вложить въ ножны свой грозный мечъ правосудія. Стемпковскій пріостановилъ казни; но уцѣлѣвшихъ онъ все-таки приказалъ „значковать“ десятаго. Значковать не

такъ, какъ значковали когда-то въ началѣ столѣтія,—нѣтъ: отрѣзали не ухо, а руку и ногу, при чемъ если шла на отрубленіе правая рука, то вмѣстѣ съ ней лѣвая нога, и обратно. Трудно повѣрить такой ужасной и безцѣльной жестокости, но все это несомнѣнные факты, никѣмъ не оспариваемые. Долго Кодня и страшный Іосифъ, который рубилъ головы невиннымъ людямъ, какъ маковки, жили въ потрясенномъ воображеніи мѣстнаго народа. Уже заросли травой и могилы казненныхъ въ Коднѣ, одно поколѣніе вымерло, а другое и третье все еще повторяло, какъ проклятіе недоброму человѣку, „колыбъ тебе не минула святая Коднѣ“! Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Польши было противъ Стемпковскаго и его возмутительной жестокости. Чарторижскіе, Замойскіе, Любомирскіе, даже самъ Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально во время этихъ волненій,—всѣ высказывались съ громкимъ порицаніемъ. И король, вообще очень благосклонный къ коронному обозному, охладѣлъ къ нему на нѣкоторое время.

Результаты колівщины и ея усмиренія въ окончательномъ, хотя неточномъ, подсчетѣ даютъ такія приблизительныя цифры. Подверглось разоренію около 230 населенныхъ мѣстъ и погибло до 200 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шляхтичей и евреевъ вырѣзано шестьдесятъ тысячъ. Да кромѣ того, отъ чумы, которая страшно разыгралась тотчасъ же послѣ катастрофы, погибло приблизительно еще столько же народу.

Что сказать о „хлопскихъ бунтахъ“ 1789 г.? Мы знаемъ, что украинская шляхта снова была обхвачена тревогой; что въ одной Лабуни подъ крыломъ у коденскаго героя укрывалось четыре мѣсяца до 200 человѣкъ шляхты; что были учреждены военные суды и наставлены висѣлицы, однимъ словомъ, было все... кромѣ самихъ бунтовъ, повидимому. Вѣдь нельзя же считать за хлопскіе бунты убійство шляхтича Вылежиньскаго съ семьей, тѣмъ болѣе, что судебнымъ слѣдствіемъ было уяснено это убійство, какъ обыкновенный случай разбойническаго нападенія; или тѣ бумажные ножи громадныхъ размѣровъ, которые появлялись неизвѣстно откуда на вечеринкахъ у Стемпковскаго,

при чемъ дамы падали въ обморокъ, а кавалеры усиленно угощались старымъ венгерскимъ; или, наконецъ, тѣ темные слухи о какихъ-то указахъ, когда-то, гдѣ-то, кѣмъ-то подхваченные... Все дѣло было явно дутое; самъ король смотрѣлъ на него, какъ на выдумку, какъ на интригу своихъ политическихъ враговъ, которымъ выгодно было смятеніе въ качествѣ нѣкоторой диверсіи. Но хлопы были все-таки виноваты тѣмъ, что пугаютъ пановъ, хотя и безъ своего вѣдома: вѣчное повтореніе въ лицахъ басни о волкѣ и ягненкѣ. А потому только и нашелся на всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой одинъ шляхтичъ, Игнатій Потоцкій, который протествовалъ на сеймѣ противъ ненужныхъ висѣлицъ; да еще Костюшко, изъ своихъ американскихъ принциповъ, громко высказывался противъ произвола устроенныхъ на этотъ случай военныхъ судовъ.

Украинскій народъ уже не могъ больше подниматься: Сѣчь не существовала, и не было у него старой опоры въ степной вольницѣ.

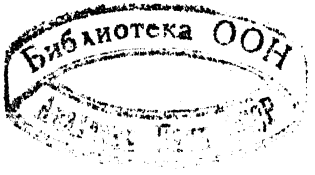
Польша, а вмѣстѣ съ нею и Украина, преобразованная ею по своему образу и подобію, быстро приближалась къ завершенію послѣдняго цикла своихъ историческихъ судебъ. Правда, идея о необходимости основныхъ измѣненій въ государственомъ и общественномъ строѣ уже зародилась въ сознаніи лучшихъ людей польскаго общества; появилась на свѣтъ и партія „реформы“, въ главѣ которой стояли Чарторижскіе. Но пагубныя историческія привычки и эгоизмъ, сословный и личный, стояли на стражѣ, всегда готовые выбросить столь привлекательное для шляхетской массы знамя „золотой вольности“ поперекъ дороги всякому серьезному реорганизаціонному стремленію. Много должно было пройти времени, чтобъ подготовительный процессъ внутренней работы пересоздали настроенія. Можетъ быть, все это и совершилось бы; но исторія не хотѣла ждать.

Какъ Барская, такъ и Тарговицкая конфедерація—эти двѣ ступеньки, черезъ которыя Польское государство валилось

въ пропасть,—по какой то роковой ироніи судьбы обѣ возникали на почвѣ Украины, на ней разворачивали свои силы, питались ея соками. Казалось-бы, глубокое различіе отдѣляетъ эти два проявленія шляхетскаго автократизма: различны были мотивы возникновенія этихъ конфедерацій, различны программы, различны цѣли. А въ томъ впечатлѣніи, какимъ отразились онѣ на душахъ современниковъ и потомства, это различіе выростаетъ въ полярную противоположность. Дѣятели Барской конфедераціи, эти поэтическіе „рыцари Маріи“ съ ихъ ксендзомъ Маркомъ, героическая фигура котораго какъ-бы перенесена въ 18-ый вѣкъ изъ сѣдой средневѣковой древности, въ яркомъ и горячемъ свѣтѣ симпатіи являются великодушными патріотами, самоотверженными борцами за національное дѣло. Дѣятели конфедераціи Тарговицкой выступаютъ, какъ мрачные злодѣи, измѣнники, обремененные проклятіями погубленной ими родины, преслѣдуемые этими проклятіями даже въ своихъ чадахъ. Но безпристрастный судъ исторіи долженъ дать иной приговоръ. Приговоръ этотъ предвосхищенъ въ нѣкоторомъ смыслѣ регементаремъ подольскимъ Тадеушомъ Дзѣдушицкимъ, который такъ высказывался одному изъ „барщанъ“: „Только на легальной дорогѣ можетъ Рѣчь Посполитая достигнуть улучшенія, а вы дѣйствуете нелегально; безправье васъ сгубитъ: все очарованіе героизма спадетъ съ васъ, какъ внѣшняя оболочка, и вы предстанете передъ судомъ внуковъ ничтожными эгоистами“! Правда, между дѣятелями Барской конфедераціи были люди высокихъ достоинствъ сердца и характера; но вѣдь и Щенснаго Потоцкаго, вождя Тарговицкой, никто не упрекаетъ въ томъ, что онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ мотивами личныхъ выгодъ: въ иномъ положеніи и иномъ освѣщеніи онъ могъ бы легко занять мѣсто въ пантеонѣ самоотверженныхъ патріотовъ. Тотъ же духъ разложенія проникалъ собою дѣйствія и Барской конфедераціи: каждый повѣтовый маршалекъ былъ корольком своего повѣта, предводитель каждаго отряда—гетманомъ, а каждый повѣтъ представлялъ собою Рѣчь-Посполитую въ миніатюрѣ: сколько повѣтовъ, столько враждебныхъ

партій... Нѣтъ, не здѣсь лежалъ путь къ спасенію. Молодежь, воспитанная Барской конфедераціей, четверть вѣка спустя оказалась въ рядахъ Тарговицкой; не будь первой, не было бы, вѣроятно, мѣста и второй.

Результатомъ Барской конфедераціи былъ первый раздѣлъ Польши; результатомъ Тарговицкой—второй раздѣлъ, то есть присоединеніе Украины къ Россіи.


Библиотека ООН

Выпуская въ свѣтъ эти „Очерки“ отдѣльнымъ изданіемъ, считаемъ долгомъ прежде всего отмѣтить для читателей, что началось печатаніе этихъ „Очерковъ“ въ іюнѣ 1894 г. и что поэтому первая фраза въ книгѣ „Въ январѣ *текущаго* года...“ означаетъ январь 1894 года. Сверхъ того, необходимо въ книгѣ сдѣлать слѣдующія болѣе важныя поправки опечатокъ.

		Напечатано	*Должно быть*
Стр. 22,	строка 17 снизу:	*притворить*	*претворить*
„ 26,	„ 14 сверху:	*польскаго*	*польнаго*
„ 27,	„ 11 „	*окраинское*	*окраинное*
„ 35,	„ 11 „	*Краковъ*	*Раковъ*
„ „	„ 15 „	*Краковскую*	*Раковскую*
„ 41,	„ 18 снизу	*Талдучки*	*Талдуччи*
„ 68,	„ 18 „	*пошло*	*пошли*
„ 91,	„ 1 „	*Въ то время*	*Въ тоже-время*
„ 92,	„ 16 „	*Блацлавлю*	*Брацлавлю*
„ 115,	„ 1 сверху:	*съ Адріанополя*	*къ Адріанополю*
„ „	„ 11 „	*на Покуты*	*на Покутье*
„ 119,	„ 15 снизу :	*истощеніе*	*запустѣніе*
„ 122,	„ 7 „	*подворнымъ*	*надворнымъ*
„ 125,	„ 19 „	*поселенге*	*населеніе*
„ 147,	„ 3 сверху:	*и принадлежащихъ*	*непринадлежащихъ*
„ 157,	„ 14 снизу	*съ нами*	*съ ними.*
„ 167,	„ 7 сверху:	*о мести*	*и мести.*